

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

Загребин Алексей Егорович

доктор исторических наук, директор

Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения

РАН

Мельникова Ольга Михайловна

доктор исторических наук,

научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского

института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН,

профессор кафедры этнологии и истории Удмуртии Удмуртского

государственного университета

Юрпалов Александр Юрьевич

аспирант

Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения

РАН

Пастыри о пастве: археология и этнография финно-угорских народов

Камско-Вятского региона на страницах «Вятских» и «Пермских

епархиальных ведомостей»

Ижевск 2013

Оглавление

Введение.....	С. 3.
Глава 1. Православная провинциальная периодическая печать как источник по археологии и этнографии финно-угорских народов Прикамья	С. 6.
Глава 2. Археология и этнография финно-угорских народов на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»	С. 14
Глава 3. Археолого-этнографическая проблематика на страницах «Пермских епархиальных ведомостей»	С. 24
Глава 4. Методология местного археолого-этнографического историописания на страницах «Епархиальных ведомостей»	С. 42
Тексты «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей» об археологии и этнографии финно-угорских народов Камско-Вятского региона	С. 65

Введение

Развитие историко-научных и историографических знаний по региональной археологии и этнографии требует постоянного приращения источников. Традиционно главными из них выступают научные труды. Однако начальный период становления археологической и этнографической науки требует обращения и к другим видам источников, в которых отражен сложный путь их развития. Это особенно значимо при изучении истории археологии и этнографии в российской провинции, где существовали иные, отличные от столиц, пути, формы и способы развития научного знания.

Историко-научные источники выступают значимой составляющей историко-культурного наследия, приобретающей актуальность в условиях глобального мира. Одновременно историко-научные источники отражают не только путь становления и развития конкретной науки, но и фиксируют объем и содержание полученного научного знания, исследовательскую методологию эпохи, представления о профессиональных ценностях, бытовавших в тот или иной период формирования археологии и этнографии. Они позволяют зафиксировать социальные и государственные потребности в обращении к археолого-этнографическим проблемам, что немаловажно для понимания потребностей современного общества.

Поэтому важно выявлять, сохранять, изучать и использовать в современной исследовательской практике наследие интеллектуальной жизни прошлых эпох. Малоизвестные и неизученные прежде источники могут пролить свет на те или иные сюжеты, актуальные как для общества, так и для современной науки, а также определить региональную специфику развития исторической науки и историографии в целом.

Вятская и Пермские губернии Российской империи связаны общностью процессов становления научного историописания. Одновременно – это и многонациональные регионы, где наряду с другими проживали финно-угорские народы – удмурты, марийцы, коми-пермяки, ханты, манси – в истории изучения которых весьма важной является археолого-этническая

проблематика. Генезис ее становления – актуальная составляющая историко-научного знания.

Вторая половина XIX – начало XX вв. в Камско-Вятском регионе – время, когда археология и этнография начинают приобретать собственные региональные очертания благодаря подвижнической деятельности представителей разных сословий. В основе их интереса к историческому прошлому лежали разные мотивы, отличался и их вклад в развитие науки. Среди тех, чья работа способствовала возникновению археолого-этнографического интереса в крае, становлению и развитию археологии и этнографии, были и православные священники, поскольку они составляли в российской провинции немногочисленный просвещенный слой. Как отмечает специалист в области российской провинциальной историографии В.А. Бердинских, «гуманитарная нацеленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие в приходской церкви архива – все это делало приходского священнослужителя сельским историком поневоле, влияло на его мировоззрение, круг занятий. В определенном смысле слова, русское православное приходское духовенство было потенциально сословием историков»¹.

Отражение этих наблюдений на страницах провинциальной периодической печати, специальные изыскания на археолого-этнографические темы и нашли отражение в настоящем исследовании. Оно представляет, с одной стороны, анализ основных направлений в деятельности представителей духовного сословия в области археологического и этнографического историописания в полиэтничном Камско-Вятском регионе, осмысление творческой методологии, определение специфики археолого-этнографической журналистики как важного этапа в становлении научных дисциплин в отдельных регионах Российской империи.

В основе исследовательского поиска лежал анализ двух церковных изданий «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных

ведомостей». Он предопределил решение еще одной важной задачи – извлечение из текстов изданий важных фрагментов, касающихся археологических и этнографических сведений о финно-угорских насельниках двух соседних губерний – Вятской и Пермской. Их публикация создает еще один важный блок историографических и историко-научных источников, которые можно включать в современное исследование археологии и этнографии удмуртов, марийцев, коми-пермяков, манси.

Работа была поддержана РГНФ в рамках **проекта №10-01-80107а/У** «Пастыри о пастве: археология и этнография финно-угорских народов Камско-Вятского региона на страницах православной периодической печати», выполненного совместно с д.и.н. А.Е. Загребиним, д.и.н. О.М. Мельниковой и А.Ю. Юрпаловым. Основные авторские наблюдения и размышления об изучаемом явлении нашли отражение в ряде публикаций: «Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», «Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»», ««Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»», **«Археологическая журналистика и институционализация археологии в российской провинции»²**.

Глава 1. Православная провинциальная периодическая печать как источник по археологии и этнографии финно-угорских народов

Прикамья

Священнослужители, будучи в большинстве мест российских губерний единственными просвещенными людьми, нередко интересовались историей, этнографией и археологией своей паствы. Но долгие годы их роль в развитии археологии и этнографии была незаслуженно «забыта» или об этой странице их биографий старательно умалчивалось, хотя значительная часть профессиональных историков (в том числе этнографов и археологов) в России второй половины XIX – начала XX вв. вышла из среды духовенства. Достаточно вспомнить имя выдающегося российского археолога В.А. Городцова, не имевшего университетского исторического образования. За его плечами была Рязанская духовная семинария. Этнограф Д.К. Зеленин был выпускником Вятской духовной семинарии, впоследствии стал членом-корреспондентом АН СССР.

Безусловно, для большинства священнослужителей археологические и этнографические изыскания носили стихийный любительский характер. Сочетание пастырского долга с родиноведческим интересом позволило им ввести в круг своих профессиональных обязанностей и научный поиск в области истории местных народов. Не случайно в одной из статей в «Пермских епархиальных ведомостях» читаем: «Всех ближе к народу стоят наши сельские пастыри, эти руководители жизни человека в крестьянском быту. Народ поверяет им и свои радости, и свои горести, он советуется с ними в трудных обстоятельствах своей жизни, одним словом, сельский пастырь есть лицо, которому ближе всех знакома духовная, умственная, нравственная и экономическая жизнь прихода. Сельские пастыри есть, таким образом, единственные создатели источников для истории внутренней жизни народа. Они-то и должны быть Несторами своего прихода и летописцами правдивыми»³.

Главная масса священнослужителей православной церкви получала общее и богословское образование в духовных семинариях, причислявшихся в Российской империи к средним учебным заведениям. С этим во многом связан факт развития церковно-исторической науки в России. Одним из ее основополагающих направлений была церковная археология, нашедшая широкую общественную поддержку: в губернских и провинциальных городах создавались комиссии, комитеты, общества, занимавшиеся охраной, описанием, изучением, реставрацией местных церковных древностей и даже попытками их археологических раскопок. Такие наблюдения и исследования осуществлялись и в Вятской и Пермской губерниях – регионах обширной Российской империи, связанных не только географически, но общностью путей формирования научных знаний по археологии и этнографии. Они были органичны для деятельности священнослужителей, хотя и неочевидны для многих из них. Церковная археология стала предметом регулярного интереса их небольшого круга. Несмотря на это обстоятельство это направление деятельности служителей православной церкви, несомненно, требует специального историко-научного изучения.

Но не менее интересной и весьма специфичной для духовных лиц представляется их работа в области дописьменной археологии, связанной с изучением древностей, оставленных предками финно-угорских народов края, и их этнографией. Обращение к этой сфере деятельности духовных лиц могло быть мотивировано исключительно любопытством перед неизвестным. Но, одновременно, в этом был и профессиональный интерес. Миссионерская деятельность православной церкви требовала не только численного приращения сторонников православной веры, но и понимания поступков и действий обращенной в христианство финно-угорской паствы, в том числе и через сохранившиеся археологические древности, а также посредством этнографических наблюдений, обращение к которым, естественно, носило во многом случайный и несистематический характер.

В широком историческом контексте среди деятелей, связанных с разными направлениями вятской и пермской археологии и этнографии, мы встречаем и священников, и лиц, получивших духовное образование, но занятых светской деятельностью. Так, епископ Сарапульского викариатства Мефодий (в миру М.М. Великанов), член Императорского Русского Географического общества и орфографической комиссии при Академии Наук и В.Г. Ананьин, наблюдатель церковно-приходских школ в Сарапуле, входили в круг учредителей «Общества изучения Прикамского края» в уездном городе Сарапуле Вятской губернии⁴.

Выпускник Вятского духовного училища А.М. Васнецов стал впоследствии действительным членом Московского археологического общества и его председателем. А.С. Верещагин, одна из наиболее ярких фигур вятской историографии, родился в семье дьякона, закончил Вятскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, был преподавателем Вятской духовной семинарии и смотрителем Вятского духовного училища. Он стал одним из инициаторов создания Вятской ученой архивной комиссии, редактором ее «Трудов», написал более 40 работ по истории древней Вятки⁵.

Г.Е. Верещагин, писатель, ученый, просветитель, священнослужитель, православный миссионер, помимо этнографии удмуртов, интересовался и их археологическими древностями⁶.

Исследованиями в области археологии был увлечен Я.Ф. Мултановский⁷, учившийся в Вятской духовной семинарии и затем служивший в сельских церквях Яранского уезда Вятской губернии. Священник г. Яранска Ф.П. Мышкин оставил о себе память как собиратель коллекций каменных орудий. И.М. Осокин, за плечами которого была Вятская духовная семинария и Казанская духовная академия, проявил интерес как к церковной археологии, так и к археологическим древностям финно-пермских народов края. В 1912 г. он инициировал создание в г. Вятке церковно-археологического музея⁸.

Одна из наиболее значимых фигур в истории археологии Удмуртии – инспектор народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии, член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете, член Вятского губернского статистического комитета, член-корреспондент Московского Археологического Общества Н.Г. Первухин. Он был выпускником Московской духовной академии, что, несомненно, способствовало глубине его изысканий по археологии древних удмуртов⁹. Выпускник Вятской духовной семинарии А.А. Замятнин преподавал в Елабужском духовном училище, был членом Вятской ученой архивной комиссии, оказывал помощь в создании Церковно-археологического музея в г. Вятке. За плечами профессора Казанского университета П.И. Кротова была Вятская духовная семинария.¹⁰

В.Д. Емельянов, выпускник Вятской семинарии и Петербургской духовной академии, был преподавателем истории в Вятском женском епархиальном училище, являлся наблюдателем епархиальных церковных школ. В 1905–1912 гг. – он редактор «Трудов» ВУАК¹¹. Обучение в Петербургском археологическом институте позволило ему профессионально констатировать, что «собрание и сохранение памятников местной истории есть дело общества, сознательно и с интересом относящегося к жизни своих предков. О ранней истории Вятки почти нет письменных источников, поэтому велика необходимость археологических исследований и музея как хранилища источников материальных»¹².

Можно указать имена и пермских деятелей, связанных с церковно-историческими изысканиями. Среди них – выпускники духовных семинарий и духовных академий. Я.В. Шестаков получил образование в Пермской духовной семинарии. Он работал в учебных заведениях, созданных для коми-пермяцкого населения Пермской губернии. В 1905 г. Я.В. Шестаков учредил книгоиздательство "Кама", в котором выпускались книги духовного и светского содержания по истории Пермской, Екатеринбургской, Вятской и других епархий. Всего было опубликовано более 30 книг. Книгоиздательство

публиковало материалы по истории местных церквей и монастырей в виде путеводителей, справочников, адрес-календарей. На рубеже XIX–XX вв. Я.В. Шестаков выступил с инициативой создания в Перми Церковно-археологического общества¹³. Важной составляющей его деятельности стало создание библиографических указателей литературы по археологии, истории этнографии региона¹⁴.

В.С. Верхованцев (1879-1947) – выпускник Пермской духовной семинарии и Казанской духовной академии – преподавал в духовном училище и в частных гимназиях. В 1912-1918 гг. он активно работал секретарем Епархиального церковно-археологического общества, входил в состав редакции «Известий Пермского епархиального церковно-археологического общества». История церкви – постоянная тема краеведческих исследований В.С. Верхованцева, он публиковался с сообщениями по этой тематике и в «Пермских епархиальных ведомостях»¹⁵.

Церковно-исторической тематике посвящены статьи И.Е. Лаговского (Архимандрит Иероним). Выпускник Костромской духовной семинарии и Петербургской духовной академии, он преподавал в Пермской духовной семинарии, с 1868 г. занимал должность ее ректора, а по совместительству был редактором «Пермских епархиальных ведомостей»¹⁶. Известный пермский краевед И.Г. Остроумов также был выпускником Пермской духовной семинарии¹⁷.

Археологическая и этнографическая деятельность служителей церкви нашла отражение в различных трудах, зачастую публиковавшихся как на страницах светской, но чаще всего церковной периодической печати. В свое время В.О. Ключевский назвал журнальные заметки и статьи «современной исторической письменностью»¹⁸. Выполнение священнослужителями этой миссии, несомненно, оказало влияние на разработку проблем региональной археологии, этнографии и, конечно, церковной и гражданской истории. Ее состояние нашло отражение, в том числе, и на страницах «Вятских Епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей».

В России «Епархиальные ведомости» являлись официальным церковным изданием¹⁹. Впервые они появились в Ярославле в 1860 г. В большинстве епархий журнал выходил 2 раза в месяц, в некоторых чаще – еженедельно²⁰. Наряду с другими периодическими церковными изданиями, ему вменялась функция «информационной поддержки официальной политики в области исторической науки»²¹.

Однако при этом публикация на страницах издания исторических статей и материалов требовала особого разрешения Священного Синода и цензурного ведомства²². В среднем объем журнала, выходившего в виде брошюры, составлял 58–74 страниц. В своей структуре он всегда содержал официальную и неофициальную части. Именно в последней регулярно печатались статьи и документы исторического и родиноведческого характера²³.

М.П. Мохначева, специалист в области исторической журналистики, обратила внимание на то, что такое строение журнала, появившегося спустя 20 лет после выхода первых «Губернских ведомостей», было сделано под влиянием последних. По мнению исследовательницы, это сходство наблюдалось в следующем: «Программы неофициальной части этих изданий в плане освещения местной истории и ведущихся или планируемых краеведческих изысканиях силами столичных и местных исследователей были во многом схожи, что позволяет рассматривать эти органы региональной периодики и их историко-краеведческие материалы в качестве *субъекта/объекта* социокультурного процесса в российских регионах, причем в самом широком смысле этого понятия, включая институциональную и интеллектуальную историю научного сообщества, гуманитарную и естественнонаучную сферы знания в центре и на местах»²⁴.

В этой связи для понимания процесса становления региональной историографии и развития интеллектуальной истории важно выявить работы на этнографические и археологические темы, опубликованные на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», «Пермских епархиальных ведомостей»

и сделать доступными для исторической науки. Особая роль такого исследования связана с тем, что выявляемые материалы, с одной стороны, являются важным историческим источником через посредство описания различных сторон жизни традиционного финно-угорского общества и характеристики археологически фиксируемых его черт. Одновременно – это и ценный историографический и историко-научный источник, позволяющий охарактеризовать процессы становления практик регионального и местного историописания.

Историко-археолого-этнографические наблюдения, опубликованные на страницах «Епархиальных ведомостей» Перми и Вятки, социально-ориентированы, их авторами эта информация осознавалась как социально значимая. Об этом свидетельствует регулярно составлявшиеся и публиковавшиеся библиографические указатели статей, в частности к «Пермским епархиальным ведомостям»²⁵.

Исследовательски можно было бы ограничиться выявлением и анализом только тех работ, которые упомянуты в библиографических указателях и относились современниками-авторами указателей к области истории, археологии и этнографии. Однако, предметное видение областей археологического и этнографического знания, зафиксированное «Ведомостями» отличается от их современного понимания. В частности, археология зачастую трактуется весьма узко как почти исключительно церковная археология. К археологии авторами публикаций относится широкий круг источников (описания городских и сельских храмов, чтимых святынь, надгробий, колоколов, церковных библиотек, валы, рвы, находки бронзовых и железных вещей), включаются не только вещественные объекты, объединенные общим довольно размытым по содержанию, понятием «древности». Поэтому понадобился просмотр всех номеров изданий.

Кроме того, археолого-этнографическая информация могла содержаться не только в специальных публикациях, обращенных к

родиноведению, но и упоминаться совершенно по неожиданному поводу, например, в рассуждениях о тех или иных поступках финно-угорской паствы, высказанных в миссионерском контексте, случайно оброненных при описании тех или иных сельских историй или в отчетах о миссионерской деятельности.

Глава 2. Археология и этнография финно-угорских народов на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»

Журнал «Вятские епархиальные ведомости» выходил в Вятской губернии с 1863 по 1918 гг., что позволяет серьезно относиться к этому историко-научному источнику.

По примеру соседних епархий «Вятские епархиальные ведомости» выходили два раза в месяц, имели два отделения: официальное и духовно-литературное (неофициальное). В последнем предполагалось, в том числе, публиковать особо интересные исторические и статистические сведения о Вятской епархии²⁶. Исключительный исторический и этнографический интерес в этом разделе представляют статьи об «инородцах Вятского края – вотяках (удмуртах) и черемисах (марийцах)»: «О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской епархии» (1868. № 8, 11), «Сведения о религиозных верованиях горных черемис» (1868. № 13) А. Филимонова, «Очерки из истории христианства среди вотяков» (1896-1898), статьи П.Н. Луппова, «Боги некрещеных вотяков Елабужского уезда» (1894. № 13), «Обряды некрещеных вотяков Елабужского уезда при погребении и поминовении умерших» (1895. № 19), «Крепость вотского язычества» (1903. № 2-3), «О новых изданиях на вотском языке» (1906. № 17) и другие статьи священника Михаила Елабужского.²⁷

«Вятские епархиальные ведомости» готовились в недрах Вятской духовной семинарии и распространялись по подписке во всех духовных правлениях, духовно-учебных заведениях, монастырях, соборах и церквях епархии²⁸. Первым их редактором был назначен инспектор Вятской духовной семинарии протоиерей И.Ф. Фармаковский, знаток древних и новых языков, писатель, гласный земской управы. Это была фигура яркая и значительная с точки зрения развития духовного образования в Вятской губернии, но еще и привлекательная тем, что его внук В.Д. Фармаковский станет впоследствии выдающимся археологом, исследователем античной Ольвии, что, несомненно, было следствием общей интеллектуальной атмосферы в семье²⁹.

Одним из главных направлений развития церковно-исторической науки в России была церковная археология. Значение археологического изучения церковных древностей осознавалось как важный предмет отечественной археологии. Не случайно в материалах почти всех археологических съездов, проводившихся Московским археологическим обществом, начиная с III съезда в Киеве в 1874 г., выделялись отделения «Быта церковного», «Быта религиозного», «Памятников христианских», «Древностей церковных»³⁰.

Интерес к церковной археологии был и в провинции. И хотя ее объект непосредственно связан с изучением христианской культуры и истории, археологически выраженная церковная жизнь, по мнению А. Мусина, «преломляется в исторической ментальности и в индивидуальном сознании человека прошлого»³¹. Этот человек может являться как носителем традиционного христианского менталитета, так и сохранять целый комплекс языческих воззрений вследствие недавнего воцерковления. Он может быть представителем различных этносов. Поэтому материальные объекты, связанные с обрядовой христианской практикой, одновременно связаны и с повседневным бытием народов христианского мира. Это делает привлекательным предмет церковной археологии, отразившийся в церковной периодике, не только с точки зрения изучения церковной традиции, но понимания влияния и восприятия христианской культуры в полиэтнической среде Вятской губернии, в том числе местным финно-пермским населением губернии.

Во многих городах Российской империи создавались общества, занимавшиеся охраной, описанием, реставрацией местных церковных древностей и даже попытками их раскопок. Такие исследования осуществлялись и в Вятской губернии. Впервые вятские церковно-археологические древности в более или менее систематизированном виде были обнародованы на VII археологическом съезде в Ярославле в 1887 г., хотя целенаправленное описание и фиксация началась позднее – начале XX в.³²

Основные усилия в изучении церковной археологии связаны с деятельностью Вятской ученой архивной комиссии, придававшей с самого начала своей организации большое значение изучению истории и археологии в крае. Но и «Вятские епархиальные ведомости» так же откликнулись на изучение этого аспекта истории местного края³³.

Журнал нередко давал позитивную оценку деятельности лиц, чье подвижничество состояло в изучении церковной археологии: «Усердные исследователи нашей местной старины, протоиереи Г.И. Пинегин, Г.А. Никитников, И.Ф. Фармаковский, В.И. Огнев, священник-коллекционер И.Т. Сергеев, подаривший богатую нумизматическую коллекцию, составляющую и теперь приятное украшение Епархиальной библиотеки, и наконец, стяжавший себе славу «летописца Вятки», бывший профессор Вятской духовной семинарии А.С. Верещагин, более поздние действительные любители старины, каковы, например, протоиереи А.А. Замятин и И.М. Осокин, священники М.Г. Сергеев и Н.Н. Блинов, также сын вышеупомянутого протоиерея молодой ученый Герман Замятин, член ВУАК П.Н. Луппов, преподаватель епархиального училища, член Императорской Археологической Комиссии и редактор «Трудов» ВУАК В.Д. Емельянов, архивариус духовной консистории В.И. Шабалин и многие другие».³⁴

На страницах издания выявлено 40 статей, в которых поднимаются разные аспекты церковно-археологических изысканий. Важно, что все они связаны с широким пониманием контекста церковных древностей не только как свидетельств по церковной истории, церковному культу, но и внешнему быту христиан. Их содержание способствует пониманию как внутрицерковной жизни, так и осмыслению социокультурной среды, в которой существовало в христианское сообщество.

Так, М. Решетников определяет круг церковно-археологических источников. По его мнению, это «вышедшие из употребления старинные кресты, иконы, складни, остатки церковных облачений, брачные венцы, лампадки, подсвечники. Древние и вообще исторического характера

рукописи и книги – словам все, что, так или иначе, может воскресить быт наших предков, восходя до самой седой старины»³⁵.

Большая часть статей из области церковной археологии посвящена изучению архитектуры, декора, иконостаса, колоколов храмов Вятской губернии. Значительный пласт публикаций по местной церковной археологии дополняется записями об отношении финно-пермского населения к церкви, ее святыням, утвари. Хотя содержательно эти темы являлись показателем индивидуальной исследовательской культуры священнослужителей, одновременно глубина, объем, частота этой информации во многом определялись работой редактора издания, как правило, являвшегося ректором семинарии.

Особый акцент в публикациях – отношение удмуртов к христианству, взаимоотношения христианского и языческого миропонимания. При описании церквей Вятской губернии авторы невольно упоминают об отношении к ним финно-пермского населения, о взаимоотношениях «инородцев» со священнослужителями.

Среди авторов статей по церковной археологии важно отметить не только духовных, но и светских деятелей. На страницах «Вятских епархиальных ведомостей» опубликовано 7 статей выдающегося российского археолога А.А. Спицына. В разные годы они вышли под общим названием «Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVIII века»³⁶.

Весьма важным сюжетом, нашедшим отражение на страницах издания, стала проблема охраны памятников церковной старины. Целая серия статей в «Ведомостях» посвящена Трифоновскому церковно-археологическому музею, открытому в 1912 г. по инициативе Вятской ученой архивной комиссии, имевшему 7 отделов, активно пополнявшему свои фонды и публиковавшему отчеты о своей деятельности³⁷.

В описаниях церквей нередко дается опись церковных библиотек, включающих немало светских изданий, что, несомненно, способствовало интеллектуальному саморазвитию священнослужителей. Так, в одном из

описаний перечисляются такие разные по содержанию и направленности издания, как «Христианское Чтение», «Воскресное Чтение», «Православный Собеседник», «Духовная Беседа», «Духовный Вестник», «Странник», «Душеполезное Чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Духовной Академии», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества», «Народная Беседа», «Блюститель здоровья и хозяйства», «Морской Вестник»³⁸.

В Вятской губернии актуальным было изучение истории «инородческого населения», в том числе, «вотяков и черемис», во всех отношениях. В изучении их археологических древностей, было стремление удовлетворить и собственный исторический интерес к древней истории родного края. К тому же подавляющее большинство священников Вятской губернии имело местные корни, было представителями, в том числе, финно-пермских народов. Сочетание пастырского долга с родиноведческим интересом позволило священнослужителям ввести в круг своих профессиональных обязанностей и археологические изыскания.

В этой связи в «Вятских епархиальных ведомостях» поднимаются различные проблемы дописьменной археологии местных народов: их волнует и собственно развитие археологии в Вятской губернии как научного направления, и конкретные аспекты изучения и интерпретации археологических памятников.

В одном из номеров за 1910 г. анонимный автор в статье «Важность прошлого» горячо доказывает значимость археологии. Цитируя своего коллегу из «Псковских епархиальных ведомостей», он ставит актуальные задачи археологического изучения Вятского края: «Каждая переживаемая человечеством эпоха находится в непрерывной связи с прошлым, настоящее наше духовное развитие имеет свои корни и основания в глубине веков, в наследии других народов. К сожалению, среди современников приходится слышать, что заниматься изучением прошлого – значит напрасно тратить время, что археологические находки мертвы и бесполезны. Очевидно, эти

люди забывают, что для творческой мысли науки нет существенной разницы между живым и мертвым, между прошлым и настоящим. По закону причинности из мертвого возникает живое, и настоящее есть следствие, результат прошлого. От прошлого к настоящему идет бесконечная цепь явлений, друг друга обуславливающих, друг от друга зависящих, – и нельзя вынуть звена этой могучей цепи, чтобы настоящее не зависело от прошлого, будущее от настоящего, действительность от истории, новое от памятников старины... И общественные науки, от развития которых зависит в значительной степени и общественное устройство, черпают материал в науках исторических и археологических. Историк, археолог останавливается перед прошлым, как бы задавая вопрос: «Скажи нам, прошлое, как устроить настоящее и что ожидает нас в будущем?»³⁹.

Другой важный взгляд, изложенный в «Ведомостях» отражает понимание значения археологии как науки: «Историку, изучающему прошлую судьбу Вятского края, должны быть особенно дороги так называемые вещественные памятники старины, по которым можно судить, как жили прежде наши предки, какие обычаи они имели, как одевались, как обставляли свои жилища и прочее. Но еще, пожалуй, важнее проследить высшие запросы их души: их верования, религиозные обряды»⁴⁰. Для ответов на столь широкий спектр вопросов, анонимный автор предполагает исследовать разнообразный круг археологических источников: «В разных местах России, в том числе, и в Вятской губернии, встречаются до сих пор остатки древних городищ, курганы и могилы, и добытые из них путем раскопок предметы: оружие, монеты, металлические вещи, украшения, сосуды и прочее проливают свет на доисторический быт обитателей Восточной Европы»⁴¹.

В статье обращено внимание на значимость освоения методики археологических исследований: «Нужно быть специалистом, чтобы судить правильно о старинных вещах, разбираться в разных вопросах, связанных с археологической ценностью. Поэтому для лиц, интересующихся родной

старинной, но не занимавшихся ранее археологическими изысканиями, необходимы некоторые указания»⁴².

Эти указания нашли отражение в статье, посвященной роли, задачам и полномочиям Императорской Археологической Комиссии и ее взаимоотношениям с православной церковью в деле изучения археологических памятников, в первую очередь, церковно-археологических⁴³.

Интересно, что занятия археологией для священнослужителей воспринимались авторами заметок в «Ведомостях» как деятельность в рамках единой мировой археологической науки, хотя и с российской спецификой. В одной из работ автор, с большим для себя огорчением, формулирует видение этой специфики в следующем: «Западный мир давно сознал, какое важное значение для развития ума, современной науки и искусства имеет изучение прошлых эпох. Он смотрит на дело изучения старины, не как на забаву от безделья богатых людей, но как на серьезное дело. Там при университетах открываются кафедры. Новая наука быстро завоевала себе почетное место среди прочих высших наук, так что скоро стала ощущаться потребность для изучения старины, в целых самостоятельных учебных заведениях. И вот в Западной Европе образовалась целая сеть археологических институтов. Идет оживленная работа ученых: всюду направляются геологи, археологи, историки. Изучаются памятники давно прошедших эпох, исследуются пласты земли. Музеи Лондона, Рима, Берлина, Парижа заполняются ценными коллекциями с последних раскопок в Египте, Палестине, Индии. Открыты Иерихон, Троя и Микены. Так прилежно работают ученые запада: англичане, французы, итальянцы и германцы.

У нас в России работают только отдельные личности, труды которых известны ученому миру. Но сделанное – капля в море в сравнении с предстоящими грандиозными трудами. Много памятников седой старины в нашем отечестве не исследовано совсем. Много гибнет дорогих памятников,

благодаря невежественному и даже намеренно злому отношению к ним обывателей. Поэтому большую службу может сослужить родной старине духовенство, если оно, объединившись, выяснило бы на местах, какие в их приходах имеются достопримечательности, и приняло участие в их сохранении от расхищения и разрушения»⁴⁴.

Авторы статей, знакомые с археологией, подчеркивают сложный, кропотливый характер этой исследовательской деятельности, требующей трудолюбия и выносливости: «Собирание сведений о древностях при обилии предметов, подлежащих изучению, требует продолжительных разъездов, массы утомительных мелочных справок, так что одному лицу, например, заведующему музеем, не под силу выполнить этот труд. Требуется широкое содействие интересующихся родной стариной лиц, которые сочувствовали бы делу и могли бы оказать ему пользу. Вятское духовенство, к счастью, зарекомендовало уже себя с этой стороны»⁴⁵.

Среди тех, кто активно проявил себя как археолог-собиратель сведений о древностях (как церковно-археологических, так и о древних обитателях края), на страницах «Ведомостей» особо упомянуты различные деятели: «О.А. Чемоданов известен своими находками каменного века; о. Николай Блинов – своими научными трудами по этнографии, истории и статистике края (историч. Очерк Сарапула, языческий культ вотяков и др.) и проч. Можно указать о. Яковлева (религиозные обряды черемис), протоиерея Вишневского (из записок о религиозных верованиях чуваш), о. Рекеева (из чувашских верований и преданий). Прот. Никитниковым в Вят. Епарх. Вед. помещено несколько археологических описаний»⁴⁶.

Особый интерес к древностям обитателей Вятского края, отразившийся на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», проявил смотритель Вятского духовного училища И.М. Осокин (1864–1921). Во время церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. он исследовал археологические памятники, которые находились на территории церквей. Так в его описания попали четыре археологических памятника:

Никулицкое (*известное сейчас как Никульчинское – О.М.*) городище, Спасо-Подчуршинское городище, Шестаковское городище, Слободское городище. В описаниях для автора особенно привлекательны укрепления городища: естественные (овраг, река) и искусственные (вал, ров)⁴⁷.

Более подробный отчет о поездке был опубликован им позднее на страницах «Трудов Вятской Ученой Архивной Комиссии»⁴⁸. Для современных археологов весьма интересно сравнить публикации в разных изданиях на одну и ту же тему. В этом сравнении могут обнаружиться отдельные разночтения, проявиться работа исследовательской мысли от одной публикации к другой, что, несомненно, полезно для понимания рождения научного знания.

Изучение изданий, подобных «Вятским епархиальным ведомостям», полезно в уточнении современной археологической карты регионов, в том числе и Удмуртии. Так, в одной из заметок за 1890 г. в историческом описании с. Укан Глазовского уезда приводятся сведения об археологических памятниках удмуртов. «Здесь по правому берегу р. Чепцы были уже поселения крупные – городища, как-то видим из названия «Учка-кар» (около д. Кушман Люмской волости, в 20 верстах от с. Укан), «Гурья-кар» (деревня Балезинской волости), «Пор-кар» (местность гористая около села Укана), «Ука». Существует предание, что на берегу р. Лекмы где находится село Укан, на высоком берегу жил языческий князь по имени «Ука», от чего будто бы и произошло название села Укан...Вотяки спокойно среди дремучих лесов и вблизи рек Чепцы и Лекмы могли заниматься звероловством, рыболовством, пчеловодством – последним особенно успешно по обилию тогда леса липового. В сей местности существовало идолопоклонство, что можно указать на места погребения умерших вотяков-язычников – кладбища «шай-выл», которые как памятники язычества сохранились вблизи рек Чепцы и Лекмы...И вот здесь в лесах, Вотьяк-язычник, свободно умилоствовал злого духа – Кереметя, обильными приношениями из царства животных и пернатых. Деревня Кычинская находилась ближе к реке Лекме (саженной на

500). Как признаки старого жилья, указывают погребные и овинные ямы; на сих местах находили серебряные вещи: браслеты (поскэс), кольца»⁴⁹.

Конечно, археология дописьменного периода на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» представлена скромнее по сравнению с церковной археологией. Однако она дает представление о том, как постепенно формировались и изменялись исследовательские интересы священнослужителей. В сочетании с этнографическими свидетельствами сведения «Ведомостей» дополняют наше представление о зарождении устойчивого исследовательского интереса к финно-угорским народам губернии. Соединенные с историко-антропологическим анализом и изучением работ по истории финно-угорских народов, выполненных православными священниками и опубликованных в других изданиях, они позволяют осмыслить методологию их исследований, оценить их реальный вклад в становление археологической науки в провинции.

Глава 3. Археолого-этнографическая проблематика на страницах «Пермских епархиальных ведомостей»

Выявление археолого-этнографической проблематики на страницах православной периодической печати было осуществлено также по материалам еще одного аналогичного издания – «Пермских епархиальных ведомостей». Такое расширение круга изучаемых источников значимо в контексте предмета исследования: на территории Пермской губернии также проживало финно-угорское население – удмурты, марийцы, коми-пермяки, а также угорские народы – ханты и манси. Поэтому возникает возможность не только выявления на страницах издания материалов по этнографии и археологии, но также сравнение авторских подходов к пониманию священнослужителями своей потенциальной иноверческой паствы, а также уже обращенной в христианство (это, в частности, могло определяться историческими воззрениями редакторов изданий). Кроме выявления самих источников, открывается возможность историографических и историко-научных обобщений и сопоставлений.

«Пермские епархиальные ведомости», как и во всей России, издавались в губернском городе Перми. Хронология их существования несколько отличается от «Вятских епархиальных ведомостей»: издание выходило с 1867 по 1919 год с периодичностью два раза в месяц. В некоторые годы (1905–1917) выпускалось три номера в месяц; на протяжении 1917 г. – издание становится ежемесячным, а в последние два года журнал выходил с неопределенной периодичностью. Как и другие «Епархиальные ведомости», пермский журнал имел два отдела – «Официальный» и «Неофициальный». Редактура осуществлялась, как и в Вятке, в недрах Пермской семинарии. Редактором неофициального отдела долгое время был ректор семинарии протоиерей К.М. Добронравов.

Активное развитие провинциальной историографии в России, в особенности в пореформенные годы, сформировало своеобразную библиографическую культуру, проявившуюся, среди прочего в практике

регулярных публикаций библиографических обзоров и тематических указателей литературы. В этой связи следует упомянуть работы священника Я.(И.)В. Шестакова. Он отличился в области педантичного прочтения «Пермских епархиальных ведомостей», опубликовав «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867-1893 гг.»⁵⁰, «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867-1899 гг.»⁵¹; «Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г.»⁵².

Кроме того, указатели статей на темы археологии, этнографии и истории Пермской губернии были подготовлены известным земским деятелем, длительное время занимавшим пост председателя губернской земской управы, просветителем Д.Д. Смышляевым: «Статьи о Пермской губернии исторического и этнографического содержания, напечатанные в «Пермских епархиальных ведомостях» в 1880 и 1881 г.»⁵³; «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867-1889 гг.»⁵⁴.

Историческая динамика развития предмета истории, археологии, этнографии не позволяет полностью ограничиться только текстами, упомянутыми и в данных указателях. Как уже отмечалось в отношении «Вятских епархиальных ведомостей», работы и в «Пермских епархиальных ведомостях» по истории, археологии, этнографии в значительной мере коррелируются с предметом церковно-исторической науки⁵⁵, а археологические свидетельства практически полностью связаны с публикациями работ о церковной археологии⁵⁶. Поэтому, как и в случае с «Вятскими епархиальными ведомостями», понадобился просмотр всего издания на предмет прямых и косвенных упоминаний о финно-угорских народах губернии в археологическом и этнографическом отношении.

Анализируя деятельность православной церкви в области археолого-этнографического историописания своей финно-угорской паствы, обратим внимание на то, что подавляющее число публикаций на исторические темы на страницах журнала «Пермские епархиальные ведомости» – это сведения по церковно-исторической и церковно-археологической науке, что соответствует направленности самого издания. При этом специфически этнографические и археологические материалы неофициального отдела в большей мере, по сравнению с публикациями в «Вятских епархиальных ведомостях», посвящены не миру потенциальной финно-угорской (и шире – финно-угорской паствы), а миссионерской деятельности в раскольничьей среде. Поэтому при прочтении «Пермских епархиальных ведомостей» акцент был смещен в область изучения «Официального отдела», в котором особо ценными оказались материалы Пермского отделения Православного миссионерского общества о деятельности православной миссии среди марийцев, коми-пермяков и удмуртов в пределах Пермской губернии.

Рассматривая археолого-этнографическую тематику на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» и характеризуя ее как достаточно лаконичную, не следует забывать, что исторические наблюдения и изыскания, проводимые священниками, находили выход на страницах и других церковных изданий, таких как «Справочная книга Пермской епархии», «Адрес-календарь Пермской епархии», светских «Пермских губернских ведомостей». Особый тип изданий – «Пермский сборник» – публиковал «археологические заметки о различных зданиях, памятниках, урочищах и других предметах, уцелевших от времени; описание образа жизни в различных пунктах края и различных отделах народонаселения, обычаи, празднества, поверья, гадания, песни, сказки, предания, словари местных наречий, образцы наречий в виде рассказов»⁵⁷.

Исследовательская инициатива священнослужителей находила воплощение и в традиционной для конца XIX – начала XX в. форме исследовательской кооперации – научных обществах. В 1912–1918 гг. в

Пермской губернии функционировало Епархиальное церковно-археологическое общество, занимавшееся собиранием, изучением и сохранением памятников церковной старины, публикацией материалов по истории Пермской епархии⁵⁸.

Показательно, что в 1915 и 1917 гг. избранные статьи из «Пермских епархиальных ведомостей» были опубликованы в издании под названием «Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества». Одна из 14 опубликованных работ (И.Я Кривошеков «Иллюстрация к переходу Прикамья от язычества к христианству»⁵⁹) непосредственно связана с археологией и этнографией финно-угорских народов края. Следует также отметить наличие в Перми светских традиций изучения истории, археологии, этнографии региона: с 1888 г. в губернии действовала Ученая архивная комиссия, а также Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания.

Подавляющее большинство заметок, статей, информационных сообщений, связанных с финно-угорским миром Пермской губернии, носит анонимный характер. Следует полагать, исходя из содержания, что, главным образом, они были созданы священниками пермских приходов. Лишь в некоторых случаях среди авторов – светские деятели, такие, как, например, В.Я. Струминский – в будущем член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР (1945), доктор педагогических наук (1967). Он также происходил из духовной среды, окончил Московскую духовную академию, преподавал церковную и библейскую историю в Пермской духовной семинарии и женской гимназии.

Весьма ценен его труд «Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном», опубликованных на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» в 1904 г.⁶⁰. Это один из немногих полноценных научных трудов этнографической направленности, которое удалось выявить на страницах издания. Близок к нему по стилистике и содержанию труд И.Я.

Кривошекова⁶¹, этнического коми-пермяка, «Иллюстрации к периоду перехода Прикамья от язычества к христианству»⁶².

Жанровое своеобразие археолого-этнографических публикаций на страницах «Пермских епархиальных ведомостей» определялось направленностью издания. Для информации, встреченной в «Официальном отделе», это, как правило, отчеты о деятельности Пермского отделения миссионерского православного общества. Сведения об удмуртах, марийцах и коми-пермяках здесь, как правило, излагаются в духе задач общества, фиксируется благоприятное прогрессивное воздействие на жизнь финно-пермян обретение ими новой православной веры («грубые языческие верования, вносятся в среду народа здравые понятия, инородцы-язычники сближаются с русскими и свет христианства мало-помалу проникает в мрачную среду их»⁶³).

Так, в отчете за 1879 г. указывается: «Круг миссионерской деятельности между инородческим населением в отчетном году был слишком не обширен, по недостаточности пока средств к открытию особой миссии и по неимению в виду лица, которое бы приняло на себя эту обязанность. Делом миссии, как и в предшествовавшие годы, занимались, в звании временных миссионеров, и только в пределах своих приходов священники Михаил Чемезов и Василий Корепанов; первый в Красноуфимском уезде между черемисами, а другой в Осинском – между башкирами и вотяками. Для достижения успеха они старались сближаться с инородцами и быть с ними в добрых отношениях, пользовались каждым удобным случаем к тому, чтобы, в доступных их ограниченным понятиям беседах предлагать им учение христианской веры, указывать его превосходство пред учением магометанским и языческим, знакомить их с спасительными уставами и обрядами святой церкви и разъяснять их значение»⁶⁴.

Все, что касается языческой составляющей этой темы, преподносится на страницах журнала как преодолимое явление вследствие бесед, ведущихся

с язычниками: «При собеседованиях с черемисами некоторые из них, хотя и противопоставляли свои возражения, опираясь единственно на то, что веру свою они приняли от дедов и отцов и потому не могут переменить оную из опасения оскорбить своих предков и прогневать богов»⁶⁵. Миссионеры подчеркивают миролюбивый настрой мари́йцев по отношению к православным священникам: «Большую частью выслушивали беседы и разговоры о христианской вере без всякого ожесточения и даже с убеждением в действительном превосходстве христианской веры пред черемисскою»⁶⁶.

Значимым наблюдением в миссионерских материалах выступают гендерные характеристики финно-угорской паствы: «Ныне почти в каждой деревне, даже небольшой, можно встретить грамотных инородцев и в них вообще значительно развито уже стремление к учению. Особенно это можно сказать о черемисах и вотяках. К сожалению, инородцы, сознавши пользу грамотности для мужчин, не могут понять, что грамотность не менее полезна и для женщин, почему между учащимися крайне ограниченное число детей женского пола. Между тем, грамотные женщины могли бы оказать весьма большое содействие нравственно-религиозному развитию инородческого населения, особенно между вотяками, у которых женщина занимает господствующее положение в семействе»⁶⁷. «Черемисская женщина одно из главных препятствий к успеху христианской проповеди среди черемис. Будучи до крайности не развита и невежественна, живя замкнутою жизнью, вращаясь только около своего домашнего очага, женщина-черемиска имеет свой религиозный кругозор, свои верования, предрассудки, вся ее жизнь основана на колдовстве и суеверии; поэтому истина Христова почти недоступна ее сердцу. Она не только не любопытствует узнать ее, но избегает всякого случая к этому и не может, подобно мужчине, хладнокровно поговорить о вере христианской. Да и после крещения черемиска не может отказаться от своих прежних языческих верований»⁶⁸.

В отчетах о деятельности Пермского миссионерского общества дается характеристика некоторых верований финно-угорской паствы: «Так как черемисы считают свою веру Аврамовой, то беседа большею частью начиналась о чтимых ими ветхо-заветных патриархов: Авраам, Исаак, Иаков и затем переходили к значению приносимых сими праведниками ветхо-заветных жертв, прообразовавших смерть ожидаемого ими Спасителя Господа нашего Иисуса Христа и отсюда только заимствовавших свою силу. В настоящее же время жертвы эти не только не нужны, но и противны Богу. Не менее этого противно Богу и безрассудно поступают черемисы, принося жертвы злым силам (Керемети), берегу, воде, горе, лесу и другим предметам; а потому черемисы должны оставить такое богопротивное почитание тварей и обратиться от своего грубого заблуждения к истинной христианской вере»⁶⁹. «Если черемисы чтут этих христианских святых, желают получить от них милость и помощь, то должны подражать им – должны веровать в Иисуса Христа, как веровали они, креститься, и жить по-христиански. Затем внимание пастыря обращено было также на обычаи черемис 1) праздновать христианскую пасху, называемую ими: Христов день или Духов день. Празднование пасхи черемисы начинают с великого четверга безобразным пьянством. После многократного разъяснения значения для всего рода человеческого страданий, крестной смерти и воскресения Иисуса Христа слушатели нередко сами осуждали свой безобразный обычай празднования пасхи, и даже давали обещание, особенно старики, оставить его. И 2) на суеверия черемис при погребении усопших и поминовении, основанные на нелепых верованиях и сказках о состоянии душ умерших, причем предлагалось христианское учение о загробной жизни и о средствах к облегчению участи умерших, заключающихся в христианской кончине и в молитвах св. церкви. Беседы всегда сопровождалась чтением Евангелия на русском языке. Это чтение “книги Христовой” – так черемисы называют св. Евангелие – по словам священника Словцова черемисам весьма нравится и вызывает их на разного рода суждения о лице Иисуса Христа и Его учения,

как хорошем и спасительном, которому, по их собственному сознанию, нужно следовать. Беседы каждый раз оканчивались евангельским рассказом о имеющем быть страшном суде Христовом и о безответности черемис на этом суде. Можно думать, что пастырские беседы с некрещеными черемисами не бесследно проходят для их религиозного мирозерцания»⁷⁰.

При этом финно-угорское население вело себя не всегда столь лояльно по отношению к своим соплеменникам. В одном из Отчетов Миссионерского Православного общества по этому поводу приводится следующий факт: «Нужно ли говорить, что эти факты торжества истинной веры крайне озлобили язычников, уже и без того враждебно настроенных против христиан. Бессильная ярость их сказалась в конце года в следующем происшествии. Вечером 31 декабря несколько черемис, бывшие в нетрезвом виде по случаю праздника и свадьбы одного из язычников, неожиданно напали на новокрещенного Тихона Коробова (Еметева) близь его дома и начали наносить ему побои. На помощь притесняемому явились защитники их христиан, а в подкрепление нападавшим вышли другие язычники и дело приняло характер настоящего побоища, которое было прекращено благодаря только прибытию полиции и потерпевшими в котором явились едва не все принявшие христианство местные черемисы. На другой день был составлен полицейский протокол о случившемся, но преследования виновных не было учинено, так как сами потерпевшие явились ходатаями за своих притеснителей, сами просили не возбуждать дела»⁷¹.

Традиционной частью «Неофициального раздела» всех «Епархиальных ведомостей» выступает жанр путевых заметок. Пермское издание содержит таковые в небольшом количестве, но среди этих материалов также встречается археолого-этнографическая информация. Так, в заметках «Из путевых впечатлений. От Перми до Нижнего» их автор демонстрирует знание об одном из известных археологических памятников Прикамья Елабужском (Чертовом) городище, интерпретация происхождения которого может быть интересна и современному исследователю для понимания

истории археологического объекта и его восприятия обывателем: «Вот наприим. Елабуга. Город довольно красивый. В нем пять церквей и мечеть. Есть несколько каменных домов. Ниже Елабуги мне показали на «Чертово городище». Это башня, начатая постройкою, но не доконченная. Когда и кем она строилась, достоверно не известно. Будто бы черт ее начал строить, но не успел до пения петуха и, когда пропел в полночь петух, бросил. Конечно это басня, а вероятнее эту башню начал строить какой либо древний народ, наприим. те же татары, здесь обитавшие, – как сторожевую башню на случай набегов от неприятелей. Как древность, она поддерживается»⁷².

Эта и другие зафиксированные в журнале легенды и предания, несомненно, ценны сами по себе как самостоятельный источник, характеризующий повседневные и религиозные представления авторов текстов и той среды, в которой они проживали.

Один из аспектов миссионерской деятельности православных священников, отразившийся на страницах «Ведомостей», состоял в противостоянии с мусульманскими миссионерами, активно действовавшими среди финно-угорского населения. На страницах «Пермских епархиальных ведомостей» этому посвящено немало сюжетов. Так, описывая путешествие Преосвященного Петра, Епископа Пермского и Соликамского, по Осинскому и Оханскому уездам для обозрения церквей, автор заметки указывает на то, что деревня Гондыр – место компактного проживания удмуртов «всегда была предметом особенных забот миссионерской деятельности: в ней основано миссионерское училище и избран даже дом для совершения православного богослужения. Но дело проповеди христианской там туго идет вперед, что объясняется более всего тем, что вотяки испытывают на себе сильное влияние мусульманских учителей, к последним вотяки стоят ближе, и у них обоих есть много общего в нравах и обычаях, а по одежде и головному покрою их даже нельзя отличить. Требуется особенная забота и усилия, чтобы положить там твердое основание православной вере и расположить

диких сынов Пермской земли к принятию истинных понятий о Боге и назначении человеческой жизни»⁷³.

Наблюдательный путешественник обращает внимание и на этнографические подробности, встреченные им в поездке: «Я увидел мужчину в белой короткой рубашке, в таких же кальсонах и лаптях, который, сидя на траве, держал в руках ребенка у груди. Что такое, думаю, мужик кормит ребенка! Интересно! Я подошел поближе, – и оказалось, что это была черемиска-мать. После я встретил еще несколько черемис и черемисянок в их национальном костюме, почти одинаковом у того и другого пола. В церкви, где был праздник, пели тоже черемисянки-монахини, но пение их не может нравиться: голоса довольно грубые, почти мужские и поют не особенно стройно. Впрочем, нельзя быть и требовательным к ним: и то хорошо уже, что эти дети природы приучены к пению»⁷⁴.

Для «Епархиальных ведомостей» значимыми являются статьи, посвященные различным географо-статистическим, историческим аспектам развития региона. Весьма показательным в этом отношении является большое сочинение на тему «Пермь и Сибирь», автор которого пытается дать фундаментальное объяснение значения Перми как региона для России в социально-экономическом, географическом, историческом развитии страны. Среди прочего он обнаруживает глубокие исторические познания относительно древнейшего прошлого края: «Пермь воспользовалась своими горными богатствами и географическим положением, благоприятным промышленности и торговле. Она развернулась в 500 лет, разбогатела, раскинула железную дорогу до Екатеринбурга и продолжает ее до Тюмени; при этом еще пользуется паромством Камы и Тобола, простирает свое влияние на систему рек Европейской и Азиатской России. Таким образом, Пермь, – древняя убогая Биармия, достигла высокого экономического и политического значения в русском государстве и стремится неудержимо к большему возвышению и обогащению. Не будь этих благодеяний Москвы, самоотверженных забот свят. Стефана и продолжателей миссионерской

проповеди – русских святителей, не будь обширных льгот Пермскому краю великого преобразователя России: чтобы стало ныне с дикой Биармией? Чем бы она заявила теперь свое экономическое и политическое существование? Далеко ли Пермь ушла бы от нынешней чуди, корелы, остяков и других диких племен, населяющих северно-восточные окраины России?»⁷⁵.

Автор озабочен и духовной жизнью многонациональной и многоконфессиональной Перми. Он указывает: «Народы, обращенные в христианство без подготовки, умственного развития и просвещения, обыкновенно остаются двоеверными. Их убеждения грубы и суеверны; их нравы чувственны и предосудительны. Это христиане по внешности и язычники по духу»⁷⁶.

При этом автор весьма толерантен к многообразию культур. Он пишет: «Эти племена вносят в общую сумму житейского опыта разнообразие знаний, национальных убеждений, религиозных верований и привычек, наследственных талантов и предрассудков»⁷⁷.

Понимание многообразия культур в прошлом и настоящем заставляет авторов «Пермских епархиальных ведомостей» следовать складывающимся научным нормам их изучения. Не случайно на страницах издания периодически появляются документы, исходящие из Императорской Археологической Комиссии (ИАК) – высшего государственного органа Российской империи, ведавшего организацией и проведением археологических раскопок на территории страны.

Так издание публикует не просто обращение ИАК, но и прилагает методические комментарии к изучению ископаемых археологических объектов: «Почти во всех наших губерниях ежегодно, при распашке полей, при устройстве дорог и производстве разных других земляных работ, при обвалах речных берегов, после сильных проливных дождей или по убыли воды разлившихся рек, открываются различные древности, относящиеся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда в пределах

нынешней России. Не смотря на существующие у нас узаконения о сохранении находимых древностей, изложенные в прилож. К ст. 539, ч. 1 т. X св. гражд. законов, из всех таких случайных находок только самая незначительная доля поступает в государственные древлехранилища и делается достоянием науки; большею же частью они или совершенно пропадают или слухи о нем появляются долгое время спустя после открытия, когда уже нет никакой возможности не только отыскать найденные вещи, но и собрать надлежащие сведения о том, что найдено, и о ближайших обстоятельствах, при которых была сделана находка.

Между тем, все такие находки, как бы ничтожны они ни казались, имеют в научном отношении чрезвычайно важное значение и требуют самого тщательного сохранения и описания.

Поэтому Императорская Археологическая Комиссия покорнейше просит всех, кому представится случай либо самим открыт какие бы то ни было остатки древности (как-то: каменные орудия, костяные, глиняные и металлические изделия, надписи, монеты и т.д.), либо узнать о находке таких вещей другими, тотчас же извещать комиссию о сделанных открытиях и, если не представится каких либо особых затруднений, переслать ей и самые вещи или, по крайней мере, доставить ей подробное и обстоятельное их описание, а в случае возможности и рисунки.

При этом комиссия считает долгом обратить внимание на следующие пункты:

- 1) Случайно открытые древности находчик не обязан уступать бесплатно, но если пожелает продать их, то получает за них соответственное денежное вознаграждение, а именно не только цену по действительной стоимости золота, серебра или того вещества, из которого они сделаны, но и особую добавочную сумму, сообразную с степенью древности и редкости найденных вещей.

- 2) Древности, которые находчик пожелает оставить за собою или комиссия почему либо не признает нужным приобрести, будут возвращаемы по принадлежности, с оплатою всех расходов по сему случаю.
- 3) Найденные древности могут быть доставлены или непосредственно в археологическую комиссию, на имя председателя ее (в С.-Петербург), или через местные статистические комитеты, с которым она, по соглашению с министерством внутренних дел, находится в сношениях по этому предмету.

В заключение, Археологическая Комиссия имеет честь обратиться как к местным начальствам, так и к частным лицам с покорнейшею просьбою содействовать ей по возможности к распространению вышеизложенных сведений преимущественно между сельскими обывателями, которым чаще всего представляется случай находить разного рода древности»⁷⁸.

Само местное духовное ведомство также публиковало разнообразные инструкции для священнослужителей, правда, главным образом, в области церковно-исторических исследований: Так, в одном из опубликованных в журнале документов указано: «В <...> записке «О составлении церковно-исторического и статистического описания епархий <...> признается весьма полезным и даже необходимым поручить каждому из преосвященных составить полное историческое и статистическое описание вверенных им епархий, собрав для сего нужные сведения из подлинных актов, хранящихся в архивах и библиотеках консисторских, монастырских, соборных, также при архиерейских домах и в других местах епархиального ведомства, с тем притом, чтобы трудящиеся в этом деле не ограничивались обзором некоторых только документов, но подвергали тщательному рассмотрению все, какие только могут быть открыты в каждом месте.

В состав полного описания епархии могут входить, как части, следующие предметы: 1) Начало и распространение христианской религии в пределах каждой епархии. 2) Время учреждения самой епархии. 3) Епархиальная иерархия в непрерывном порядке, с кратким жизнеописанием архиереев, преимущественно тех, которые или по своей святости, или по

другим каким обстоятельствам, заслуживают особенное внимание. 4) Монастыри, находящиеся в епархии. Здесь должны быть собраны полные исторические сведения о каждом из них, содержащиеся в монастырских актах и летописцах, где таковые есть; также должно быть составлено подробное описание всех актов и рукописей, какие где будут найдены. 5) Сведения о соборах, приходских, домовых и других церквах, с особенными указаниями на замечательнейшие из них по древности или по каким либо важным обстоятельствам. 6) Сведения о св. угодниках, почивающих в монастырях или других местах, с приложением полных списков их житий, или записей о них из летописцев монастырских, церковных и других. 7) Сведения о св. иконах чудотворных, явленных, или замечательных по особенной древности, с приложением сказаний и записей о них. Наконец 8) сведения о благочестивых обычаях и установлениях, существующих в епархии, каковы: особенные посты, крестные ходы, путешествия для поклонения св. угодникам, совершаемые в определенные времена, и проч., с историческим указанием начала и повода сих учреждений»⁷⁹.

В результате появились описания отдельных приходов, церквей и целых регионов Пермской губернии. Так в «Церковно-историческом и археологическом описании г. Соликамска» содержатся сведения о древнейших насельниках края: «При заселении здешнего края пришельцами с Руси и до прибытия Строгановых в здешние места, и после того, как они, по занятии здешних мест, построили укрепленные городки Канкор (ныне Пыскор), Кергедан (ныне Орел), и острожки Чусовские, Яйвинский и Сылвенский, в 1558 – 1581 годах враждебные русским Сибирские народы вогуличи, остяки, нагайские татары, также башкиры и черемисы делали частые набеги на этот край, грабили и жгли городки, посады, погосты и деревни, убивали жителей и уводили в плен. И народонаселение Усоля Камского, как тогда назывался Соликамск, неоднократно терпело разорение от этих вторжений»⁸⁰.

«Хотя в летописи и не упоминается, что черемисы делали нападение на Строгановские городки и на Камское Усолъе, однако тем не менее вторжение это, бывшее так близко от Соликамска, касалось, как должно предполагать, интересов и жизни граждан Соликамска в лице торговых людей, ограбленных и избитых черемисами; из них некоторые может быть и принадлежали к торгующему сословию г. Соликамска, который при развивающейся тогда солепромышленности представлял первый после Чердыни важный торговый пункт. Грабители жестоко были наказаны»⁸¹. «В то самое время, когда Ермак отправился со своею дружиною воевать Сибирское царство, Пелымский князь Кихек с мурзами Сибирской земли, с 700 воинов и с шайками Сылвенских, Косвинских, Иренских, Инвенских и Обвинских татар, остяков, вогулич, вотяков и башкирцов напал на Чердынь, в которой воеводою тогда был Василий Пеленицин и на Кай-город, хотя г. Чердыни взять не мог, но окрестные селения опустошил и пожег, оттуда устремился на Соликамск, где взял и сожег посад, укрепленный башнями и деревянным острогом, окрестные села разорил и умертвил многих жителей, защищавших город»⁸².

Авторы стремятся выстроить древнюю историю края, в том числе и этническую историю региона, пытаясь обосновать свои аргументы в этой концепции. Так, относительно финно-угорского населения в «Церковно-историческом и археологическом описании г. Соликамска» указано следующее: «Кто же были коренные обитатели здешнего края? Названия рек здесь большею частью пермяцкие или зырянские: Обва, Иньва, Вильва, Яйва, Косьва, Уньва, Ленъва, Лысва, Лытва, Язва, Кондас, а также и названия некоторых мест: Канкор (ныне Пыскор), Кергедан (ныне Орел), Касиб, Кумор, Лытва (завод), Ленва (село), Лысва (деревня), Зырянка (село). Поэтому можно бы было полагать, что коренными жителями были здесь пермяки. Таковое предположение подтверждается и тем, что центр пермяцкого народонаселения находился не далеко от здешнего места (в 70 и 90 верстах) в известных по истории городах Чердыни, Искоре и Уросе. Ныне

пермяки, сохранившие свой язык, населяют село Верх-Язвинское в юго-восточном углу Чердынского уезда в 90 верстах от Соликамска, многие села в юго-западной части того же уезда в 120 верстах от Соликамска, в 200 верстах от Чердыни и весь юго-западный угол Соликамского уезда в 180 и 200 верстах отсюда. Но, как кажется, около нынешнего г. Соликамска был крайний предел пермяцкого народонаселения, если не вблизи этого места, то несколько далее кверху от Соликамска в южном крае Чердынского уезда, потому что в 1558 году, при пожаловании земель Строгановым от Царя Ивана Васильевича, места ниже речки Лысьвы и Пызновской курьи, в 10 верстах отсюда на юг, были еще никем не заселены и в грамоте, данной Строгановым, названы пустыми. Между тем и здесь реки и некоторые места носят также названия пермяцкие.

Итак, должно полагать, что пермяцкие названия рекам даны потому, что пермяки, которые вероятно бывали в этих пустынных местах для звериных промыслов, прежде русских знали их, дали названия им на своем языке, и как более знакомые с местностью вероятно были путеводителями русских при занятии этих новых мест, а с водворением их многие эти усвоены и пришельцами. Но с другой стороны в преданиях народа есть сказания и в старинных рукописях факты, на основании которых можно утверждать, что до прибытия русских здесь жили остяки. В числе государственных крестьян, живущих вблизи Соликамска, весьма многие имеют фамилию Иртегов. Между крестьянами этими есть предание, что предок их был Иртег, язычник, принявший христианскую веру, что у этого Иртега был родственник, по имени Шутег, который креститься не захотел и сам себя убил, бросившись в яму. Слова Иртег, Шутег по своей организации, кажется, остяцкие. Это предание крестьян подтверждается и письменными актами. У одного из таковых крестьян есть несколько фамильных документов, написанных на свитках, как-то: данных, деловых, закладных, купчих и проч. восходящих с тысяча семисотых годов до 1579 года»⁸³.

Автор пытается со ссылкой на авторитет историка Г. Миллера обосновать этническую историю края: «Впрочем остяки и пермяки, по мнению Миллера, имеют сродство между собою, как во нравах, так особенно в языке, и сами остяки производят свою породу от пермяков. В преданиях народа первобытные жители известны под именем чуди иди чудаков. О распространении и успехах христианской веры между пермяками и остяками ничего неизвестно, по неимению письменных памятников. Просвещение их епископом Ионою в 1463 году, как мы говорили выше, есть одно предположение, основанное на вероятности. Впрочем, если верить Берху⁸⁴, то еще ранее сего, именно в 1430 году появилось в здешнем крае христианство с прибытием сюда русских. Берх, основываясь на одном найденном им письменном отрывке, утверждает, что посадские Калиниковы в 1430 году оставили соляные промыслы на реке Боровой и переселились на речку Усолку, где теперь город Соликамск и здесь открывать рассолы, завели солеварение (путешеств. Берха). Вера Христова встретила сильное упорство в язычниках. В памяти народа сохраняется предание, что чудаки, при появлении русских, страшась подпасть под чуждое иго и не желая принять христианскую веру, выкапывали в земле пещеры, или ямы, укрепляли их подпорами, уносили туда свое имущество и сами входили туда со своими семействами, отнимали подпоры и заживо погребали себя под землею. Другие с появлением пришельцев удалялись в Сибирь за Урал, упорно отказываясь принять христианскую веру. Выражение писцовых книг 1624 года, приведенное выше: что была деревня остяцкая, подает повод думать, что эта деревня с водворением в крае русских оставлена остяками, переселившимися в другое место и оставившими здесь признаки своего поселения. Нет сомнения, что некоторые из язычников и остались в прежних местах жительства и приняли христианскую веру, а другие, держась языческих верований и отвергая свет христианского учения, продолжали упорствовать против благотворного действия Евангелия»⁸⁵.

Таким образом, «Пермские епархиальные ведомости», как «Вятские епархиальные ведомости», не будучи специально ориентированы на научные публикации археолого-этнографического содержания, содержат сведения о финно-угорском мире Вятской и Пермской губерний. Научная историографическая ценность этих сведений несомненна. Тот факт, что авторами этих сообщений были священнослужители и светские деятели, как правило, имевшие духовное образование уровня семинарий и академий, свидетельствует о том, что они были подмечены, описаны, проанализированы не дилетантами, а людьми, владевшими в той или иной мере навыками историописания.

Глава 4. Методология местного археолого-этнографического историописания на страницах «Епархиальных ведомостей»

В этой связи возникает возможность от выявленных источников перейти к осмыслению степени полноты, достоверности и научности опубликованных археолого-этнографических данных⁸⁶.

Целенаправленное выявление новых документов по истории и культуре финно-угорских народов Прикамья позволило расширить круг историко-научных источников, в том числе включением в него специального церковного издания «Вятские епархиальные ведомости», «Пермские епархиальные ведомости». Наряду с новым для второй половины XIX в. типом периодических научных изданий: «Памятных книжек», «Сборников», «Трудов», «Ежегодников» губернских статистических комитетов, заполненных историческими, археологическими и другими работами местных авторов⁸⁷, – оно пополнило массовую провинциальную научную историческую литературу ценными сведениями по истории, этнографии, археологии региона.

Интерес к церковной археологии, дополненной сведениями об археологических памятниках финно-угорских народов и их этнографии, нашел отражение в различных статьях и заметках, регулярно публиковавшихся в неофициальной части «Ведомостей». Содержание археолого-этнографических публикаций осмыслено в ряде исследований. В них удалось типологизировать материалы о разных археологических объектах, зафиксировать объем и содержание полученного знания, отметить мотивы обращения священнослужителей к археологической и этнографической тематике, составить представление о процессе формирования и изменения их исследовательских интересов в области археологии и этнографии⁸⁸.

Выявленные материалы требуют дальнейшего исследования с точки зрения становления и развития археологической науки в российской провинции, поскольку священнослужители были одной из значимых групп в

структуре любительского исторического – и уже – археологического и этнографического сообществ. Поэтому археологические и этнографические материалы, опубликованные на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей», можно изучать не только с точки зрения содержания выявленных историко-научных фактов, но и с позиций осмысления исследовательской методологии эпохи, представлений о профессиональных ценностях и нормах, бытовавших в этот период формирования археологии, этнографии, истории, учитывая нерасчлененность предметной сферы этих областей знания в любительском сообществе.

Персональный состав авторов, писавших на церковно-археологические, археологические и этнографические темы на страницах «Епархиальных ведомостей», как уже было отмечено, включал главным образом лиц, имевших разный уровень духовного образования (духовные училища, семинарии и академии), реже светского – университетского исторического образования и узкопрофильного профессионального образования (Петербургский Археологический Институт)⁸⁹. Несомненно, исходный образовательный уровень вкупе с характерными для священнослужителей традициями внутрисемейного неформализуемого интереса к истории, предопределили специфику исследовательских подходов, отразившихся в журнальных публикациях. Эти подходы можно рассматривать как некий переходный момент от любительской к профессиональной деятельности исследователей местной истории.

Вычленение представителей духовенства из общего круга краеведческой (родиноведческой) среды, основанное на их специальной исторической подготовке в духовных учебных заведениях, позволяет более четко представить себе обычно аморфно описываемое любительское историческое сообщество как совокупность деятелей, имевших различное понимание о структуре, функциях, назначении, а также содержании исторического исследования.

Основная масса священнослужителей православной церкви – авторов «Епархиальных ведомостей» – получила общее и богословское образование в духовных семинариях, причислявшихся в Российской империи к средним учебным заведениям. По уровню образования и финансирования они были соизмеримы с гимназиями. Несмотря на то, что в их учебном курсе преобладали богословские науки, в значительном объеме преподавались и науки общеобразовательные, входившие в курс классических гимназий. До конца 1870-х гг. лица, окончившие курс семинарий, имели свободный доступ в университеты наравне с гимназистами. Позже им было дозволено поступать только в Варшавский, Юрьевский и Томский университеты⁹⁰.

Со времени принятия Устава духовных семинарий и Академий, утвержденного в 1814 г., церковная история как наука получила большую самостоятельность и заняла прочное положение среди других богословских наук. В Академиях церковная история изучалась в последние два года обучения. По Уставу Духовных Академий 1869 г. все науки академического курса были распределены по трем отделениям, в числе которых появилось и отделение церковно-историческое. Студенты, записавшиеся на это отделение, в течение четырех лет почти исключительно занимались историческими науками. Надо заметить, что среди слушателей это отделение было самым популярным.

Уставом было введено правило, согласно которому степень магистра богословия давалась только за печатное сочинение, публично защищенное по принятому тогда порядку (как в других российских университетах). Это существенно продвинуло церковно-историческую науку, так что к XX в. она подошла с уже вполне сформировавшимся научным аппаратом и в значительной степени обогатилась работами русских ученых, труды которых, благодаря изданию монографической литературы и церковной периодики, стали общедоступными. Были созданы первые научные школы, через развитую сеть духовных и даже светских учебных заведений (духовных

академий, семинарий, университетов) история преподавалась на достойном уровне.⁹¹

Одним из главных направлений развития церковно-исторической науки в России стала церковная археология. С 1870-х гг. началось становление этого специфического отделения археологической науки⁹². Еще в марте 1869 г., на I съезде Московского археологического общества в Москве, имело место понятие «наука христианских древностей» и было признано, что русская старина не может быть понята без изучения всей системы древнехристианской археологии. В программе всех съездов Московского археологического общества, начиная с III съезда в Киеве в 1874 г., выделялись отделения «Быта церковного», «Быта религиозного», «Памятников христианских», «Древностей церковных»⁹³. На этих научных форумах происходила кристаллизация археологии, в том числе и церковной, происходило становление ее методологического и понятийного аппарата и археологическое изучение церковных древностей осознавалось как важный предмет отечественной археологии.

Казалось бы, у церкви сложилось знание о происхождении жизни на Земле (теологическая теория), но, тем не менее, священнослужители покровительствовали научной археологии. Во второй половине XIX в. была достигнута своеобразная «договоренность» между церковью и учеными, как полагал А.А. Формозов, известный историк отечественной археологии, «пусть они толкуют о каменном веке, но не настаивают на происхождении человека от обезьяны и на том, что палеолит длился сотни тысяч лет»⁹⁴. Одновременно священнослужители пытались найти подтверждение археологическим находкам в Библии⁹⁵.

Церковная археология, в разной форме была представлена в учебном процессе духовных учебных заведений. Ее объект был связан с изучением христианской культуры и истории, воплотившихся в вещественных остатках.

Поэтому в Вятской и Пермской губерниях актуальным было изучение истории «инородческого населения» «вотяков, черемис, чувашей» во всех

отношениях: историческом, археологическом, этнографическом. В этой связи авторами «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей» ставились проблемы дописменной археологии местных финно-угорских народов: их волновало и собственно развитие археологии в Вятской и Пермской губерниях как научного направления, и конкретные аспекты изучения и интерпретации разных видов археологических памятников.

На страницах «Вятских епархиальных ведомостей» нами выявлено 40 статей, примерно такое же количество в «Пермских епархиальных ведомостях», в которых рассматриваются некоторые аспекты церковно-археологических изысканий. Важно, что все они связаны с широким пониманием контекста церковных древностей не только как свидетельств о церковной истории, церковном культе, но и о внешнем быте христиан, в том числе удмуртов и марийцев. Одновременно их содержание способствует как пониманию внутрицерковной жизни, так и осмыслению социокультурной среды, в которой существовало христианское сообщество.

Особый акцент в них сделан на отношении к христианству удмуртов, марийцев, коми-пермяков, а в Пермской губернии еще хантов и манси, на соотносительности христианского и языческого миропониманий. Так, при описании церквей авторы упоминают об отношении к ним финно-угорского населения, о взаимообщении «инородцев» со священнослужителями. Весьма интересна в этом ключе борьба за финно-угорскую паству между православными и мусульманскими миссионерами.

Важным сюжетом, развиваемым на страницах изданий, стало осознание необходимости охраны памятников старины. Целая серия статей в «Вятских епархиальных ведомостях» посвящена Трифоновскому церковно-археологическому музею, открытому в 1912 г. по инициативе Вятской ученой архивной комиссии, имевшему 7 отделов и активно пополнявшему свои фонды⁹⁶, в «Пермских епархиальных ведомостях» – инструктивные письма Императорской Археологической Комиссии о необходимости

соблюдения методических норм при собирании археологических материалов⁹⁷.

Содержательный анализ статей в «Вятских епархиальных ведомостях» и «Пермских епархиальных ведомостях» позволяет охарактеризовать методологические особенности деятельности их авторов на историческом поприще. Их активность проявилась и за пределами этого печатного издания, в частности, в составе созданной Вятской и Пермской Ученой Архивной комиссий, Пермского церковно-археологического общества. Будучи массово грамотным сословием, священнослужители на местах: в волостях и уездах, стали важнейшей опорой первых массовых научных учреждений России XIX в.: губернских статистических комитетов, Ученых Архивных комиссий. Так, по подсчетам Ю. Е. Вечтомовой, в 1905 г. в Вятской Ученой Архивной Комиссии (ВУАК) состояло 7 членов из духовенства, 19 чиновников, 12 преподавателей и директоров учебных заведений, 1 купец, 1 военный. В последующие годы число священников в недрах ВУАК значительно выросло: так, в 1914 г. их уже 18 человек. Остальные – 28, 19, 1, 1 человек соответственно⁹⁸.

Среди авторов «Вятских епархиальных ведомостей» А.А. Спицын был единственным выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета. Ко времени написания своих статей (1888–1890) он был уже вполне сложившимся ученым. На страницах издания опубликовано 7 его статей под общим названием «Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVIII в.». Сообщения А. А. Спицына по истории отдельных церквей отличаются не только свободой от эмоциональных оценок в характеристике источников, но и последовательным, детальным описанием морфологии памятников. При изучении письменных источников он, в соответствии с методологией своего времени, дает им внутреннюю и внешнюю критику, анализирует почерк, бумагу, проводит текстологический анализ.

Нередко при описании церковных памятников А.А. Спицын давал их привязку к другим более ранним археологическим объектам. Так, характеризуя Царево-Константиновскую церковь, он пишет: «Не забудем отметить, что тын между двором Огородникова и Михеева шел, по выражению грамоты, “подле ров”: если, как всего вероятнее предположить, упоминаемый ров был остатком от первого хлыновского укрепления, так называемого “острога”, то отсюда следует, что церковь стала на линии почти совершенно разрушившегося острожного вала»⁹⁹.

Обратимся к методологии исследований непрофессиональных историков. Обратим внимание на их довольно широкое знакомство с научной и публицистической (в том числе исторической) литературой своего времени. Об этом свидетельствуют, кроме всего прочего, описи церковных библиотек, приводимые на страницах «Вятских епархиальных ведомостей». Так, А. Шерстенников в «Исторических сведениях о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда» приводит пример такой описи, включающей не только духовные, но и светские издания, что, несомненно, свидетельствовало об интеллектуальном саморазвитии священнослужителей: «Христианское Чтение», «Воскресное Чтение», «Православный Собеседник», «Духовная Беседа», «Духовный Вестник», «Странник», «Душеполезное Чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Духовной Академии», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества», «Народная Беседа», «Блюститель здоровья и хозяйства», «Морской Вестник»¹⁰⁰.

В этой связи заслуживает анализа и реклама книжной продукции на страницах «Епархиальных ведомостей», где наряду сугубо церковными изданиями, аннотируются объявления о продаже или выхода из печати не только литературных произведений светских авторов, но и широчайшего круга научных, научно-популярных, иллюстрированных, в том числе и исторических, изданий («Вокруг света», «Досуг и дело», «Вестник Красного Креста», «Наука и жизнь», «Малютка», «Русские исторические рассказы»,

«Русско-турецкая война», «Народы России» (*рекламировался том «Мордва и черемисы» - прим. авт.*), «Альбом картин Зимнего дворца», «Урал» и даже «Журнал парижских мод»).

Такой широкий спектр светских изданий, а в особенности научно-исторического плана, безусловно, был рассчитан на основного читателя журнала, т.е. в первую очередь, на священнослужителя. Знакомство и чтение таких изданий не могло не сказаться на широте взглядов, в том числе и тех, кто писал для «Епархиальных ведомостей». Через многие научно-популярные издания, а также через систему налаженного обмена между провинциальными изданиями, постепенно формировалась исследовательская культура авторов. На это в свое время обратила внимание М.П. Мохначева, указав, что эти новейшие обзоры церковно-исторических, историко-краеведческих изданий, подготовленных инспекторами духовных семинарий, сами по себе являются ценнейшим источником текущей русской историографии¹⁰¹.

Авторы публикаций пытаются осмыслить место местного историописания, ведущегося духовными лицами. Ими четко осознается его роль как «пособия для истории официальной», но и намечаются явные контуры того, что сегодня принято называть историей повседневности: «Главное значение для истории народа имеет история неофициальная. Эта летопись может быть начата с какого угодно дня. Она есть нечто иное, как простая безыскусственная запись всего особенно выдающегося из жизни прихода. Она не требует ежедневного записывания, не требуется для ведения ее и литературного языка (так как дело в фактах, а не слоге). Поэтому можно записывать в особую, находящуюся при церкви тетрадь, все, что заинтересовало священника в жизни прихода. Что такого рода записи могут впоследствии для историка принести великую пользу – это видно из того, что иногда и простая переписка между частными лицами, веденная без всякой предвзятой цели, для разработки истории в будущем имеет важное значение»¹⁰².

В статьях священнослужителей нередко упоминания о знакомстве с исследовательской деятельностью крупнейших научных археологических обществ России и Императорской археологической комиссии.

Историографические экскурсы характерны для всех опубликованных работ, правда, они не являются полноценными историографическими разделами: избранные для анализа труды предшественников в них специально не обосновываются, круг упомянутых работ явно не полон, нередко выбор ссылки связан с необходимостью приведения авторитетного мнения по проблеме. Однако понимание учета предшествующего исследовательского опыта в изучении темы большинству работ, несомненно, присуще. Четко осознается так же и необходимость научно-справочного материала в форме ссылочного аппарата (подстрочные ссылки).

Важным лейтмотивом содержания археологических публикаций является осмысление социальных функций исторической науки и миссии историка в обществе. Так Ф. Решетников, обосновывая необходимость создания Вятской ученой архивной комиссии, цитирует авторитетное мнение директора Петербургского Археологического Института Е.И. Андреевского: «Бескорыстные научные работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимает из области мелких материальных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с тем поднимает и общество, среди которого они работают и действуют: внимающие им, с уважением смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними поднимаются, движутся вперед»¹⁰³.

Комментируя на страницах «Ведомостей» важность создания ВУАК, Ф. Решетников подчеркивает значимость для инструментария историка научных библиотек («ученые учреждения и общества не обойдут своим вниманием и Вятскую комиссию и не откажутся уделить ей, по крайней мере, часть своих изданий») и собственных публикаций («причем, всегда расположены будут в порядке, снабжены нужными объяснениями и — непременно — *указателями*, личными и географическими, даже если нужно

предметными; тогда, конечно, и пользоваться ими можно будет с удобством, производительно и успешно»).

Важным замечанием Ф. Решетникова является понимание значения научного сообщества как своеобразного оппонентного круга при изучении исторических проблем: «Наконец, и самая работа архивиста одиночная, без товарищей — сотрудников (как это и было при отсутствии в Вятке архивной комиссии) не может быть столь же успешною, как работа в общении с товарищами — сотрудниками, в ученом обществе, где иногда одно, даже и незначительное, указание, замечание, сообщение того или другого товарища — специалиста может оказать влияние на успешный ход работы архивного труженика»¹⁰⁴ ..

Особенно ценится исследователями-священнослужителями проблемный характер исторического научного исследования, авторы вычлениют наиболее актуальные проблемы местного историописания. Так, в одной из работ читаем: «Наша история, напр., далеко еще не разработана. Вятская губерния весьма обширна, пестра по населению и в историческом отношении не представляется одною целою, особенно по вопросу заселения края. Едва не половина ее русского населения не считает себя *вятчанами*. Многочисленные факты свидетельствуют, что колонизация края шла с разных сторон, что отдельные части губернии развивались под влиянием различных условий — разнообразно.» <...> Немало интереса для местного историка должен представить и выдвигаемый историей Вятского края инородческий вопрос: он, по выражению профессора Ключевского, вообще есть любопытнейший из вопросов русской истории, так как им затрагивается другой важный вопрос — о степени влияния финских племен на великорусов и следах этого влияния в говоре, обычаях, религиозно-нравственных воззрениях русского народа. В этом отношении, жизнь местного края представляет богатейшую почву для научных изысканий исследователя. Своеобразный говор Вятского жителя, так резко отличающий его от уроженца других местностей, многие характерные черты его домашнего

быта, особенности некоторых обычаев – погребальных, напр., или свадебных, объясняемые часто спутанностью религиозно-нравственных понятий христианина; наконец, даже самая внешность коренного вятчанина довольно типичная, – все эти другие индивидуальные стороны местной жизни создавались, конечно, постепенно, историческим путем и под воздействием различных причин. Но, несомненно, также, что здесь сказалось влияние культуры и расовых особенностей инородцев, издавна населяющих Вятский край. Ведь многовековая близость к инородцам не могла же, в самом деле, не отразиться, так или иначе, на жизни Вятского великорусса. Во всяком случае, выяснить этот вопрос – составляет весьма важную задачу местного историка»¹⁰⁵.

Следует подчеркнуть, что нацеленность на изучение местной истории не исключала для историков ее рассмотрения в контексте развития общенациональной истории (это опровергает представления о том, что краеведческая парадигма была нацелена исключительно на изучение местной истории). В частности, сказанное выражается в привлечении максимально доступных архивных данных по местной истории: «Для планомерности работы придется быть весьма бдительными при разработке материала, не ограничиваться только местными источниками, но и обратить внимание также как на соседние, так и на более отдаленные губернии, придется завязать сношения со всеми существующими архивными комиссиями и другими учеными обществами, потребуется, наконец, командировать кого-нибудь для извлечения материалов из столичных архивов»¹⁰⁶.

Понимание единства общенациональной и местной истории на источниковедческом уровне выразилось и в частой апелляции к разного рода письменным источникам, имеющим отношение к общерусской истории, хотя методически работа с ними, как правило, носила иллюстративный характер, либо они привлекались в качестве авторитетного мнения в подтверждение авторской оценки местного исторического события.

Наличие духовного гуманитарного образования предполагало владение навыками работы с письменными и церковно-историческими источниками, среди которых преобладали найденные в местных архивах разные типы исторических источников. В меньшей степени – с точки зрения здравого смысла – описывались археологические и этнографические источники, устные предания, данные топонимики. В совокупности формировалось критическое отношение к источнику: он оценивался и сравнивался с другими материалами.

Специфика периодического издания «Вятских» и «Пермских» епархиальных ведомостей наложила отпечаток на жанровые особенности публикаций: отчеты, статьи, заметки. Это отразилось и в стилистике публикаций: очевидна их публицистичность. Неслучайно на страницах статей регулярно встречаются эмоциональные оценки исторических событий: «Глухой Вятский край с его вековыми лесами стоял вдали от кипучего центра политической и общественной жизни; но он был полон событий, волнуясь иногда, как море-океан. Буйные вихри общественных движений и неурядиц залетали по временам и в Вятские дебри, наполняя их своим шумом»¹⁰⁷.

При знакомстве с археологическими трудами выявляется еще одна специфическая особенность – стремление авторов к саморефлексии. Собственные археологические изыскания воспринимаются в первую очередь как научная деятельность: «здесь самое широкое поприще для образованных людей послужить на пользу науки своими трудами в собирании и хранении древностей края»¹⁰⁸, а миссия духовенства виделась в «услуге историку» в «собирании материалов для истории своей епархии и церкви»¹⁰⁹.

Значимость научных деяний подтверждалась авторитетом религиозных источников: «Важно, чтобы всякий проникся любовью к прошлому родины и сознал, что воспоминание о днях древних может осветить настоящее *помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих* (Псал. 142)»¹¹⁰.

Избирая для изучения церковно-археологические и вообще археологические древности, авторы «Ведомостей» действовали соответственно единственно возможной (для тогдашнего состояния провинциального историописания) познавательной-целевой установкой: прежде чем написать, осмыслить историю, необходимо было установить научные исторические факты, которых был явный недостаток. Говоря современным научным языком, все журнальные публикации подчинены познавательным задачам эмпирического уровня научного исследования: выявлению исторических источников, в ряде случаев попыткам на основе фактов исторического источника описать научные исторические факты. Не случайно описание – важнейшая форма подачи исторической информации.

Поскольку церковно-археологические, а через них нередко и этнографические сведения черпались священнослужителями в повседневной жизни, им удалось сообщить через описания множество интересных фактов. Это типично для краеведческой парадигмы историописания. Все описания весьма детализированы, часто содержат многочисленные подробности.

Ввиду значительного объема некоторые публикации печатаются из номера в номер, хотя, безусловно, встречаются и более лаконичные повествования, как правило, представляющие собой отчеты об археологических экскурсиях. Так, В. Чемоданов приводит описание колоколов Ухтымской церкви Глазовского уезда: «Колоколов при сей церкви было шесть. Первый – в 23 пуда 30 фунтов, второй в 12 пудов. Эти два колокола, при заведении большего настоящего колокола, перелиты. Третий в 7 пудов. Этот колокол есть и в настоящее время. Четвертый – в 4 пуда. Этот колокол в 1864 г. пожертвован к Наймушинской Единоверческой церкви. Пятый в 2 пуда, шестой в 1 пуд. Эти два колокола, кажется, существуют и теперь в числе мелких подборных колоколов»¹¹¹.

Обстоятельно описывая сведения о местоположении храмов, об окружающей местности, о составе и достопримечательностях прихода, священнослужители приводят небезынтересные сведения о своих

прихожанах, вновь обращенных в христианство, при описании церквей и населенных пунктов описывают предшествующие им археологические объекты. Такая черта провинциальной историографии подмечена В.А. Бердинских, который приводит цитату, принадлежащую Н.А. Добролюбову: «Этнографу надо брать решительно все, и лишь позднейший исследователь будет в состоянии отделить главное от случайного»¹¹².

Обратим внимание на то, что даже сугубо церковно-археологические заметки могут содержать ценные сведения как из других разделов археологии¹¹³, так (и в еще большей степени) – этнографические свидетельства¹¹⁴. Нередки в них географические, статистико-экономические сюжеты, при описании истории церквей указано их географическое и административное положение; в истории населенных пунктов – указание на время возникновения, местоположение, географические и даже гигиенические особенности местности¹¹⁵. Все эти аспекты археолого-этнографической истории региона отличаются уровнем осмысления исторической информации, исторических событий, уровнем содержания и структуры.

М.П. Мохначева обращает внимание еще на одну черту этих публикаций, весьма полезную и для осмысления взаимодействия православных пастырей и финно-угорской паствы: «по набору топонимов можно судить о «нравственной схеме» исторического повествования, а, значит, и об авторе»¹¹⁶.

Вот почему при всей ориентированности на церковно-археологический статус, публикации в «Вятских епархиальных ведомостях» и «Пермских епархиальных ведомостях», безусловно, дают комплексное описание отдельных местностей, включая археологические, исторические, церковно-исторические, этнографические сведения, осмысленное сквозь призму авторского понимания истории.

Нередко структура публикаций диктовалась, очевидно, присылаемыми от столичных научных обществ анкетами. При характеристике

археологических материалов структура описаний была обусловлена характером имеющихся вещественных материалов: их морфологией, функциональным содержанием. У ряда авторов исследовательский интерес к древностям Вятской и Пермской губерний приобрел постоянный характер, от единичных отчетов об экскурсиях они переходят к осмыслению процессов местной истории, хотя, безусловно, оно осуществлено сквозь призму синтеза церковно-исторического взгляда и обыденного сознания.

Формируя источниковедческую базу местной истории, археологии, этнографии, священнослужители стремились осмыслить, в первую очередь, концепцию местной истории, что отражало некоторые традиции, сложившиеся в российской историографии¹¹⁷. Отсюда складывается впечатление об оторванности изучаемых явлений от тем общероссийской истории и о локальном характере решаемых исследовательских задач. Однако, как представляется из анализа публикаций в «Ведомостях», это не было целенаправленной исследовательской парадигмой, а проистекало из уровня и состояния научной базы тогдашних провинциальных исторических исследований. Не имея полноценной источниковедческой базы, которую необходимо было еще выявить и сформировать, сложно было решать задачи сравнительно-исторических региональных исследований, сопоставлять факты региональной и местной истории с событиями национальной истории. Одновременно с выявлением источников возникала задача их упорядочения и классификации.

Тексты анализируемых статей обнаруживают серьезный для своего времени уровень изначальной исторической подготовки их авторов, осведомленность в научных вопросах и состоянии науки, владение профессиональными историческими понятиями и терминами. Это предопределило индивидуальность авторских текстов, стилистику их письма, отражавшую дар красноречия, меру владения научной терминологией, желания быть понятым читателем.

Концептуальная модель исторических построений демонстрировала стремление увязать факты местной истории с историей отечественной, хотя основные усилия и затрачивались именно на поиск и описание этих фактов. Стремление к выявлению и описанию новых фактов отодвигало на дальний план их теоретическое осмысление. Эта задача, как представляется, была преждевременна.

Таким образом, более пристальный взгляд на содержание археолого-этнографических публикаций на страницах «Епархиальных ведомостей» позволяет выразить сомнение в традиционной характеристике российской провинциальной исследовательской традиции применительно к историкам, археологам, этнографам, вышедшим из духовной среды во второй половины XIX – начала XX вв., как дилетантской. Этимология термина «дилетант» как любитель, занимающийся какой-либо наукой без специальной подготовки, поверхностно знакомый с какой-либо областью науки, в нашем случае, археологии и этнографии, не соответствует исследуемому нами историографическому материалу. Следует вкладывать иной смысл в характеристику археологии и этнографии как любительской не в значении дилетантской, а в оппозиции к понятию «профессия» как устойчивой трудовой деятельности, являющейся источником дохода, предусматривающего определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда.

Авторы «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей», безусловно, владели, – каждый в разной мере, методологией исторического исследования, что выражалось и в структуре их статей, и в формулировке объекта и предмета исследования, и в навыках источниковедения, соответствующих этапу становления региональной исторической науки, основанного на научных исторических и церковно-исторических знаниях. Полученное духовное гуманитарное образование было достаточным не только для первичного сбора исторических

источников, но и для рассуждений о предмете науки, ее социальных функциях, сопоставительных характеристик российской археологии с мировой наукой. Все это, наряду с активностью светских лиц, способствовало формированию местного исторического сознания. Исследовательская методология, изложенная на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей» позволяет говорить о неоднородном характере и многослойности провинциальной любительской краеведческой познавательной традиции.

Археологические и этнографические – и шире – исторические сведения на страницах «Епархиальных ведомостей» выполняли важные социальные функции: они были частью значимого процесса накопления исторических источников о регионе и местности, транслировали полученные знания через внутрицерковное издание, реализуя образовательную и популяризаторскую функции науки. Само издание оказалось включенным в социокультурное коммуникативное пространство Вятской и Пермской губернии и одновременно способствовало формированию этого пространства.

Безусловно, над публикациями в «Епархиальных ведомостях» довлела их духовно-идеологическая направленность. Это выражается, в первую очередь, в оценочных суждениях о действиях, поступках, взглядах финно-угорской паствы, которые определялись позициями православной церкви и концептуализировались церковно-исторической наукой.

Выявление из «Епархиальных ведомостей» достаточно широкого круга разножанровых источников, свидетельствующих об истории, археологии, этнографии финно-угорских народов Прикамья, позволяет ставить более широкие задачи не только источниковедческого, но и историографического плана. В регионах России, где отсутствовали университеты, одним из значимых источников формирования исторической науки стало духовное образование, а духовная среда в отсутствии университетских профессоров стала в значительной мере ядром формирующегося провинциального исторического сообщества. Решая внутрицерковные задачи, она не могла не

ставить широких исторических проблем светской жизни. Учитывая, что в 1870-1880-х гг. тираж «Епархиальных ведомостей» колебался в среднем от 600 до 1000 экземпляров¹¹⁸, можно согласиться с мнением М.П. Мохначевой о том, что «Епархиальные ведомости» «вправе рассматривать в качестве одной из главных составляющих провинциальной историографии местной истории, главной в формировании массового исторического сознания православного населения Российской империи»¹¹⁹.

Периодические издания, выходившие, в том числе, из недр духовной среды или при ее активном участии из среды научных обществ и общественно-просветительских организаций, стали тем полем, где стали выкристаллизовываться традиции местного историописания. Они базировались на глубоком знании как церковной, так и гражданской истории, почерпнутых и усвоенных в недрах духовных семинарий и академий, а также регулярным чтением периодических изданий, о чем свидетельствуют описи церковных библиотек. Поэтому «Епархиальные ведомости» «являлись своеобразной образовательной средой в российской провинции, в которой одновременно творилась история, учились писать историю родного края и изучали региональную историю России и Западной Европы»¹²⁰. «Книга остается, исчезает, но книга остается в библиотеке, а журнал исчезает в мозгу читателя, и до того усваивается им повторениями, что кажется ему его собственной мыслью», – цитирует А.И. Герцена М.П. Мохначева в монографии «Журналистика и историческая наука»¹²¹.

Исторические заметки, сообщения, статьи, в том числе и на страницах «Епархиальных ведомостей», стали значимой основой, на которой впоследствии в Прикамье стала развиваться собственно профессиональная историография, начавшая активно складываться в середине второго десятилетия XX в. в связи с открытием в 1916 г. Пермского отделения Петроградского университета и продолжившаяся уже 1920–30-е гг. в связи с созданием первых научно-исследовательских и педагогических институтов в Ижевске, Перми, Кирове.

В этой связи региональная историография должна пристальнее всмотреться в феномен археологической и этнографической журналистики как интеллектуальному фундаменту современной науки в регионе, в определенной степени как источник формирования профессиональных норм в региональном историческом сообществе.

Предлагаемая публикация источников из «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей» включает фрагменты статей и полные статьи, несущие археологическую и этнографическую информацию о финно-угорских народах Камско-Вятского региона.

¹ Бердинских В.А. Уездные историки: российская провинциальная историография. М., 2003. С. 224.

² Мельникова О.М. Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2010. С. 77-85; она же. Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2011. С. 34-41; она же. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. №3. С. 76-86; Археологическая журналистика и институционализация археологии в российской провинции // Археологія і давня історія України. Вып. 9. 2012. Історія археології: дослідники та наукові центри Києв, 2012. С.170-177.

³ Павлов А. О церковных летописях // Пермские епархиальные ведомости. 1894. №24. С. 523-524.

⁴ Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск, 2006. С. 39.

⁵ Один ли был город Хлынов? Памятная книжка Вятской губернии. 1904. отд. 2. С. 402-413. (подпись А.Н.В-н); Хлынов старше Хлынова? Памятная книжка Вятской губернии. 1904. отд. 2. С. 323-401. (подпись А.Н.В-н); К истории города Хлынова. Вятка, 1904; Из истории древнерусской Вятки: Вопрос о первоначальном заселении Вятки Русью // Памятная книжка Вятской губернии. 1905. отд. 2. С. 179-233. (подпись А.С). Сказания русских летописцев о Вятке. Вятка, 1905. (в соавторстве Шабалин В.И., Сатрапинский И.И.). О Елабужском «Чортовом городище» - по делу архива Вятской духовной консистории 1827 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. 1. С. 87-93.

⁶ Вережагин Г.Е. Вотяки Сосновского края (1884-1886 гг.); Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии (1889 гг.); он же. Елабужское «Чертово городище» // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 1. 1911. С. 5-16

⁷ Мултановский Я.М. О церковном древлехранилище, о старине вообще и о старине Трифонова монастыря в частности // Вятские епархиальные ведомости. 1911. № 2. отд. неофиц. С. 32-35.

⁸ Места подвигов преп. Трифона, Вятского чудотворца в Пермском крае // Труды Пермской Ученой архивной комиссии. 1902. Вып. 5. С. 76-90; Открытие Трифонового церковно-археологического музея (1912) // Вятские епархиальные ведомости. 1912. №41.отд. неофиц. С. 1034-1042; Указатель литературы о преподобном Трифоне Вятском // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 1-2; Об историко-археологическом музее при Вятской ученой архивной комиссии // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 1/2. Отд. 2. С. 19-26; Как отличать древние иконы? // Вятские епархиальные ведомости. 1915. №31. отд. неофиц. С.979-988. №32. С. 1005-1013; Список некоторых старинных икон, отмеченных при обозрении церквей Слободского у. в июне 1914 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 1. Отд. 1. С. 28-31; Отчет о церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского у. в июле 1914 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 1. Отд. 1. С. 17-27; Список предметов церковной старины, сданных в вятский Трифоновский церковно-археологический музей с апреля по июль 1916 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии (1916-1917). Вып. 1/2. Отд. 1. С. 45-48. Вып. 3/4. Отд. 1. С. 34-35; Описание икон в Музее Вятского епархиального братства св. и чуд. Николая // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 1/2. Отд. 3. С. 106-110; Отчет по археологической поездке по Яранскому и Котельничскому уездам // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 1/2. Отд. 1. С. 19-45.

- ⁹ *Первухин Н.Г.* Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губернии //Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 2. М., 1886; *он же.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вып. 1-5. Вятка, 1888-1890.
- ¹⁰ *Мельникова О.М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник / Ижевск: УдГУ, 2007. 118 с.
- ¹¹ Раскопки В.Д.Емельянова в Вятской губ. // Отчет Археологической Комиссии. 1908 (1912). С. 166-167; К предстоящему IV Областному историко-археологическому съезду (*в Костроме - О.М.*) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 1. С. 84-85; Местные археологические находки // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909. Вып. I. С. 142-144; О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении // Труды Вятской ученой архивной комиссии.. 1910. Вып.2/3, реф. и сообщ. С.1-17; География Вятской губернии. 1917.
- ¹² *Мельникова О.М.* Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск, 2006. С. 16.
- ¹³ *Шестаков Я.В.* // Пермский край. Энциклопедия URL: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803700980&idParentObject=1803702231> (дата обращения 12.11.2011)
- ¹⁴ *Шестаков И. (Я.).* Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях 1867-1899 гг.» // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 г.- Пермь, 1900.- С. 38-46.
- ¹⁵ *Быстрых Т. И.* В. С. Верхоланцев - автор книги «Город Пермь, его прошлое и настоящее» // Страницы прошлого: Избр. Материалы краеведческих чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 46-51.
- ¹⁶ *Шумилов Е.Н.* Лаговский Иван Евгеньевич// Пермский край. Энциклопедия . URL: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803700392&idParentObject=1803701464> (дата обращения 01.11.2011).
- ¹⁷ *Мельникова О.М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь. Ижевск, 2007. С. 72-73.
- ¹⁸ *Ключевский В.О.* Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятнику А.С. Пушкину //Ключевский В.О. Собр. Соч. в 9-ти т. Т. I. М., 1990. С.78.
- ¹⁹ *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн.2: Журналистика и историческая традиция в России 30-70-х гг. XIX в.М. С. 84-86.
- ²⁰ Малый энциклопедический словарь. Издание Брокгауз - Ефрон. СПб., 1907. Т. I. С. 1670
- ²¹ *Мохначева М.П.* Сельский мир сквозь призму «Епархиальных ведомостей» //Новая локальная история. Вып. 4. Ставрополь-Москва. 2009. С. 258.
- ²² Там же. С. 260-261.
- ²³ *Троицкий А.* Православная энциклопедия //URL:<http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (дата обращения 30.04.2010).
- ²⁴ Там же.С. 258.
- ²⁵ *Шестков Я. (И.) В.* Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г. // Источники и пособия при изучении Прикамского края. Сарапул, 1915. 37 с.
- ²⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1863. №1. С. 5-6.
- ²⁷ *Сергиев Н. П.* Указатель статей, помещенных в духовно-литературном отделе «Вятских епархиальных ведомостей» с 1863 г. по 1886 г. включительно. Вятка, 1887; Казанский В. Г. Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей» за 10-летие с 1887 г. по 1896 г. Вятка, 1898; *Мултановский Я. Ф.* Указатель неофициального отдела «Вятских епархиальных ведомостей » за 16 лет (1897-1912 гг.). Вятка, 1913.
- ²⁸ *Берестова Е.М.* «Вятские епархиальные ведомости» как источник информации о церковной жизни. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle> (дата обращения 27.01.2010).
- ²⁹ *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988. С. 13.
- ³⁰ Хроника археологических съездов России. 1869-1914 гг. СПб., 2006.
- ³¹ *Мусин А..* Проблемы возрождения церковной археологии: предмет, метод, цель//Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. СПб.- Псков, 1995. С. 16.
- ³² *Хан Н.А.* Из истории церковной археологии в российских провинциях // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. СПб.- Псков, 1995. С. 44-45.
- ³³ *Мельникова О.М.* Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2010. С. 77-85; *она же.* Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 2011. С. 34-41.

- ³⁴ Кибардин Н.В. Вятские епархиальные ведомости. 1915. №16. С. 487-488.
- ³⁵ Решетников М. Вятские епархиальные ведомости. 1905. №3. С. 159.
- ³⁶ Спицын А.А. Вятские епархиальные ведомости. 1888. №2; №18; 1889. №2; №5; №14; 1890. №9; №22
- ³⁷ Вятские епархиальные ведомости. 1912. №31. С. 35; №34.; 1913. № №8, 44; 1914. № 43-44.
- ³⁸ Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1890, №5. С. 121.
- ³⁹ Вятские епархиальные ведомости. 1910. № 33. С. 1032-1-33.
- ⁴⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1910. №24. С. 695.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Вятские епархиальные ведомости. 1912. №31. С. 779-786.
- ⁴⁴ Там же. С. 1033-1034.
- ⁴⁵ Там же. С. 700.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Осокин И. Отчет о церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1915. №16. С. 487-488.
- ⁴⁸ Осокин И. М. Отчет о церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1. 1915. С. 17-27.
- ⁴⁹ Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укан и Уканском приходе Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1890. №4. С. 88-91.
- ⁵⁰ Шестаков И. (Я.) В. Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867-1893 гг. // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 116-122.
- ⁵¹ Шестаков И. (Я.). Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях 1867-1899 гг.» // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 г. Пермь, 1900. С. 38-46.
- ⁵² Шестаков И. (Я.). Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г. // Источники и пособия при изучении Прикамского края. Сарапул, 1915. 37 с.
- ⁵³ Смышляев Д.Д. Статьи о Пермской губернии исторического и этнографического содержания, напечатанные в «Пермских епархиальных ведомостях» в 1880 и 1881 г. // Пермские губернские ведомости. 1882 № 23. С. 122.
- ⁵⁴ Смышляев Д.Д. Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867-1889 гг. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь, 1891. С. 102-107.
- ⁵⁵ Например: Будрин Е. Очерк истории Пермской Епархии. // Пермские епархиальные ведомости. 1867. С. 5, 33, 57, 115; 1868. С. 289, 403, 447, 495, 728, 749; 1869. С. 309, 371, 421, 433, 442; М. Капустин. Материалы для истории Пермской епархии // Пермские епархиальные ведомости. 1870. С. 350, 369, 394, 451, 489, 521, 536, 589; 1871. С. 31, 91, 109, 271; 1872. С. 211, 219, 257, 452; 1873. С. 79, 87, 100; 1875. С. 375; Будрин Е. Иерархи Вятские и Великопермские. 1872 г., стр. 301, 319, 361, 371, 391
- ⁵⁶ Например: Луканин. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска // Пермские епархиальные ведомости. 1882. С. 49, 65, 75, 131, 155, 173, 189, 205, 253, 261, 280, 296, 453, 470, 489, 501, 517, 526.
- ⁵⁷ Программа повременного издания «Пермский сборник» // Пермский сборник. Книжка первая. М., 1859. С. 72.
- ⁵⁸ Краеведы и краеведческие организации Перми: Курсив, Пермь, 2000. С. 326-327.
- ⁵⁹ Кривошеков И.Я. Иллюстрация к переходу Прикамья от язычества к христианству // Известия Пермского епархиально-археологического общества. Пермь, 1917. С. 19-24.
- ⁶⁰ Струминский В.Я. Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости. 1904. № 39, 41, 43, 45, 47.
- ⁶¹ Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Библиографический словарь. Ижевск, 2007. С. 49-50.
- ⁶² Кривошеков И.Я. Указ. соч.
- ⁶³ Пермские епархиальные ведомости. № 13, 1881. С. 154.
- ⁶⁴ О деятельности Пермского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1879 год // Пермские епархиальные ведомости № 12, 1880 г. С. 98.
- ⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1879 год. Миссионерские действия в Поволжском крае и сопредельных с ним епархиях // Пермские епархиальные ведомости. № 12, 1881. С. 136.

⁶⁸ Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1881 год // Пермские епархиальные ведомости. № 11, 1882. С. 153-161.

⁶⁹ Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1881 год. Иностранческая миссия // Пермские епархиальные ведомости. № 11, 1882. С. 153-161.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Состояние миссионерского дела // Пермские епархиальные ведомости, № 11, 1892. С. 385-388.

⁷² Пермские епархиальные ведомости № 28, 1880. С. 279.

⁷³ Путешествие Преосвященного Петра, Епископа Пермского и Соликамского, по Осинскому и Оханскому уездам для обозрения церквей // Пермские епархиальные ведомости, № 18, 1895. С. 284.

⁷⁴ Пермские епархиальные ведомости № 28, 1880. С. 280.

⁷⁵ Пермь и Сибирь // Пермские епархиальные ведомости. № 7, 1881. С. 80-81.

⁷⁶ Пермь и Сибирь // Пермские епархиальные ведомости. № 52 1880. С. 560.

⁷⁷ Пермь и Сибирь // Пермские епархиальные ведомости. № 46, 1880. С. 463.

⁷⁸ От Императорской археологической комиссии // Пермские епархиальные ведомости. № 46, 1882. С. 652-654.

⁷⁹ Напоминание о распоряжении Святейшего Синода относительно церковно-исторического описания епархий // Пермские епархиальные ведомости. № 42, 1882. С. 539-540.

⁸⁰ Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска // Пермские епархиальные ведомости. № 23, 1882. С. 262-268.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Церковно-историческое описание и археологическое описание Г. Соликамска Начало и распространение христианской веры // Пермские епархиальные ведомости. № 6, 1882. С. 49-53.

⁸⁴ В.Н. Берх – один из исследователей-любителей местной истории, организовавший в 1815-1819 гг. три экспедиции на север Пермской губернии с целью проведения археологических раскопок.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Мельникова О.М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. №3. С. 76-86.

⁸⁷ Бердинских В.А. Уездные историки: российская провинциальная историография. М., 2003. С. 224.

⁸⁸ Мельникова О.М. Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. - С. 77-85. Мельникова О.М. Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Сб. статей и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию д. филол. н., ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удм. яз., члена Союза писателей России Атаманова М. Г. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 34-41.

⁸⁹ Мельникова О.М. Пастыри о пастве: археологические свидетельства на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Сб. статей и материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию д. филол. н., ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удм. яз., члена Союза писателей России Атаманова М. Г. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. С.35; Мельникова О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Библиографический словарь-справочник / Ижевск: УдГУ, 2007. 118 с.

⁹⁰ Россия. Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. Переизд. Л., 1991. С.396.

⁹¹ Мельков А. С. Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX века // Журнал Московской патриархии. 2003. № 2. С. 70-75.

⁹² Мусин А. Проблемы возрождения церковной археологии: предмет, метод, цель // Церковная археология. Материалы Первой Всерос. конф. Псков, 20-24 ноября 1995 года. СПб. -Псков, 1995. С. 16.

⁹³ Хроника археологических съездов России. 1869-1914 гг. СПб., 2006. 32 с.

⁹⁴ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М: Наука, 1986. С. 193.

⁹⁵ Там же. С. 194-195.

⁹⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1912. №31. С. 35; №34.; 1913. № №8, 44; 1914. № 43-44.

-
- ⁹⁷ От Императорской археологической комиссии // Пермские епархиальные ведомости. № 46, 1882. С. 652-654.
- ⁹⁸ Вечтомова Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX – XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 2006. С. 94.
- ⁹⁹ Спицын А. А. Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVIII в. // Вятские епархиальные ведомости. 1889. № 2. С. 34-35.
- ¹⁰⁰ Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1890, №5. С. 121.
- ¹⁰¹ Мохначева М.П. Указ. соч. С. 259.
- ¹⁰² Павлов А. О церковных летописях // Пермские епархиальные ведомости. 1894. №24. С. 523-524.
- ¹⁰³ Решетников М. Учреждение в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач) // Вятские епархиальные ведомости. 1905, №3. С. 152.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 155.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 157.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 158.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 161.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Чемоданов В. Исторические сведения о селе и приходе Ухтымском (Глазовского уезда) // Вятские епархиальные ведомости. 1876. № 4. С. 112.
- ¹¹² Бердинских В.А. Указ. соч. С. 227.
- ¹¹³ Осокин И. Отчет о церковно археологической экскурсии по церквам Слободского уезда в июле 1914 года // Вятские губернские ведомости. 1915, № 16. С. 487-497.
- ¹¹⁴ Шерстенников А. Указ. соч. С. 86.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Мохначева М.П. Указ. соч. С. 267.
- ¹¹⁷ Боярченков В.В. Историки-федералисты: концепции местной истории в русской мысли 20-70-х годов XIX века. СПб, 2005.
- ¹¹⁸ Мохначева М.П. Указ. соч. С. 259.
- ¹¹⁹ Там же. С. 260.
- ¹²⁰ Там же. С. 271.
- ¹²¹ Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII - XIX вв. С. 127.

**Тексты «Вятских епархиальных ведомостей» и
«Пермских епархиальных ведомостей» об археологии и
этнографии финно-угорских народов Камско-Вятского региона**

Ниже приводятся выдержки из «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей», содержательно связанные с археологией и этнографией финно-угорских народов, а также вопросами становления этих научных дисциплин в Вятской и Пермской губерниях. Статьи, которые прежде публиковались в других научных изданиях, не приводятся. Тексты статей публикуются с извлечениями: приводится только та информация, которая связана с археологической или этнографической тематикой о финно-угорских народах Камско-Вятского региона. Вначале приводятся публикации из «Вятских епархиальных ведомостей», затем из «Пермских епархиальных ведомостей». Все документы пронумерованы. Указывается название журнала, год, номер, автор (если указан), название публикации и номера страниц, содержащие археолого-этнографическую информацию. В случае, если публикация занимает несколько страниц, отдельно проставляются номера страницы.

Тексты предаются в соответствии с современными правилами орфографии с максимальным сохранением стилистических и языковых особенностей авторов. Подписи под статьями сохраняются в том виде, в котором они были проставлены в тексте. В случае, если в тексте были авторские примечания, то они приводятся внизу страницы. Географические названия и личные имена приводятся без изменений в соответствии с упоминаниями в источнике по правилам и в соответствии с практикой второй половины XIX – начала XX вв.

№1.

Вятские епархиальные ведомости.

1890, №4.

Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда.

**Исторические сведения
о селе Укан и Уканском приходе Глазовского уезда.**

Село Укан, по географическому положению находится между 57 – 58° с. ш., 21–22° в. д., на запад от уездного своего города Глазова, стоит на высоком, крутом берегу р. Лекмы, впадающей (в 17 в.) в р. Чепцу. Когда заселена местность, занимаемая Уканским приходом, об этом положительных, достоверных сведений не имеется; но по некоторым соображениям и догадкам заселение ее нужно относить к XVII столетию. В то время местность, находящаяся около рр. Чепцы и Лекмы, представляла собою непроходимые леса и болота. Первыми насельниками здешней местности были Каринские и Кругловские Вотяки – язычники, из деревень: Бигры, Кинчина, Омсина и Ярославля, каковые селения существуют и в настоящее время в Слободском уезде.

Что заставило Каринских и Кругловских Вотяков переселиться на новое место жительства, об этом можно догадываться по следующим данным¹⁾: с появлением русских выходцев из Новгорода на Вятке (в XII в.) и отнятием силою оружия у Вотяков и Черемис городищ и селений (городища Болванское и Кокшаров на р. Вятке бывшие), инородцы Вотяки, будучи теснимы русскими, начали выселяться в верховья рр. Чепцы и Вятки. Это – с одной стороны. С другой – побуждением к переселению Вотяков были религиозные причины. Так с учреждением (в 16 в.) монастырей Слободского Богоявленского и Верховче-

¹²¹⁾ Сведения, заимствованы из Вятских Епарх. Ведомостей за 1863 г. Авт.

пецкого Крестовоздвиженского¹⁾, – как единственных тогда рассадников веры Христовой между язычествующими, инородцы Вотяки, по всей вероятности, хотя не в большом числе, были просвещаемы св. крещением; а с образованием, в 1658 году, из Вятской области самостоятельной епархии, под именем Вятской и Великопермской, религиозная жизнь Вотяков не могла уже укрываться от влияния Православной Церкви, и вот, Вотяки, желая сохранить в неприкосновенности язычество, идут из Слободского уезда далее на восток по р.р. Чепце и Лекме. Когда же (в 1717 г.) Вотяки были переписаны по дворам и особенно (1722 г.) по душам, то переселение их из нижнечепецкой доли стало еще усиленнее, так как, вследствие переписи, Вотяки должны были платить определенные подати и отбывать рекрутскую повинность. Вот причины, влиявшие на переселение Вотяков в здешний Лекомско-Чепецкий край. В то же время и духовенство не было бездеятельно в проповеди веры Христовой язычествующему населению. Оно обязывалось

Епархиальным Начальством заботиться о распространении христианства между Вотяками, что не оставалось без добрых последствий, а когда новокрещенным предоставлены были льготы: освобождение от рекрутчины навсегда, освобождение от податей и повинностей на три года, получение денежной награды (от 1 рубля до 50 коп. на человека), число принимавших крещение из язычников увеличилось, о чем сказано будет далее. Но при этом нужно сказать и то, что обращению язычествующих Вотяков в христианство содейство-

¹⁾ Верхочепецкий монастырь находился около с. Николаевского, Слободского уезда, в 35 верстах от с. Уканского.

- 88-

вали и некоторые распоряжения Правительства. Так по указам Императора Петра Великого (1720, 1721, 1722 гг.) велено было за крещеных взыскивать подати с некрещеных и отбывать им рекрутчину. Привыкнув к вольной жизни и не желая подчиниться Русскому Правительству, а также отстать от веры отцов, Вотяки, предводительствуемые своими вожаками, из Слободского уезда, из деревень: Бигра, Омсино, Кинчино, Ярославля, плывут на ладьях (по рассказам старожилов) в более безопасные места и непроходимые леса по рр. Чепце и Лекме, и образуют селения: «Озерское», «Чиньинское» (Пудемского прихода, в 15 верстах от с. Укана), «Кычино», «Укан» (последние – Уканского прихода). Здесь, – по правому берегу р. Чепцы, были уже поселения крупные – городища, как то видим из названий: «Учка-кар» (около деревни Кушман Люмской волости, в 20 верстах от с. Укана), «Гурья-кар» (деревня Балезинской волости) «Пор-кар» ¹⁾ местность гористая около села Укана) «Ука». Существует предание, что на берегу р. Лекмы, где находится село Укан, на высоком месте, жил языческий князь, по имени «Ука», от чего будто бы произошло и название села Укан; но насколько справедливо это, утверждать не беремся. С течением времени, вследствие ли умножившегося населения, или от того, что, живя на проезжей дороге ²⁾, находились под постоянным страхом от разных правительственных агентов, кои наезжали за сбором разных повинно-

¹⁾ Вотское слово «Кар» в переводе на русский язык означает город.

²⁾ Вотский, малосибирский тракт проходил, в прежнее время, будто бы, по правому высокому берегу р. Чепцы, а не по левому, как в настоящее время.

- 89-

стей и податей, и может быть, как говорят старожилы, и по неудобству низменного положения местности в деревне Озерской, почему происходили частые случаи гибели скота в болотах около р. Чепцы, и, по причинам религиозным, Вотяки из деревень: Озерской и Чипьинской, ушли на левый берег р. Чепцы и поселившись по ее притокам: «Зумэкшур», «Сунгрэ-шур», Бармо-шур, образовали деревни (Уканского прихода): Дизмино, (Бигра-гурт

– по вотски), Байдалино, Яр, Мосеево¹). На новом месте жительства Вотяки спокойно, среди дремучих лесов и вблизи рек Чепцы и Лекмы, могли заниматься звероловством, рыболовством, пчеловодством, – последним особенно успешно по обилию тогда леса липового. И вот, здесь, в лесах, Вотяк-язычник, свободно умилоствлял злого духа – Кереметя, обильными приношениями из царства животных и пернатых. В подтверждение того предположения, что в сей местности (в Уканском приходе) существовало идолопоклонство, можно указать на места погребения умерших Вотяков-язычников, – кладбища (шай-выл), которые, как памятники язычества, сохранились вблизи рек: Чепцы и Лекмы, около деревень: Дизминской, Бармошурской, Кычинской; а старожилы положительно уверяют, что их деды пришли сюда некрещеными назад тому около 150 лет и что здесь крещение было совершаемо над взрослыми – в реке. В одной деревне, Уканского прихода, сохранилось предание, что здесь жили два брата-язычника: Атабай и Юш-пи; один из них, Атабай, крестился²),

¹) И по сие время, около деревни Озерской, есть поляны, под название: «старое Мосеево», «старое Байдалино».

²) По всей вероятности, около 1740 г., при открытии Еловского прихода, смежного с Уканским.

- 90 -

с именем Стефана или Кондратия (доподлинно не помнят), а Юш-пи – остался в язычестве, и они, поссорившись между собою, – разделились, причем Юш-пи поселился на низменном месте, около речки «Сунгрэ-шур», а Атабай остался на прежнем месте жительства – на горе, в той же деревне, вблизи речки «Зумэк-шур», и некоторые семейства сей деревни считают сих лиц родоначальниками своих поколений, на что указывает древняя, напр., фамилия «Кондратьевых», от родоначальника Кондратия. Совместное жительство крещеных Вотяков с некрещеными подтверждается и документально: в доношении Преосвященного Вятского Вениамина Святейшему Синоду, от 5 февраля, 1740 года, в пункте 8. сказано: «различных отяцких деревень многие обитатели крещение святое с охотою принимают, точно оставшиеся вотяки, крещением святым гнушающиеся, новокрещенным в одних деревнях с ними живущим во всяких случаях не малые чинят обиды и утеснения, которые новокрещенных, яко не утвержденных еще в вере, могут быть виною к обращению на первое свое суеверие». При сем не излишне сказать, что деревни Уканского прихода: Дизмино, Бармошур, Кычино. Яр находились, по рассказам старожил и признакам местности, на других местах, так что деревня, напр. Бармошур, была далее на одну версту от проезжей дороги к востоку, но впоследствии, для торговой выгоды – барыша, от чего произошли и фамилии жителей "Барышниковы"¹), деревня Бармошур была перенесена на настоящее место;

деревня Кычинская находилась ближе к реке Лекме (саженной на 50). Как признаки старо-

¹⁾Издавна существуют в се деревне постоянные дворы.

- 91-

го жилья, указывают погребные и овинные ямы; на сих местах находили серебряные вещи: браслеты (поскэс), кольца и т. и.

Когда были просвещены святым крещением Вотяки Уканского прихода?

Хотя единичные случаи обращения Вотяков к православной вере были уже и в начале XVIII века (1722–1723 г.г.) ¹⁾, но предуготовительные меры к крещению инородцев несколько задерживали распространение христианства. От желающего креститься требовалось, напр., для изучения молитв и вообще знакомства с истинами православной веры, – прожить, на своем содержании, сорок дней в монастыре, вдали от своего хозяйства, что, во всяком случае, не способствовало скорейшему распространению христианского просвещения между Вотяками и другими инородцами, а потому обращение к православной вере Вотяков Уканского прихода нужно относить к 1740 году, когда был издан указ Императрицы Анны Иоанновны (от 11 сентября 1740 г), предоставлявший весьма большие льготы новокрещеным и освобождавший их от рекрутчины. Одновременно, – с обнародованием вышеупомянутого Императорского указа, объявлен был рекрутский набор в Вятской провинции. Все это не могло не благоприятствовать делу распространения христианства между инородцами. Особенно же, когда Преосвященный Вятский Вениамин (1741 году), ревнуя к делу просвещения Вотяков истинами Христовой веры, вздумал сам посетить деревню Елово, где желающих креститься было наиболее, – и избрать место первой,

¹⁾Указом Преосвященного Алексия игумену Верхо-чепецкого монастыря Евоимию повелевалось желавших воспринять св. крещение вотяков обучать молитвам.

- 92-

по времени церкви в вотских селениях, – то Вотяки крестились уже в великом множестве. Из доношения того же Преосвященного Вениамина Святейшему Правительствующему Синоду, 16 августа 1741 года видно, что им (Преосвящ. Вениамином) в бытность в деревне Еловской, в течение пяти дней, (от 14 по 18 июня) крещено сто двадцать человек, да ранее пятьсот двадцать, а всего шестьсот сорок человек, кои имеют-де жительство в Еловской и в других по близости деревнях (Укан от Елова–80 верст). Главными просветителями христианством Вотяков Уканского прихода нужно считать: священника Еловской церкви, Феодора Ившина, и поповского старшину Воскресенского собора, священника Григория, которые за свою проповедь о Христе, в деревне Садинской (в 20 верстах от

Укана), даже подверглись жестокому избиению от Вотяков. Кроме сих лиц и членов Еловского причта, не малую долю труда в деле просвещения Вотяков-Чепецких и Лекомских, принимали: Архимандрит Богословского монастыря Лаврентий, протоиерей Троицкого-Николаевского собора Артемон Иванов, прибывший из Казани иеромонах Вениамин, в помощь которому был дан, хорошо знавший вотский язык, – города Хлынова посадский человек Тимофей Трефилов; на последнего кроме сего, по отъезде Преосвященного Вениамина в Москву, был возложен Духовным Приказом надзор как за крещеными Вотяками, чтобы не впали опять в язычество, так и некрещеных велено ему было убеждать к принятию христианства. Действующими лицами в Духовном Приказе были тогда: иеромонах Иосаф Потемкин и секретарь Дьяконов. (Вятск. Еп. Вед. 1863 г. стр. 418).

Существование в Уканском приходе целых ро-

-93 -

дов с фамилиями: Владыкин, Иванов, Ившин, Потемкин, Дьяконов, Трефилов, Семакин, – наводит на мысль,| что преимущественное крещение Вотяков Уканского прихода нужно относить к тому времени, (1741–1742 г.г.) когда эти лица, так или иначе, действовали в деле распространения веры Христовой, так напр. Владыка-Вениамин сам воспринимал от купели св. крещеная в Елове, тоже, по всей вероятности, было сделано и другими (Вят. Еп. Вед. 1863 г. стр. 129).

Обращение к вере во Христа Татар и Бесермян – начинается позднее, с открытием села в деревне Уканской. Из документов церкви видно, что в 1748 году Уканскому попу Алексею велено было крестить Татарина деревни Ключевской, Арасланова с женой и детьми; в 1751 г. Уканским попом велено крестить Бесермянина дер. Зянкинской-Имлиркова с именем Андрея – (Кутявина, с каковой фамилий есть и теперь семейства в Уканском приходе), а также крестить Бесермян дер. Шамарданской, Меинской; в 1769 г. крещен (в Вятке – почему-то) Татарин Уканского прихода Абашев. При этом не излишне упомянуть о том, в каком смысле подавались от желающих креститься просьбы о сем (доношения). Так Бесермянин Тямыр Эсенева, сын Сабреков, пишет: «Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловитейшая! (Текст приводится в подлинных словах). Доносит Слободского уезда, Каринской бесермянской доли и Уканского Введенского прихода, деревни Пальмы Бисермянин Тямыр Эсенева сын Сабреков, а о чем мое доношение, тому следуют пункты:

- 94-

1.

Самопроизвольно, а не из-за принуждения какого, не от бед и ни от долгов, я именованный, желая воспринять святое крещение и в православной кафолической вере пребывать твердо и непоколебимо буду, которою де непременно спасаются правоверующие во истинного Бога Иисуса Христа и бывая сынами благодати Божия и наследниками царствия небесного. Сего и я означенный бесермянин получить желаю.

2.

А на суеверную свою душепагубную магометанскую веру и проклятого Магомета и на скверной его алкоран плюю, попирая и вовсе проклиная, и дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было меня нижайшего бесермянина Тямыра Эсенеева, сына Сабрекова, села Уканского Спасской и Введенской церкви иерею Исидору Гавриилу святым крещением просветить и дать мне для объявления, где надлежит, что я восприял святое крещение, билет. Всемиловитейшая Государыня! прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. К подаванию надлежит села Уканского Спасской и Введенской церкви священнику Исидору Гавриилу, ноября 9 дня 1773 года». Затем новопросвещенному давался от священника, крестившего его, билет на явку в Слободскую воеводскую канцелярию для получения льгот и награды, в каковом билете означалось уже христианское имя. Означенный Тямыр Сабреков назван: Михаил Исидоров Невоструев, – вероятно по крестном отце, – священнике Исидоре Гаврииле Невоструеве.

(Окончание в след. №).

№2.

Вятские епархиальные ведомости.

1890, №5.

Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда. (Окончание *).

С. 114-122.

- 114-

**Исторические сведения
о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда.**

*(Окончание *).*

Время открытия села. По документам церкви, временем открытия села нужно считать 1744 г., когда из заказа Верхочепецкого монастыря (от 8 дек. за № 1822), дано было дозволение заготовить материал для постройки деревянной церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, в деревне Уканской. Место для постройки церкви предназначено было еще ранее, (около 1742 г.), проповедником между Вотяками Еловским священником Феодором Ившиным. Он после поездки в вотское селение – Глазов, вместе с прибывшим из Казани правителем новокрещенских дел

конторы Архимандритом Сильвестром Главатским и неудачной там проповеди, и, будучи избит некрещеною Вотью, бежал в Мосеево (в 14 верст от Укана, а оттуда, в одно знатнейшее вотское селение (ныне с. Укан), с увещательными к обращению грамотами, выпросив на то, предвари-

*) См. № 4-й.

- 115-

тельно, позволения у архимандрита Сильвестра. И здесь (в Укане) встречен был вотяками сначала не дружелюбно, но бывшая с ним гроза для трусливой воти, два гренадера, данные ему Архимандритом, - привели одним своим видом в усмирение целые ее сотни. Почему священник Ившин, собрав тут крещеных Вотяков и исполняя перед ними свое дело, предназначил место для построения церкви, в сем жительстве предполагаемой ¹⁾). Фактически же село открыто в 1748 г. с определением к Уканской Введенской церкви, двух священников: Алексия и Иоанна Захариева; - последнему с причтом и приходскими людьми дано дозволение стоять деревянную церковь. В устройстве церкви обязывались помогать состоявшие в Уканском приходе некрещеные Бесермяне и Татары, одинаково с крещеными, как деньгами, так и лесом, что подтверждалось несколько раз некрещеным старостам Слободской воеводской канцелярией. Но они, Татары и Бесермяне, возить на устройство церкви лес отказались помогать, что видно из объявления заказчика, Уканского попа, Иоанна Захариева, который доносит от 15 февраля 1750 года: «По указу Ее Императорского Величества из Слободской воеводской канцелярии прошлого 1749 г., ноября 12 дня, ездил я нижепоименованный для потребования сих Татар и Бесермян (Верхочепецкой и Лекомской сторон) к оной церкви и к тем строениям, что принадлежит, и по требованию моему, в чем они иноверцы показали противны и объявили мне нижеименованному в том их народном собрании вся обще словесно, что-де мы ездили в Слободской, и Слободской-де воевода нам бревен,

¹⁾ Вештомова, Вятская Ист., Каз. Вестн., 1827 г. ч.19.

- 116-

и тесу, к вашей церкви никакого вспоможения чинить не приказал, нам-де до того никакого дела нет, подавший-де доношение ваш заказчик на нас в строении церкви вряд с новокрещеными из своего ума, напрасно» (приказывает помогать). По сему объявлению от Слободской воеводской канцелярии (1751 г. янв. 18) был дан приказ, через старосту Фаддея Пономарева, возить лес на устройство церкви, под опасением штрафа с виновных. Через два года по открытии села случилась перемена в составе причта Уканской церкви: заказчик поп Иоанн Захариев был переведен к Вятскому Богоявленскому собору, а вместо его (Захариева) велено было Еловскому дьячку Савве Шибанову, командированному заказом Верхочепецкого монастыря в подведомственные села для объявления указов

– привести с собою Чутырского попа Ипатия к Уканской Введенской церкви. В состав Уканского прихода вошли 36 деревень с 1817 душами обоего пола; каковой приход был на протяжении почти 70 верст; последняя пограничная деревня находилась за (нынешним) селом Святогорским. Впоследствии – (1792 г.) был открыт на р. Ю приход села Юкаменского, куда отчислилась часть прихода села Уканского; причем одолжалась Юкаменская церковь от Уканской, – утварью, книгами, колоколами, с возвратом взятого. Приходское духовенство не было оставляемо начальством без руководства в своих действиях как по отношению к новокрещенным, так и остававшимся в язычестве, для чего давались различные инструкции. Так, указом Св. Синода 1750 г. давалось наставление, как крестить неверных и предписывалось иметь неослабное наблюдение над новопросвещенными; а когда Епархиальное начальство узнало, что

- 117 -

Вотяки Понинского и Чутырского приходов вызвали из Казанской губернии вотского попа Яшку, для принесения, на их мольбищах, языческих жертвоприношений, то назначило, совместно с Слободской воеводской канцелярией, следствие, и вызыватели были наказаны плетью (Указ Св. Синода 1752 г.).

Первая церковь в селе была деревянная, по образцу Еловской, с тремя приделами: во имя Введения во храм Божьей Матери, Иоанна Предтечи и Нерукотворенного образа Спасителя.

Устройство церкви производилось не вдруг, а в такой постепенности: 1751 году освящен холодный храм во имя Всемилоственного Спаса; 1763 году июня 30 дня были поряжены иконописцы для работ (письма икон) в холодном храме: г. Хлынова, дому Его Преосвященства, Яков Бачурихин, Успенского монастыря Исаак Семенов.

В продолжение стройки происходили и поправки на церкви: 1764 г. была перекрыта крыша на церкви; через 22 года, велено было опять перекрыть крышу на церкви и огородить отведенное кладбище.

Деревянная церковь существовало 67 лет и теперь на месте оной устроен каменный памятник с крестом на верху и огорожен палисадом.

Вторая церковь с селе Уканском устроена на восток от первой, на несколько сажень, в 1805 г., каменная, и освящена в 1822 году; в ней находятся три придела: в холодном храме, во имя Всемилоственного Спаса; в теплом, правый – во имя Введения во храм Божией Матери, левый – в честь Иоанна Предтечи; но в 1823 году левый придел переименован в честь первоверховных Апостолов Петр и Павла. Впослед-

- 118 -

ствии времени, теплый храм подвергся значительным переделкам, так, в 1867 году, он был расширен, и сделано прибавление в длину на 5 саж., в 1834 г., между иконостасами, устроена арка, с сиянием и вратами и двумя, по сторонам, клеймами и колоннами, позлащена и, в приличных местах, украшена резьбою. Арка эта устроена иждивением бывшего лесничего г. Новикова. В 1872 году иконостас, в обоих приделах, обстроен новою резьбою, вызолочен на полимент и украшен живописью. В холодном храме иконостас (в 188⁵/₆ г.г.) обстроен новою резьбою, вызолочен и украшен живописью, а также произведена стенная живопись, каковая есть и в теплом храме.

При церкви находятся два дома: один каменный, двухэтажный; другой – деревянный, на фундаменте, тоже двухэтажный; в первом помещается земское училище; второй куплен в 1838 г. для жительства причта.

Кроме сей церкви, в 1848 г., иждивением прихожан, устроена деревянная – на кладбище в честь Сретения Господня; снаружи и внутри окрашена на масле краскою. Начало строению кладбищенской церкви было положено Глазовским купцом Феодором Зоновым (уроженцем Уканского прихода из Вотяков), который пожертвовал на сей предмет 500 р. ассигнац.

Местоположение села. Село Укан находится на Нолинском коммерческом тракту, на правом берегу р. Лекмы; от губернского г. Вятки в 170 верстах, уездного – г. Глазова – в 40 верстах. Местность, в гигиеническом отношении, весьма здоровая, так как с севера защищена горами, а на юго-восток находятся луга и поля; болот вблизи нет.

По гражданскому управлению, село состояло: в ве-

- 119-

дении Слободской воеводской канцелярии, Каринской – татарской и бесермянской долей, верхочепецкой-лекомской стороны, Слободского уезда; в настоящее время находится в 4-м судебном-мировом участке, 2 стана, Нижнеуканской волости, Глазовского уезда. По духовному управлению село находилось в заказе Верхочепецкого Крестовоздвиженского монастыря, а потом в ведении Слободского Духовного Правления, с 1798 г. Глазовского Духовного Правления, Ухтымского благочиния; но впоследствии, село принадлежало к району разных благочиний: Понинского, Елганского, Глазовского, Уканского, Бельского. В настоящее время Уканская церковь состоит в 1-м благочинническом округе Глазовского уезда.

Число причтов и количество церковной земли. По данным, находящимся в церковном архиве видно, что при Уканской и Введенской церкви причт составляли: два священника, но сколько велико было число остальных членов причта, с точностью определить трудно, с вероятностью же можно полагать, что причт состоял из полного штата, какой определен был указом Императрицы Анны Иоанновны (1740 г. 11 сентября), т.е. два священника, диакон и церковников по три человека. Из росписей 1794 г.

усматривается, что наличность причта при Уканской церкви составляли: два священника, диакон, четыре причетника; при чем видно, что жены брались духовенством как из духовного звания, так и из других: купеческого, мещанского, крестьянского, - невозбранно; между тем, впоследствии, видим уже запрещение лицам духовного звания жениться на дочерях других сословий, кроме духовного. С 1834 г. открыт при церкви третий штат, а с 1889 года – четвертый.

- 120 -

Церковной земли при селе Уканском нарезана, с 1805 года, тройная пропорция, – на два причта, всего луговой и волевой: 198 десятин, каковою землею местный причт и пользуется.

По описи, составленной в 1857 году, значатся следующие более ценные и древние вещи:

1) Потир – серебряный, позлащенный, беспробный, с изображением на чаше страстей Господних, каковое изображение осыпано кругом камнями и стразами; весу: 4 фунта, 18 золотников.

2) Таковый же – с изображением распятия Иисуса Христа, ликов: Божьей Матери, Иоанна Предтечи; обложен серебряной прорезной сеткой; весу – 1 ф. 69 зол.

3) Дискос – серебряный, позлащенный, беспробный; весу 1 фун. 12 зол.

4) Таковый же, – весу 55¹/₂ зол.

5) Звездица, серебряная, позлащенная, со стразами; весу 49 зол.

6) Таковая же, – весу 28 зол.

7) Лжица, серебряная, позлащенная, беспробная; весу 20 зол.

6) Тарелочки две, серебряные, позлащенные; весу 64 зол.

9) Евангелие, – обложенное венецианским, малинового цвета, бархатом, с золотообразным переплетом, с 5 позлащенными беспробными клеймами, прикрепленными к доске, с изображением в середине Воскресения Христова, по углам четыре евангелиста; вес неизвестен, печатано в Москве 1771 года. В 1868 году означенное Евангелие переделано, верхняя доска сделана вся серебряная, позолоченная, 84 пробы; весу 319 зол.

10) Таковое же евангелие, печат. в Москве, 1745 г.

-121-

11) Ковчег, для хранения запасных даров, серебряный, беспробный, с двумя выдвижными сосудами; весу 1¹/₂ фун.

12) Сосуд для хранения мира, серебряный, позлащенный.

Книги богослужебные: Апостол в пол-листа, печатан в Москве 1745 году.

Служебник. Москва, 1744 г.

Таковой же, печатан в обители Свято-Троицкой, Ильинской; Чернигов, 1754 года.

Книги и журналы, находящиеся в библиотеке церковной: Библия, – в лист, с параллельными местами, печатана в Москве, 1766 год.

Евангелие толковое, 1744 г.

Толкования на соборные апостольские послания, Москва, 1794 г.

Христианское Чтение, с 1822 г. за 12 лет; Воскресное Чтение, с 1837 г., за 4 г; Творения св. отцов, за 10 л.; Православный Собеседник, за 6 л.: Духовная Беседа; Духовный Вестник; Странник: Дух Христианина; Православное Обозрение; Душеполезное Чтение; Руководство для сельских пастырей; Труды Киевской Духовной Академии; Труды Императорского Вольного Экономического Общества, Народная Беседа; Блюститель здоровья и хозяйства; Морской Вестник; и друг.

Не перечисляя всех книг, находящихся в церковной библиотеке, нужно сказать, что она довольно богатая, по своему составу: видно, что местное духовенство заботилось о своем самообразовании.

В числе церковных строений, по описи значится – колокольня, каменная, трехъярусная с осмериком и длинным над оным шпиром, в коем утвержден

-122-

кованный железный крест, вызолоченный двойным золотом. Колокольня построена одновременно с церковью, внизу колокольни две холодных палатки (кладовые) с окнами. На колокольне находится 12-ть колоколов: первый – весом 205 пудов, второй – 40 п., третий – 14 п. 1 ф., четвертый – 7 п., остальные – от 6 до 1 пуд. Не без интереса история первого колокола. Он был куплен в 1830 году на колоколо-литейном заводе братьев Бакулевых, в Слободском. Прихожане села Уканского, – Вотяки, движимые проявлением чувства религиозного, вознамерились лично отправиться на завод Бакулевых, и в числе 300 человек мужчин, взялись дружно, – на лямках, тянуть колокол к своей родной церкви и на столько шли успешно, что до Павловского завода (ныне с. Роговское), находящегося в 40 верстах от г. Слободского, не сделали ни одного привала, только здесь, в Роговском, поздно вечером, сделан был первый отдых. Затем колокол спокойно тянули до переправы через р. Чепцу, близ деревни Усть-Лекомской, (в 20 в. от Укана). Вот здесь-то и случилось некоторое событие. Дело происходило весною, – в марте месяце, лед на реке, от тяжести груза и слабого уже состояния, проломился, вместе с тем провалился сквозь лед и колокол, и пошел ко дну. Произошло смятение и замешательство, но с Божьей помощью, дружными и энергичными усилиями людей, как участвовавших в вывозке колокола, так и другими, подоспевшими на помощь, колокол благополучно был доставлен к церкви села Уканского, к общей радости прихожан.

Священник Александр Шерстенников.

№3.

Вятские епархиальные ведомости.

1905, №3.

Решетников М. Учреждение в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач).

С. 148-165.

-148-

**Учреждение в г. Вятке губернской ученой
архивной комиссии.**

*(Задачи деятельности комиссии и условия успешного
выполнения ею этих задач).*

В видах сохранения памятников Вятской старины и наилучшей, удобной разработки истории и археологии мест-

-149-

ного края, среди членов Вятского губернского статистического Комитета не раз возникала мысль об учреждении в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. Но вопрос этот об учреждении комиссии, поднятый еще двенадцать лет тому назад известным знатоком местной истории А.С. Верещагиным, до сих пор не получал разрешения в утвердительном смысле, отчасти, по отсутствию необходимых средств на содержание и расходы комиссии, а также удобного помещения для нее, – отчасти, по недостатку лиц, заинтересованных в изучении и охране памятников старины; и только ныне, благодаря сочувствию и просвещенному содействию г. начальника губернии П.Ф. Хомутова, симпатичное начинание, наконец, осуществилось. 23 октября сего 1904 года Его Превосходительством г. Вятским губернатором получено было, за министра внутренних дел, от товарища министра, сенатора Дурново официальное разрешение на открытие в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии, каковое открытие и состоялось в воскресенье 28 ноября 1904 г., в зале губернского правления, в присутствии г. начальника губернии д. с. с. П.Ф. Хомутова, Преосвященного Филарета, Епископа Вятского и Слободского, г. вице-губернатора, представителей разных учреждений, преподавателей духовно-учебных заведений, духовенства и др. лиц.

Приветствуя появление у нас на Вятке нового и полезного учреждения, мы считаем не лишним сказать здесь несколько слов о задачах и целях новооткрытой комиссии, а равно и о тех условиях, при которых комиссия эта может успешно развивать свою деятельность, особенно в том случае, если частные лица, учреждения, а также и духовенство епархии не откажутся от посильного участия в предстоящих трудах комиссии.

I.

Задачи и цели архивных комиссий вообще. Важное значение открытия архивной комиссии на Вятке.

Мысль об учреждении губернских, ученых архивных комиссий принадлежит покойному академику Н.В. Калачову. Самоотверженный труженик архивист, Н.В. Калачов задумал поставить дело устройства науки архивоведения в нашем отечестве на прочную почву и с этой целью, основав предварительно, в 1878 году, археологический институт в С.-Петербурге, стал энергично ходатайствовать о создании в губерниях ученых архивных комиссий и об учреждении при них исторических архивов. Ходатайство это, при сочувственной и просвещенной поддержке президента Императорской академии наук графа Д.А. Толстого, увенчалось полным успехом: 13-го апреля 1884 года последовало Высочайшее утверждение положения комитета г.г. министров, предоставившее министру внутренних дел учреждать в губернских городах, где то окажется удобным и возможным, помянутые комиссии и исторические при них архивы. Ученые губернские архивные комиссии, согласно «положению» о них, составляются, во взаимному соглашению директора археологического института в С.-Петербурге с местным губернатором, как из служащих, так и из состоящих на службе в губернии лиц, могущих быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу. Губернатор есть неперемный попечитель таковой комиссии. Председатель в правлении для ученой комиссии, а в случае надобности, и помощник председателя, избираются самою комиссией в первое ее заседание.

Задачи и цели учреждаемых в губерниях архивных комиссий указаны также в самом «положении» о них. По этому «положению», на обязанности ученой комиссии лежит: 1) *разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из них тех столбцов и бумаг, которые, по представляемому ими интересу в научном отношении, подлежат передаче для хранения в исторический архив;* 2) *составление таковым документам и делам надлежащих описей и указателей и 3) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий.* Кроме этого ученые комиссии, независимо от прямой своей обязанности, *могут, по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины.*

Важность выполнения указанных задач для русской исторической науки не подлежит сомнению. По выражению, напр., академика Н.Ф. Дубровина, «история России невозможна без помощи официальных документов, хранящихся в архивах, и ее успехах в значительной степени зависит от хорошего устройства архивов и от большей или меньшей приспособленности их к ученым занятиям». И архивные комиссии, существующие в настоящее время в 22-х губерниях, стали деятельными центрами сохранения и обработки для науки письменных памятников старины, рассеянных в разных частях России, как свидетельствует об этом официальный печатный орган министерства народного просвещения (Ж. М. Н. П. [*Журнал Министерства Народного Просвещения*] 1895 г., май, стр. 13). Но архивные комиссии, принося существенную пользу исторической науке, имеют еще важное воспитательное значение для общества. «Бескорыстные научные работы, – говорит покойный директор С.-Петербургского

-152-

археологического института И.Е. Андреевский, – заключают в себе то чарующее, что не только самих работников, поднимает из области мелких материальных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с тем поднимает и общество, среди которого они работают и действуют: внимающие им, с уважением смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними поднимаются, движутся вперед»¹).

Таково вообще значение архивных комиссий, вытекающее из характера их деятельности, определяемой самым «положением» о них.

Переходя теперь, в частности, к открытию ученой комиссии на Вятке, мы должны отметить это явление, как крупный и выдающийся факт в жизни здешнего края. Разнообразное значение, какое может иметь существующая теперь на Вятке ученая архивная комиссия в деле разработки Вятской истории и археологии, с достаточною полнотою и ясностью было уже выяснено в речах, произнесенных на открытии комиссии. Мы позволим себе здесь лишь кратко передать высказанные в этих речах мысли, уясняющие нам указанное значение²). Прежде всего, существование в г. Вятке архивной комиссии должно будет значительно облегчить вообще ход работы исследователя Вятской старины. Наблюдавшееся ранее исчезновение из архивов весьма важных для местной истории дел, – с учреждением архивной комиссии, по возможности, будет предупреждено и приостановлено: члены архивной комиссии, по § 5 «положения», при просмотре и разборе дел, предназначенных в архивах разных ведомств к уничтожению, знакомые уже с именами замечательных местных

¹) Цит. по речи Л.И. Софийского на открытии архивной комиссии в Вятке.

²) Речи эти напечатаны полностью в №№ 149-152 «Приложения к Вятским Губернским Ведомостям» за 1904 год.

деятелей, отберут дела, в которых встречаются имена таких деятелей (как, напр., Финицкий), обратят должное внимание на дела «бытового характера» и вообще озаботятся выделением замечательных дел в исторический архив при комиссии. Далее, затруднительный прежде для исследователей старины доступ в местные архивы, при существовании архивной комиссии, окажется более легким и свободным, особенно в виду того, что в качестве членов ее изъявили согласие принять участие почти все начальники отдельных управлений и их архивов. При этом не будет также ощущаться и прежнего недостатка в необходимых при работах по местной истории пособиях и книгах. Из «Каталога библиотеки Нижегородской архивной комиссии» видно, например, что в ней к 1896 году было уже 1647 названий книг и изданий разных ученых обществ, и только незначительная часть книг приобретена покупкою, а большая часть изданий ученых обществ поступила в библиотеку в дар от этих обществ и частных лиц. Есть, стало быть, не безосновательная надежда, что ученые учреждения и общества не обойдут своим вниманием и Вятскую комиссию и не откажутся уделить ей, по крайней мере, часть своих изданий. Недостающие же затем книги постепенно, – по мере превалирующей в них надобности для безмездных тружеников комиссии, могут быть приобретены и на средства ее, если только местные общественные учреждения и частные лица, желающие иметь не компилятивную, а настоящую, основанную на документах, Вятскую историю, пожелают оказать комиссии полезную помощь в ее неотложных нуждах. Кроме того, предполагаемое издание трудов Вятской архивной комиссии ¹⁾ устраняет одно из самых неприятных затруднений для местного исторического исследования,

¹⁾ Издание этих трудов предполагается начать с марта месяца 1905 года до 6-ти выпусков в год.

который часто не имел даже возможности публиковать печатно собранных ценных материалов для местной истории, по отсутствию на месте вполне пригодных для того печатных органов. В издании же архивной комиссии собранные материалы охотно будут напечатаны, – если, конечно, представят исторический интерес; причем всегда расположены будут в порядке, снабжены нужными объяснениями и – непременно – *указателями*, личными и географическими, даже если нужно предметными; тогда, конечно, и пользоваться ими можно будет с удобством, производительно и успешно. Наконец, и самая работа архивиста одиночная, без товарищей – сотрудников (как это и было при отсутствии в Вятке архивной комиссии) не может быть столь же успешною, как работа в общении с товарищами – сотрудниками, в ученом обществе, где иногда одно, даже и незначительное, указание,

замечание, сообщение того или другого товарища – специалиста может оказать влияние на успешный ход работы архивного труженика ¹⁾).

Поставленный, с учреждением архивной комиссии, в более благоприятные условия, чем прежде, исследователь Вятской старины найдет для себя много интересной работы. Наша история, например, далеко еще не разработана. Вятская губерния весьма обширна, пестра по населению и в историческом отношении не представляется одною целою, особенно по вопросу заселения края. Едва не половина ее русского населения не считает себя *вятчанами*. Многочисленные факты свидетельствуют, что колонизация края шла с разных сторон, что отдельные части губернии развивались под влиянием различных условий – разнообразно. Поэтому в предстоящих трудах комиссии, например, при выработке

¹⁾ Изложенные мысли подробно высказаны были, при открытии Архивной Комиссии, многоуважаемым А.С. Верецагиным.

-155-

программы ее деятельности, при исследовании старины, указанные обстоятельства необходимо будет принять в соображение. Для планомерности работы придется быть весьма бдительными при разработке материала, не ограничиваться только местными источниками, но и обратить внимание также как на соседние, так и на более отдаленные губернии, придется завязать сношения со всеми существующими архивными комиссиями и другими учеными обществами, потребуется, наконец, командировать кого-нибудь для извлечения материалов из столичных архивов и т.п. ¹⁾).

Немало интереса для местного историка должен представить и выдвигаемый историей Вятского края инородческий вопрос: он, по выражению профессора Ключевского, вообще есть любопытнейший из вопросов русской истории, так как им затрагивается другой важный вопрос – о степени влияния финских племен на великорусов и следах этого влияния в говоре, обычаях, религиозно-нравственных воззрениях русского народа. В этом отношении, жизнь местного края представляет богатейшую почву для научных изысканий исследователя. Своеобразный говор Вятского жителя, так резко отличающий его от уроженца других местностей, многие характерные черты его домашнего быта, особенности некоторых обычаев – погребальных, например, или свадебных, объясняемые часто спутанностью религиозно-нравственных понятий христианина; наконец, даже самая внешность коренного вятчанина довольно типичная, – все эти другие индивидуальные стороны местной жизни создавались, конечно, постепенно, историческим путем и под воздействием различных причин. Но несомненно также, что здесь сказалось влияние культуры и расовых особенностей инородцев издавна населяющих Вят-

- 156 -

ский край. Ведь, многовековая близость к инородцам не могла же, в самом деле, не отразиться, так или иначе, на жизни Вятского великорусса. Во всяком случае, выяснить этот вопрос – составляет, весьма важную задачу местного историка, и открытая теперь в г. Вятке ученая архивная комиссия может с успехом послужить выяснению такого вопроса, так как задача ее в том, между прочим, и состоит, чтобы интересные в историческом смысле памятники и документы собрать воедино, сделав их доступными для надлежащей разработки. Говорить ли еще о примечательных учреждениях, событиях и лицах, которыми богата местная история и которые также могут послужить для архивной комиссии предметом ее плодотворных трудов? Глухой Вятский край с его вековыми лесами стоял вдали от кипучего центра политической и общественной жизни; но он был полон событий, волнуясь иногда, как море-океан. Буйные вихри общественных движений и неурядиц залетали по временам и в Вятские дебри, наполняя их своим шумом. Сюда – в захолустные уголки обширного края – шли прятаться от взоров правительства наши раскольники, и старообрядчество свило здесь прочное гнездо, выставив из своей среды представителей почти всех многообразных толков. Невольными жителями далекой Вятки оказывались иногда видные общественные деятели, политические ссыльные, – и заманчивые веяния запада порой мутили прозрачные волны жизни благонамеренных вятчан.

Словом, для Вятской архивной комиссии открывается широкое поле глубоко – интересной деятельности, – и поставьте эту деятельность в благоприятные для нее условия, она расскажет нам много поучительного про минувшую судьбу родной Вятской страны ¹⁾.

¹⁾ Из речи при открытии Архивной Комиссии, М.Н. Решетникова.

-157-

Наилучшим же условием успешной деятельности архивной комиссии, несомненно, должны явиться: материальная поддержка сочувствующих делу лиц и учреждений и возможно большее количество *активных участников* в предстоящих трудах комиссии по сохранению и разработке памятников Вятской старины. *В данном случае, весьма желательным представляется и участие духовенства епархии.* Как и в чем, в частности, может проявиться подобное участие, – об этом мы скажем теперь несколько слов.

II

Все богатство минувшей жизни наших предков находится в разных местах нашего края, большею частью, еще в первичном неразработанном виде: в правительственных архивах, в архивах и библиотеках частных людей, в семейных бумагах и народных преданиях; многое погребено в могилах и курганах; многое хранится в монастырях и церквях. Собрать в одно место все это разнообразие материалов народной жизни одному, даже нескольким труженикам науки, дело не посильное и даже не возможное; собрать это могут специальные учреждения, каковыми и являются губернские учения архивные комиссии. Имея во главе своей людей, достаточно подготовленных к этому делу, комиссии все труды по собранию древностей края обычно распределяют между своими членами. Один, например, найдет в архиве древний исторический письменный памятник; другой из членов изучит его; третий издаст в

-158-

свет в общее достояние науки; один найдет в недрах земли или в частных руках, в селах и деревнях, какой-либо древний предмет из быта народной жизни, другой исследует этот предмет и также печатно поделится с ученым миром своей находкой. Словом, здесь самое широкое поприще для образованных людей послужить на пользу науки своими трудами в собирании и хранении древностей края¹). И редкий, таким образом, не может внести известную долю участия в важном для всех нас учреждении. При такой постановке дела, музей древностей возникает сам собою – без особого труда и расходов. А устройство исторического музея при архивной комиссии может принести большую пользу науке. Имея пред глазами вещественные предметы быта наших предков, мы не только получаем возможность наглядно представить себе этот быт, но даже сделать известные выводы и относительно иных сторон той культуры. Здесь уже не посторонние наблюдатели или повествователи говорят нам об угасшей жизни, а сама жизнь свидетельствует о себе тем ясным и вразумительным языком, который свойствен фактической действительности. Таких вещественных памятников старины в Вятской губернии, конечно, найдется не мало, и будем надеяться, что лица, имеющие возможность поделиться этими памятниками, во имя общей пользы, не преминут поделиться ими и с архивной комиссией. Это и будет с их стороны одним из возможных способов активного участия в трудах комиссии, которая, в целях обогащения историка надежными средствами к раскрытию минувшей жизни, внимательно должна относиться ко всяким предметам древности, касающимся разных сторон жизни наших предков.

Не мало, конечно, должно найтись подобных предметов древности и в старинных церквах епархии; к таковым нужно, например, отнести: вышедшие из употребления старинные кресты, иконы, складни, остатки церковных облачений, брачные венцы, лампадки, подсвечники, древние или вообще исторического характера *рукописи и книги*, – словом все, что так или иначе может воскресить быт наших предков, восходя до самой седой старины, теряющейся в сумраке легенд и до новейшего времени, которое также должно сохраниться в предметах, напоминающих наиболее заметных и уважаемых местных деятелей, сошедших уже в могилу. В Пермской епархии, по открытии там архивной комиссии, было сделано даже особое распоряжение, чтобы: а) старинные вещи, не нужные для употребления в церквах и монастырях епархии, но имеющие хотя некоторое археологическое значение, препровождались бы, чрез посредство консистории, в местную архивную комиссию и б) чтобы переделка церквей и существенный ремонт внутри оных церквей, сооруженных до 1800 годов, производился не иначе, как с особою заботливостью о сохранении памятников старины *).

Нет сомнения, что духовенство Вятской епархии сочувственно отнесется к потребностям местной архивной комиссии; громадный по своим размерам Вятский край богат просвещенными духовными деятелями; а церковные архивы, не только городские, но и сельские, вмещают в себе еще много драгоценных материалов. Эти материалы для человека, умеющего пользоваться наведением и аналогией и приучившегося на основании немногих данных, при надлежащей группировке их, вызывать к жизни полный образ того или другого предмета или явления, – представляют много интересного и ценного не в историческом

*) Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии. 1893 г. Вып. 1, стр. 14.

только смысле, но и вообще в отношении правильного понимания церковной жизни, органически развивающейся из основных вековых начал религии. Духовенство, поэтому, окажет большую услугу историку, если постарается собрать подобные материалы для истории своей епархии и церкви, доставив их местной архивной комиссии в неразработанном, сыром виде или в виде исследований ¹). Архивная же комиссия, со своей стороны, озаботится сохранением всех таких исторических материалов; ее обязанностью будет – умело сгруппировать их и расположить в таком порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий; кроме того, готовые исследования и более интересные документы напечатаны будут в «Трудах» архивной комиссии.

Лица, оказавшие доставлением письменных трудов или памятников старины пользу архивной комиссии, избраны будут в действительные члены ее с правом бесплатного получения ее печатных «Трудов» ²⁾. И чем больше будет собрано официальных и неофициальных исторических материалов и исследований, тем успешнее может развиваться и деятельность архивной комиссии.

Непосредственно участвуя в ученых трудах комиссии доставлением ей вещественных и письменных памятников местной старины или научных работ, частные лица и учреждения могут еще оказать свое содействие полезному учреждению и другим путем. Разумею здесь материальную поддержку, которая может выразиться или добровольными взносами на нужды комиссии или же всего удобнее – *подпиской* на имеющие издательства в г. Вятке с марта 1905 года «Труды Вятской губернской ученой архивной

¹⁾ Все материалы, как рукописные, так и вещественные (как то: предметы религиозного культа, древние украшения, оружие, предметы домашней утвари и т.п.) могут высылаться по следующему адресу: Вятка. Ученая архивная комиссия – здание Публичной библиотеки.

²⁾ Перечень того, что может входить в эти «Труды», указывается ниже.

-161-

комиссии» (до 6-ти выпусков в год от 8 до 10 печатных листов каждый выпуск, подписная цена 5 руб. за годовой экземпляр), по следующей программе: *1 отдел официальный – известия о деятельности комиссии*; здесь будут помещаться журналы собраний архивной комиссии, годовые отчеты о ее деятельности, а также все известия, касающиеся улучшения архивного дела и постановления, выработанные по архивному делу другими архивными комиссиями; *2-й отдел – материалы и исследования*; здесь будут помещаться различные акты, добытые в архивах (например, акты архиерейского дома, монастырские, древних храмов, погостов и т.п.) с необходимыми указателями, и исследования научного характера на основании сырых материалов; *3-й отдел - смесь*, он будет содержать в себе вообще сведения по археологии и истории, помещаемые в исторических журналах и изданиях, брошюрах и газетах, а также местные мемуары, письма местных деятелей, этнографические очерки и тому подобные сведения о прошлой жизни и быте в Вятском крае. Сюда нужно, например, отнести также: описание свадебных обычаев, погребальных, обрядов при родине, крещении, сведения по народной медицине, из народного календаря, народные песни, поговорки, пословицы и т. п. Отрадно отметить, что некоторые учреждения и лица уже выразили свое согласие выписывать указанные «Труды». Его Превосходительство, г. начальник губернии П.Ф. Хомутов еще в сентябре 1904 года обратился в уездные земские управы, между прочим, с таким предложением: «Так как развитие ученой деятельности Вятской губернской архивной комиссии немыслимо без

издания печатных трудов комиссии, то необходимо для нее издание своего органа, на что нужны, особенно в начале дела, денежные средства. В виду того,

-162-

что имеющейся у комиссии в наличности денежной суммы (500 рублей, ассигнованных 17 декабря 1903 года Вятским губернским земским собранием и 200 руб. 11-го декабря 1903 г. Вятскою городскою думою) оказывается недостаточно для издания «Трудов», которое может состояться только в том случае, если каждое из 11 Вятских уездных земств изъявит свое согласие на приобретение «Трудов» архивной комиссии минимум 10 экземпляров, считая по 5 руб. за каждый годовой экземпляр «Трудов» (приблизительно в числе 6 выпусков в год), имею честь просить уездную земскую управу прийти на помощь учреждаемой в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии изъятием своего согласия на приобретение названных «Трудов» не менее 10 экземпляров, при годовой стоимости каждого экземпляра в 5 руб. *Книги эти могут быть предназначены для безвозмездной раздачи в библиотеки учебных заведений своего уезда: в гимназии, реальные училища, сельскохозяйственные, местные, ремесленные и народные двухклассные школы и учительские»*¹⁾.

Такое же предложение, от имени Вятского г. губернатора, было послано и в городские управы. В настоящее время изъявили уже согласие на приобретение «Трудов» по 10 экз. 6 земских уездных и 2 городских управы.

Позволительно надеяться, что духовенство епархии пожелает приобрести «Труды» комиссии, напр., для церковных же библиотек, особенно в виду того, *что оно в этих «Трудах» может потом находить разрешение некоторых интересных для себя вопросов, касающихся местной церковной истории и археологии.*

*) Курсив везде наш. Авт.

-163-

А таких вопросов церковно-исторического характера, нуждающихся в исторически-верном решении и освещении их в нашей епархии еще очень много.¹⁾ Возьмем, например, вопрос о начале возникновения древних приходских церквей, – достоверных сведений об этом часто совершенно нет в местных церковных архивах, о чем и свидетельствуют составленные описания таких церквей. Между тем, архивная комиссия, в лице своих компетентных представителей, постарается уже всегда найти вполне достоверный источник необходимых сведений, каким, в данном случае, является, напр., патриарший приказ, куда тщательно вносилась каждая вновь появившаяся церковь, как дававшая патриаршей казне лишний доход (дань). Бывают и такие случаи, когда, при изучении иных отделов церковной

истории приходится составлять свои суждения о разных предметах лишь на основании беглых замечаний о них, заключающихся в какой-нибудь *памяти* (отношении или предписании) *поповского старосты* к подведомому духовенству, в какой-нибудь *грамоте наместнику*, в *наказе какому-нибудь заказчику* или в другом подобном документе; здесь не специалисту уже трудно иногда разобраться, и он легко может допустить ложные выводы. Например, в одной писцовой книге (калачановской), есть сведения, что в 1628 г. в Вятке было 14 церквей, – на самом же деле приходов было тогда на половину меньше; дело в том, что писцовая книга различает теплый и холодный храм, считая их за два, хотя приход при нем был один.

В всех подобных случаях, изданием своих «Трудов» Вятская архивная комиссия и восполнит недостаток.

¹⁾ Приводимые далее примеры сообщены были в устной беседе А.С. Верещагиным на втором из заседаний Вятской Архивной Комиссии (21 декабря 1904 г.).

-164-

необходимых материалов и исследований по вопросам местной истории вообще и церковной в частности. «Ныне важные для местной истории дела столичных архивов», в роде, например, «Сметных списков Вятских воевод на 1626–1678 г.г.» или «Расходной книги города Хлынова земского старосты Ив. Репина 1680 года» (весьма интересной в бытовом отношении), по просьбе архивной комиссии, могут быть высланы в нее из столичных архивов для временного пользования ее членам – труженикам. Некоторые же дела столичных архивов могут быть переданы оттуда совсем в здешнюю архивную комиссию; таковы например: писцовые, переписные, дозорные Вятские книги, важность которых для местной истории не требует объяснений. В Московском главном архиве министерства юстиции хранятся не только подлинники этих книг, но и копии; последние, копии, московский архив, без всякого ущерба для себя, может передать в нашу комиссию, подобно тому, как он передавал такие же книги и в другие архивные комиссии»¹⁾. Особенную же ценность для будущих работ по местной истории должны будут составить, – по авторитетному уверению А.С. Верещагина, – «древние вятские акты», которые уже предположены к печатанию в «Трудах» архивной комиссии. Изданные тут толково, древние акты составят прочный фундамент для беспристрастного и верного вывода и заключения в историческом исследовании. С изданием их, весьма много разъяснится в нашей местной истории, многое окажется не в том виде, как доселе представлялось; а без исправного издания их, местные исследователи лишены были бы фундаментального и удобного для пользования материала для своих работ; наша история осталась бы

¹⁾ Из речи А.С. Верещагина, при открытии Вятской Ученой Архивной Комиссии.

-165-

мало разработанною, по-прежнему мало обоснованную, неподвижную.¹⁾

Будем же надеяться, что новоучрежденная архивная комиссия найдет достаточно деятельных помощников и участников в своих скромных работах на общую пользу местного края, – тем более, что для всех, помимо ученых занятий, в ней есть подходящая работа. Редкий не может внести в музей, архив или библиотеку какую-нибудь древность и там, во-первых, сохранить ее от исчезновения, а во-вторых, сделать ее доступною для всеобщего употребления; иной может сделать сообщение или описание ценного документа, находящегося в частном владении; другой примет меры к сохранению имеющегося в его распоряжении частного или общественного архива и откроет доступ в него исследователю; третий в состоянии уделить средства на содержание в должном порядке архива, библиотеки и музея комиссии, а также оказать помощь на издание ее «Трудов» в качестве подписчика и т. д.

Важно, чтобы всякий проникся любовью к прошлому родины и сознал, что воспоминание о днях древних может осветить настоящее²⁾: *помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих* (Псал.142).

М. Решетников.

¹⁾ Там же.

²⁾ Из слова произнесенного о. прот. И.М. Осокиным пред молебствием на открытии арх. комиссии.

№4.

Вятские епархиальные ведомости.

1910, №24.

К вопросу о сохранении памятников церковной старины.

С. 695-700

-695-

К вопросу о сохранении памятников церковной старины

I.

Вятская епархия существует свыше двух сот пятидесяти лет. Много событий совершилось за это время. Поколения сменились новыми поколениями. Историку, изучающему прошлую судьбу Вятского края, должны быть особенно дороги так называемые вещественные памятники старины, по которым можно судить, как жили прежде наши прадеды, какие обычаи они имели, как одевались, как обставляли свои жилища и проч. Но еще, пожалуй, важнее, проследить высшие запросы их души: их верования, религиозные обряды, в чем выражались искони присущие русскому человеку набожность и благочестие.

- 696-

К сожалению, многие памятники старины гибнут от времени, от небрежного обращения, от неумения и нежелания сохранить их. Лица, безучастно относящиеся к прошлому, не понимают даже всей важности и значения этих невозвратно гибнущих немых свидетелей старины.

Нельзя не приветствовать поэтому постановления епархиального съезда Вятского духовенства об устройстве в г. Вятке церковно-археологического музея по примеру таких же древлехранилищ в других городах.

Сюда, по мысли устроителей, должны стекаться по преимуществу памятники церковной старины. Охране и собиранию таких памятников необходимо должно предшествовать приведение их в известность.

В разных местах России, в том числе и в Вятской губернии, встречаются до сих пор остатки древних городищ, курганы и могилы и добытые из них путем раскопок предметы: оружие, монеты, металлические вещи, украшения, сосуды и проч. проливают свет на доисторический быт обитателей Восточной Европы. Сохранившиеся старинные здания, например, церкви и монастыри, дают понятие о старинной архитектуре, древние иконы и изображения на стенах, резные и лепные украшения иконостасов и проч. свидетельствуют о старинном русском искусстве и т. д.

Нужно быть специалистом, чтобы уметь правильно судить о старинных вещах, разбираться в разных вопросах, связанных с их археологической ценностью. Поэтому для лиц, интересующихся родной стариной, но не занимавшихся ранее археологическими изысканиями, необходимы некоторые указания.

Так как главным местом нахождения памятников церковной старины являются храмы и монастыри, то прекрасным пособием к ознакомлению с ними могли бы послужить существующие при них описи. Руководясь последними, можно было бы, не выезжая из г. Вятки, составить список древних ве-

-697-

щей, хранящихся в приходских и монастырских храмах, Но описи эти, к сожалению, далеко не всегда отличаются надлежащей полнотой. Как показал опыт Черниговской епархии, руководиться описями церковного имущества и особенно полагаться на приводимый там данные оказалось невозможно. Оказалось, что многие вещи из таких описей были прямо исключены за ветхостью, другие же, сваленные в виде ненужного хлама на церковных чердаках или в кладовых, давно в описи не заносились, как причту неизвестный и не имеющие в его глазах практического значения и материальной ценности, хотя, как оказалось впоследствии, археологическая и историческая ценность многих из них была очень велика.

Гораздо важнее является непосредственный осмотр храмов, которым достигается сразу несколько целей: и приведение в известность памятников,

и их описание, и сосредоточение части их в епархиальном древлехранилище, и охрана, и изучение их на местах. Подобный осмотр, при котором можно пользоваться и церковными описями, прежде всего, могут произвести и живущие на местах любители церковной старины, желающие помочь благому делу собирания и охранения памятников старины, и особо командированные на места находок специалисты. Черниговское епархиальное древлехранилище, основанное 14 окт. 1906 г., при незначительных затратах, в первый же год своего существования успело собрать таким образом свыше 500 номеров. Заведовавший древлехранилищем Дроздов вместе с священником о. Карпинским объехал в 1907 г. в течение летних месяцев северную часть епархии, при чем посетил 88 мест и в них осмотрел 150 церквей. Причты и церковные старосты тем охотнее уступали экскурсантам древние вещи, что в большинстве случаев сами тяготились хранением их. Расходы по поездке были покрыты Черниговским преосвященным из сумм свечного завода (120 р.). Духовенство прочих мест, как только разнеслась молва об

-698-

открытии епархиального древлехранилища, само стало привозить и присылать древние предметы. Таким же путем, нужно думать, создалось богатейшее Архангельское древлехранилище, Смоленское, Костромское, Псковское и недавно основанное Полтавское.

Экскурсии в самом городе с научной целью еще доступнее, ничего не стоят и приводят к тем же хорошим результатам. В Казани, например, где дело изучения церковных древностей начато было с посещения кафедрального собора, как древнейшего храма и при том наиболее богатого вещественными памятниками церковной старины, таким путем открыты были хранящиеся в числе богослужебных принадлежностей в ризнице девять митрополичьих клобуков, из которых два по преданию вязаны преп. Варсонофием, седло, употреблявшееся при совершении обряда шествия на ослати, обломок гроба преп. Гурия, серебряный умывальник, подаренный архиепископу Иллариону Рогалевскому императрицей Анной Иоанновной,*) и т. д.

Много ценных наблюдений может дать осмотр церковных достопримечательностей и в г. Вятке.

В кафедральном соборе, представляющем первый опыт каменной постройки в г. Хлынове, нынешней Вятке, в первый раз законченной постройкой и освящением в 1683 г., после еще раз перестроенном в 1771 г., находится много ценных вещей. Самое же драгоценное сокровище собора есть чудотворный образ Святителя Николая, явившийся в 1383 г. одному крестьянину на берегу реки Великой, на горе в чаще леса, близ нынешнего села Великорецкого, находящегося в Орловском уезде. Эта святыня в 1551 г. перенесена была в Хлынов и положен обет, строго исполняемый и поныне,

носить ежегодно образ на место явления. Икона Св. Николая Великорецкого была дважды носима в Москву, один раз в царствование Иоанна Грозного (в 1555 г.), а во второй при

*) К. Харлампович. Об изучении церковных древностей.

-699-

Михаил Федорович в 1615 г. В оба раза эта святыня украшалась царскими пожертвованиями. Иоанн Грозный наложил на икону серебряный позолоченный оклад, а на самое изображение Святителя золоченую ризу, украшенную дорогими камнями.*) Михаил же Федорович приложил золотой крест со св. мощами.

Кроме того в соборе имеется каменный образ Архистратига Михаила, вырезанный на черном шифере очень искусной работы. Икона найдена близ с. Курина и перенесена в собор в 1739 г.

В Спасском соборе, сооруженном в 1769 году на месте бывшей Спасской церкви, построенной в 1693 г., имеется копия с чудотворного образа Нерукотворенного Спаса, в 1647 г. перенесенного в Москву. Кремлевские Фроловские ворота, через которые перенесена была тогда эта святыня, переименованы с того времени в Спасские. В то же время последовало повеление не проходить с покрытой головой мимо и через Спасские ворота. Списанная же с иконы копия, украшенная серебряным окладом, в 1648 г. прислана была в Хлынов. Внутри города имеются и древние монастыри: один женский, основанный в 1664 г., другой мужской Успенский Трифонов монастырь, основанный преп. Трифоном. В последнем много достопримечательных вещей; 1) потир серебряный, резной работы, приложенный при жизни преп. Трифона в 1598 г. московским жильцом Иваном Млечаковым, 2) рака пр. Трифона, литая из меди и посеребренная, 3) на раке евангелие рукописное, по преданию писанное рукою Преподобного, 4) железные вериги пр. Трифона, весом в $8\frac{3}{4}$ фунта и 5) деревянный, при службах употребляемый, посох преп. Трифона.

Само собою разумеется, что собирание сведений о древностях при обилии предметов, подлежащих изучению, требует

*) Имеющаяся в настоящее время риза на иконе Святителя сделана в 1834 г. и стоит около девяти с половиной тысяч руб.

-700-

продолжительных разъездов, массы утомительных мелочных справок, так что одному лицу, напр. заведующему музеем, но под силу выполнить этот труд. Требуется широкое содействие интересующихся родною стариной лиц, которые сочувствовали бы делу и могли бы оказать ему пользу. Вятское духовенство, к счастью, зарекомендовало уже себя с этой стороны. Можно назвать десяток имен из среды сельских пастырей, известных своими трудами в области истории, археологии и этнографии местного края.*)

Могли бы быть полезны делу и светские лица, интересующиеся церковной стариной, например, церковные старосты, учителя церковно-приходских школ, воспитанники духовно-учебных заведений и др. Руководясь небольшой программой для археологических изысканий и существующими в литературе археологическими описаниями Вятского края, они могли бы, с одной стороны, дать более полные и точные описания известных уже древностей и новые подробные описания древностей еще неизвестных.

(Продолжение следует).

*) Напр., о. А. Чемоданов известен своими находками остатков каменного века; о. Николай Блинов – своими научными трудами по этнографии, истории и статистике края (Исторический очерк Сарапула, языческий культ вотяков и др.) и проч. Из священников соседних епархий можно указать о. Яковлева (религиозные обряды черемис), протоиерея Вишневого (из записок миссионера о религиозных поверьях чуваш), о. Рекеева (из чувашских преданий и верований). Прот. Никитников составил описание Вятского Воскресенского собора. Ему же принадлежит «Иерархия Вятской Епархии»; в Вятских Епархиальных Ведомостях помещено несколько археологических описаний.

№5.

Вятские епархиальные ведомости.

1910, № 24.

Кибардин Н.В. Ответ на статью В. Носырева: «Об учреждении в Вятке церковно-археологического музея» («Голос Вятки» № 64, 1910 г.).

С.701 – 708.

-701-

Ответ на статью В. Носырева:

«Об учреждении в Вятке церковно-археологического музея» («Голос Вятки» № 64, 1910 г.).

Как известно, Вятский епархиальный съезд духовенства прошлого 1909 г. постановил учредить в г. Вятке особый церковно-археологический музей, проект создания и стоимости которого разработать к будущему, т. е. к предстоящему ныне 1910 года, епархиальному съезду в комиссии, состоящей из членов подготовительной к нему комиссии с представителями Архивной Комиссии.

Толчком к таковому решению послужило обращение к съезду Вятской Ученой Архивной Комиссии, в котором последняя просила у духовенства содействия в деле собирания и охранения памятников местной старины.

Делая вышеприведенное постановление свое относительно учреждения предполагаемого музея, епархиальный съезд духовенства выразил при этом свое пожелание, «чтобы Архивная Комиссия выработала особую программу этих памятников старины, которые могут представлять археологическую ценность, так как самому духовенству, несведущему в области археологии, нелегко ориентироваться в массе тех памятников, которые хранятся в церквях». Означенная программа, согласно желания съезда, по составлении ее должна быть отпечатана в «Епархиальных Ведомостях».

В № 64 газеты «Голос Вятки» за текущий 1910 год появилась статья г. В. Носырева под заглавием: «Об учреждении в Вятке церковно-археологического музея», в которой автор скептически относится, как к самой идее духовенства об учреждении названного музея, так и его полезности для науки местного края.

«Каковы же будут результаты учреждения в Вятке церковно-археологического музея?» – спрашивает автор. – «Прихо-

-702-

диться признать их далеко неотрадными. Но есть сторона дела, по нашему мнению, наиболее важная. Это то, что музей будет находиться в юридическом и фактическом заведывании духовной власти, по всей вероятности под председательством епархиального архиерея. Приходится очень сомневаться, чтобы наука сколько-нибудь выиграла, когда во главе музея станут лица *духовного сословия*.*) Просвещенное содействие лиц, по собственному признанию, несведущих в области археологии, может оказать науке, а отсюда и Вятскому краю, разве только медвежьи услуги. Где, наконец, тот контингент лиц с достаточной археологической подготовкой, которому можно было бы вручить дело охраны церковно-археологических памятников и их популяризации?»

«Для занятий археологией», – продолжает названный автор далее, – «у духовенства не найдется, пожалуй, и простого желания».

Вот те опасения, которые автор названной статьи выставляет на вид читателю, за целость и сохранение церковных древностей, если за охрану последних возьмется наше духовенство, которое в данном случае, по его мнению, может оказать науке только медвежьи услуги.

На нас, как читателя, вышеприведенная статья автора произвела впечатление недоумения, следствием которого явилось желание на страницах настоящего печатного органа отметить, по крайней мере, наиболее выдающиеся, на наш взгляд, по своей недостаточной объективности доводы и предположения автора.

Первое всего мы недоумеваем, откуда явился у автора такой предвзятый взгляд на духовенство, как сословие непригодное к занятию исторической наукою вообще и археологией в частности.

По мнению автора, вышеприведенными словами своего постановления: «духовенству, несведущему в области археологии, нелегко ориентироваться в массе церковных памятников», –

*) Курсив наш. Авт.

- 703 -

съезд, будто-бы, чистосердечно признается в некомпетентности духовенства по данному вопросу. По нашему же мнению, вышеприведенные слова

постановления съезда духовенства относятся к общей только массе нашего духовенства, а потому автору никоим образом и не следовало бы отсюда делать вывода, что среди «духовного знания» и не найдется уже, будто-бы, того «контингента лиц с достаточной археологической подготовкой, которому можно было-бы вручить дело охраны церковно-археологических памятников».

Духовенство не чуждо интереса к родной истории и археологии. Летописцами древней Руси большею частью были именно лица духовные. Автором старинной XVII века Вятской летописи, известной под именем «Вятского Временника», имеющего значение первоисточника местной истории, был г. Хлынова Богоявленского собора дьячок Семен Попов.*) Таким образом, любители местной старины из лиц «духовного сословия» всегда были и прежде, существуют они и теперь.

Не говоря уже о более ранних, каковы, например, усердные исследователи нашей местной, особенно церковной, старины, протоиереи Г.И. Пинегин, Г.А. Никитников, И.Ф. Фармаковский, В.И. Огнев, священник-коллекционер И.Т. Сергеев, подаривший богатую нумизматическую коллекцию, составляющую и теперь приятное украшение Епархиальной Библиотеки, и, наконец, стяжавший себе славу «летописца Вятки», бывший профессор Вятской духовной семинарии А.С. Верещагин, более поздние действительные любители Вятской старины, каковы, например, протоиереи А.А. Замятин и И.М. Осокин, священники М.Г. Сергеев и Н.Н. Блинов, также сын вышеупомянутого протоиерея молодой ученый Герман Замятин, член Вятской Ученой Архивной Комиссии П.Н. Луппов, преподаватель Епархиального Училища, член Императорской Археологической Комиссии и редактор «Трудов» Вятской Архивной Комиссии В.Д. Емельянов, архивариус духовной

*) См. «Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии.» 1905 г. Вып. II.

- 704 -

консistorии В.И. Шабалин и многие другие доселе помещают свои труды по истории и археологии в местных изданиях. Вот тот ряд из лиц «духовного сословия», которым и теперь можно было-бы вручить дело охраны церковных памятников старины.

Нужно надеяться, что бескорыстных и беспристрастных местных Пименов, искренно любящих историю родной старины, из лиц «духовного сословия» у нас найдется немало и еще.

«От кого в сущности понадобилось оберегать памятники церковной древности»? – спрашивает далее автор инкриминируемой нами статьи. – «Да, прежде всего, от самих же духовных. Эти последние en masse в погоне за мнимым благолепием храма с каким-то тупым безразличием портят и уничтожают старину. Любитель аналогий на ряду с духовенством, равнодушным к блеску, поставил, бы фанатиков-крестоносцев, топорами

рубивших мозаики древнего христианского искусства. Но столь печальная миссия духовенства, к сожалению, не идет сколько-нибудь в разрез со взглядами наших архиереев. Последние были для церковной старины, так сказать, злыми гениями».

Мы не можем согласиться с вышеприведенными мыслями автора. Что касается Св. Синода, этого собора епископов, то он всегда был на страже охраняемых церковных памятников. Пред нами, например, и сейчас недавнее определение Св. Синода от 31 января 1903 г. об установлении правил упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквях империи. Затем другой более поздний указ того же Св. Синода от 30 ноября минувшего 1909 г. с запрещением приступать к обновлениям древних храмов без сношения с Императорской Археологической Комиссией.

Автору, должно быть, затем совершенно не известны такие громкие за свои ученые труды по русской церковной и в частности отечественной истории имена, каковы, например, Платон и Сер-

- 705 -

гий, митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский (Гумилевский), Амфилохий Углический, Савва Тверской и многие другие, которые никак уже не могли быть для исторической науки и церковной старины «злыми гениями».

Что же касается Вятских архиереев в частности, то, насколько известно, не были и они «злыми гениями» для церковной старины. Напротив, многие из них отличались особенною заботливостью к ней.

Бывший преосвященный Вятский Макарий, ученый автор многих сочинений по русской церковной истории и археологии, пользуется за свои ученые труды вполне заслуженным уважением. Описание его «Древностей Новгородских» в объеме нескольких томов стяжало ему всероссийскую известность еще в бытность его ректором Новгородской семинарии в сане архимандрита.

Не безызвестен и преосвященный Сергей, который делал распоряжения по епархии и сам лично наблюдал, чтобы при церквях непременно велись «церковно-приходские летописи» и радетельных в этом отношении членов причта поощрял.

Преосвященный же Алексей издал отпечатанную в 1900 г. при № 20 «Вятских Епархиальных Ведомостей» для руководства причтам особую программу историко-статистических описаний приходов, монастырей и храмов Вятской епархии. В это описание, между прочим, входило все старинное и замечательное в историко-археологическом отношении, как то: старинные иконы и резные изображения, и архивные записи о них, иконы и кресты, жалованные патриархами, митрополитами, епископами, царями, князьями и другими замечательными лицами, и надписи на них, вышитые

образа, пелены, покровы древних времен, книги замечательные по древности, по материалу, месту издания и т.п., замечательные рукописи на пергаменте и бумаге, напр., грамоты, синодики, нотные книги, заметки прежних лет на них и надписи, имеющие историческое значение, как для данной ме-

-706-

стности, так и общегосударственное. Сверх всего этого программу предписывалось делать фотографические снимки приходских храмов, замечательных часовен и вообще замечательных церковных зданий в архитектурном, историко-археологическом и др. отношениях. Иконы, кресты, сосуды и прочие, замечательные в каком либо отношении, вещи рекомендовалось также фотографировать, причем мелкие из них собирать в коллекции, напр., крестики, подвески, прищиплив на полотне, и с этой коллекции делать уже общий фотографический снимок.

И вот благодаря такой заботливости наших архипастырей, наша Епархиальная Библиотека в настоящее время обладает замечательной и дорого стоящей коллекцией в альбомах фотографических снимков всех храмов епархии и замечательных в них вещей. В церквах же и монастырях имеются описания их.

Нынешний владыка ваш преосвященный Филарет, следуя в данном направлении по стопам своих предшественников, пошел далее, предложив епархиальному съезду духовенства минувшего 1909 года рассмотреть и обсудить вопрос об издании возможно полного историко-археологического и статистического описания всех церквей епархии. В настоящее время описание это уже производится и, надо надеяться, не замедлит выйти из печати.

Развивая свою мысль против учреждения духовенством церковно-археологического музея, далее в своей статье автор говорит: «архивная комиссия рискует не увидеть в музее и трети всех древностей, так как едва ли сельское духовенство охотно расстанется, при том без всякой компенсации, с чем бы то ни было, что находится в их церквах. Скрыть памятники старины (конечно, здесь не может быть речи о памятниках архитектурных) тем более будет легко, что высшая епархиальная власть, в ведении которой будет музей, естественно всегда будет этому покровительствовать».

-707-

Для нас становится совершенно непонятным, что собственно может побудить «сельское духовенство» скрывать в своих церквах памятники старины, а высшую епархиальную власть тому «покровительствовать». Ведь в церковно-археологический музей будет поступать из церквей только то, что изъято уже из употребления и отнесено к вещам ненужным, как, например, ветхие иконы, с надписями и без них, иконы с видами городов, монастырей,

церквей, сражений, иконы символические, резные изображения Николая чудотворца, Спасителя страждущего и другие, оклады на иконах, крестах, евангелиях и апостолах, малоценные, но интересные по рисунку и работе, образные венцы, украшения на окладах, привески на образах: крестики, панагии, монеты, кольца, перстни, бляхи, гривны и цаты, литые образа и кресты, оловянные и деревянные сосуды, кресты запрестольные, воздвизальные, ковчежцы, кадила и кацеи, храмовая шитая утварь и т. д. – словом, все, что не имеет применения для храма и не представляет ценности для его казны.

Что же касается многочисленных драгоценностей, хранящихся в некоторых наших храмах, то, конечно, никто не станет утверждать, что они должны тоже будут поступать в древлехранилище. С предметов, представляющих ценность для казны и интересных в археологическом отношении, желательно иметь для музея только фотографические снимки с подробным описанием самих предметов, с копиями надписей, если таковые на них имеются, и проч.

Нам остается попутно сделать еще одно небольшое замечание на следующие слова того же автора: «Не следует», – говорит он, – «упускать из виду также и того, что раз заведывание музеем будет находиться в руках духовенства, то некоторые предметы старины в виде деревянных статуй, запрещенных для религиозного почитания, а тем более предметы религиозного быта старообрядцев не увидят света, – им не найдется места в церковно-археологическом музее».

-708-

Почему же не найдут места в церковно-археологическом музее предметы старины в виде деревянных статуй, – спросим мы со своей стороны того же автора, – тем более, что последние, как он сам выразился, «запрещены для религиозного почитания», а потому для храма становятся стало быть совершенно и ненужными, оставляя за собою буде разве значение только археологической древности. Факты, подтверждающие нашу мысль. В журнале Вятской Архивной Комиссии от 12 апреля 1907 г. сообщалось о пожертвовании деревянного резного образа св. Николая чудотворца от священника с. Посницы, Вятского уезда, Дмитрия Южакова. Таким образом, церковно-археологический музей еще не учрежден, а предметы церковной древности в виде деревянных статуй в Архивную Комиссию от духовенства уже начали поступать. Несомненно, что будут поступать они и в музей.

В заключение своей статьи мы не отказываемся признать, что многое из того, что заслуживает внимания и бережного к себе отношения из предметов религиозной старины, у нас утрачивается, часто бесследно и погибает, но это происходит уже и не в церквах только и не у одного духовенства. Предметы старины гибнут и уничтожаются повсеместно и в

других ведомств. Все же к утешению нашему должно сказать, что из предметов старины в церквах многое еще и сохраняется.

В целях сохранения оставшейся старины в церквах и необходимо организовать церковно-археологический музей, в котором могли бы быть собраны все останки церковной старины. Почти во всех других епархиях уже созданы такие древлехранилища и музеи. Очередь наступила и за Вяткою.

Член Архивной Комиссии свящ. Н.В. Кибардин.

№6.

Вятские епархиальные ведомости.

1910, №25.

Васильев М. К вопросу о сохранении памятников церковной старины. С. 717-725.

-717-

К вопросу о сохранении памятников церковной старины.

II.

(Продолжение).

При осмотре старых церквей и монастырей, в целях изучения русского церковного зодчества с его местными видоизменениями необходимо, прежде всего, остановиться на архитектурных. Это нужно для различных исторических соображений, например, для наблюдения о заимствованиях и путях колонизации. К сожалению, в Вятской губернии не сохранилось особенно старых церквей: деревянные нельзя отнести к глубокой старине, а ка-

-718-

менные начали строиться с конца шестисотых годов. Но даже церкви конца семисотых годов представляют предмет вполне достойный изучения. Между тем, точной хронологической таблицы для церквей Вятской епархии, с помощью которой можно было бы сразу определить, когда церковь основана, не существует.

Мы можем указать только некоторые старинные церкви. Древнейшая деревянная церковь, построенная пр. Трифоном, след. в конце XVI в. есть в с. Екатерининском в 144 в., от Слободского*).

Древний храм, выстроенный в 1610 г. пр. Трифоном, находится в Слободском Крестовоздвиженском монастыре. Для предохранения от разрушения над тем и другим храмом построены деревянные балдахины **).

В 1690 г. закончена постройка собора в Вятском Успенском монастыре, несколько раз после подновлявшегося; в 1696 г. построена деревянная церковь в с. Холуно-Поломском, в 1697 г. — Царево-Константиновская в г. Вятке; в 1699 г. — Преображенский собор в г. Слободском. В Вятке

Пятницкая церковь построена в 1705 г., Покровская в 1709 г., Воскресенская в 1710 г. (?), Предтеченская в 1711 году.

Древнейшее русское церковное зодчество основано главным образом на правилах Византийской архитектуры. Из Византийских образцов у нас составилась свой греко-русский стиль. Старинный русский храм устраивался равносторонним крестом с дуговой кровлей, от краев которой спускались подзоры. Алтарь устраивался с тремя полукружиями и отделялся от храма глухой стеной с тремя пролетами. Окна делались узкие под самыми сводами; в среднем полукружии алтаря помещали три

*) Сведения приводятся по статье «Каталог древностей Вятского края» Спицына. Календарь Вятской губ. 1882 г.

См. также Вятские Губернские Вед. 1871, с. 63.

**) Вятские Губернские Ведомости 1863, 49. и Епархиальные Ведомости. 1863, с. 22.

-719-

окна, а в северном и южном по одному. Иконостас делался в один ярус. Колокольня пристраивалась нередко с северной стороны.

Зодчество Московских храмов с XV в. начинает отличаться от прежнего стиля четырьмя столбами внутри, главами с шеями, трехчастными алтарями, под церквами особыми погребями, склепами и вычурными наружными украшениями. С XVIII в. появились на церквах и колокольнях шпили, алтарь сооружали в одно полукружие, пристраивали колонны и портики к старым зданиям.

При изучении архитектурного стиля старинной церкви можно руководиться приблизительно следующими вопросами, на которые желательно Императорскому Археологическому Обществу получить точные: ответы. *)

1) Когда и кем построена церковь или монастырь?

Нет ли письменных свидетельств о времени постройки: записей, в книгах, хранящихся в церковной библиотеке, надписей на древних антиминсах о времени освящения церкви, надписей на камнях, вставленных в стены?

2) В память какого события или в честь какого святого построена церковь?

Ответы на последний вопрос могут составить любопытную таблицу не узко-статистического, а глубоко идейного характера. Хотя храмы часто посвящаются тому или другому святому по случайным поводам, однако на основании статистического подсчета можно было бы сделать вывод относительно того, кого из святых всего более знает и чтит Вятская паства.

*) Императорское Археологическое Общество [*по-видимому речь идет о Русском археологическом обществе, созданном в 1846 г.- О.М.*] лет 60 тому назад обращалось к просвещенным любителям церковной старины с просьбой о сообщении разного. рода

археологических известий, причем выработана была и программа для обозрения русских древностей, руководиться которой предлагалось всем неопытных в этом деле лицам.

-720-

3) Где расположена церковь: в селе или на отдаленно погосте? Каменная она или деревянная?

Какая ее форма и внешний вид? Каково устройство алтаря и окон?

Каковы наружные украшения стен? Нет ли на стенах изображения людей, зверей, птиц, травчатых узоров? Сколько глав на церкви и как они размещены? Какой формы и из какого материала сделаны кресты на главах? Двери при входе в церковь с одной или с трех сторон? Устроены ли паперти или крытые входы? Нет ли при входе на стене надписей относительно времени закладки храма? (Списать их точно).

Церковь в один или два этажа? Оба этажа заняты церквами, или нижний заключает в себе погреб, выходы, усыпальницы со склепами?

Какая кровля: дуговая, или шатровая - на два, или на четыре ската? Деревянная, железная, медная, или черепичная? Выкрашена красками, или вызолочена? Кровля старая или переделана вновь?

4) Как устроены внутренние части церкви? Каково ее расположение: крестообразное или квадратное? Алтарь отделен каменной стеной с тремя пролетами для дверей царских, северных и южных, или один иконостас отделяет алтарь от храма?

Как устроены своды: на подобие креста, или стрельчатые, или в виде круговой дуги, или котлом, или коробом? На столбах они или без столбов? Сколько среди церкви поставлено столбов и какой они формы?

Как устроены стены и пол?

Какой престол: каменный или деревянный? Есть ли над престолом сень, и какого она устройства.

Как устроены солея, амвон, клиросы и проч.?

Иконостас старого устройства, прямой, или нового, с колоннами?

-721-

Не изменен ли переделками? Из какого материала сделан и сколько имеет ярусов?

Есть ли в церкви печи?

Колокольня соединена с церковью или построена на особом месте?

Сколько на ней колоколов, не имеют ли они названий?

Из старых колоколов известен часовой колокол в с. Бабино, на котором надпись по латыни гласит, что он отлит в 1675 г.

Кто был строителем храма? Не известен ли главный мастер?

Как устроена ограда кругом церкви или монастыря: каменная она или деревянная сохранилась ли в первоначальном виде, или изменена переделками? Какого устройства ворота, двери?

5) Каков наружный вид и устройство деревянной церкви? Из какого дерева срублена: дубового или соснового? Как рублены стены: в лапу, в замок, в клетки? Во сколько углов рублена? Какая кровля, главы, кресты? Какие окна: красные, косячатые, или волоковые? Какие входные двери? Как устроена церковь внутри?

Старые деревянные церкви имелись в Кайском краю. В 1868 г. они находились: 1) в с. Путейском, 2) Лоинском, 3) Егоровском, 4) Гидаевском, 5) в д. Ольковской, 6) Афанасьевской, 7) в Сретенской пустыни, 8) в с. Кичановском и 9) в самом Каю. *)

Сохранились описание их, к сожалению, не достаточно полное. **)

Судя по описанию вид этих церквей таков: высокое двух-этажное бревенчатое здание с конической крышею, по середине которой высится одна маковка, крытая деревянными че-

*) Древние церкви и часовни. Каталог древностей Вятского края Спицына. Календарь Вятской Губернии. 1882 г. стр. 68.

**) См. Вятские Губернские Ведомости. 1868. 8.

- 722 -

репицами; на вершине маковки крест, часто осьмиконечный, со многими цепями, спускающимися к маковке и к крыше. Паперть во всю ширину церкви, с навесом на столбах; между столбами полуаркой устроены окна, в которых иногда рамы с стекольными или слюдяными окнами. Колокольная стоит отдельно от церкви и вид имеет еще оригинальнее: восьмисторонний деревянный сруб, одинакового размера в вершине и в основании, возвышается над землею сажень на восемь, на десять; сруб этот прикрыт крышею с высоким шпилем, стоящим на 8 тоненьких столбах, поставленных по углам сруба. Все церкви уже тогда в 1868 г., были очень стары, некоторые до того ветхие, что богослужение совершалось в них только в храмовый праздник.

Сохранились ли эти церкви до настоящего времени, в каком виде они находятся, были ли приняты меры к их сохранению,— вот вопросы, невольно возникающие при чтении этого описания. Скольких событий были свидетелями эти Божьи храмы, затерянные в глухом медвежьем углу! Как желательно было бы сохранить хотя их изображение, если они по своей ветхости обречены уже на слом. Конечно, никакое самое подробное и точное описание не даст такого наглядного представления о предмете, как рисунок. При общем увлечении теперь фотографическим искусством, огромную услугу делу церковной археологии мог бы оказать бы всякий любитель-фотограф, который, живя по соседству с такими замечательными

памятниками старины, запечатлел бы их на фотографической пластинке, а снимком поделился бы с церковным музеем.

Кроме церквей в Вятском крае найдется немало часовен, которые также могут заинтересовать местного историка, если не своей малопримечательной в смысле древности архитектурой, то в другом отношении. – Часовни всегда почти ставятся по поводу какого-нибудь события или на месте упраздненного монастыря, церкви.

-723-

При виде часовни всегда возникает вопрос, каких событий является она памятником? Не было-ли в той местности, где поставлена часовня, церквей или монастырей, ныне упраздненных? Если были, то какие, когда они были основаны и когда уничтожены, есть ли от них остатки зданий, и куда поступили церковные вещи? Надо, впрочем, заметить, что предания, связанные у народа с построением часовни, редко отличаются точностью. Действительность здесь часто переплетается с вымыслом фантазии, так что доискаться правды бывает трудно.

А.А. Спицын в своем «Каталоге древностей Вятского края»*) насчитывает до 25 таких древних часовен. Из них можно отметить часовню у Воскресенской гари, по преданию построенную на месте церкви Вознесения, вследствие набегов вотяков перенесенной с того места, где находится часовня, в г. Хлынов, несколько часовен, устроенных в память павших в разных битвах с вотяками, черемисами и татарами. Такова часовня, между прочим, и в г. Вятке у Раздерихинского оврага на месте известного побоища.

Народные сказания, связываемые с той или иной часовней, важны еще в религиозно-бытовом отношении, так как обрисовывают нравы и верования местного населения. Если вообще в русском народе замечаются и доселе следы двоеверия и смешении языческих понятий с христианскими, то в Вятской епархии с ее разноплеменным составом наряду с христианством в разных стадиях его понимания можно найти следы язычества как славянского, так и финского и тюркского, и результаты мусульманского влияния **). У язычников вотяков и чере-

*) Календарь Вятской губернии 1882 г. стр. 70–73.

**) Можно указать ряд праздников местного характера, из которых самым странным можно счесть в Орловском и Котельническом уездах праздник курицей братчины или троецыплатницы.

Из обычаев и суеверий, для примера, можно указать следующие, которые считаются отличительными для Вятской губернии:

-724-

мис сильна, например, вера в кереметей даже после принятия ими христианства. Местопребывание керемети всегда приурочивается к глухому малопосещаемому месту в лесу, к озеру или болоту. Керемети, насылающей,

по поверью язычников, разные болезни, делаются ценные приношения. Эта вера сообщилась и остальному малоразвитому в умственном и религиозном отношении населению Вятского края. Изучение памятников религиозного народного творчества приводит иногда в этом отношении к весьма любопытным сопоставлениям и выводам.

У самой Вятки за Казанцевской мельницей находится болотце, называемое «Потоком». Сюда стекается народ два раза в год – в Петров день и проходом с Великой реки. Во время Великорецкого хода многие в этом болотце ищут исцеления: кто болен головой – бросает в воду платок, кто болен ногами – валенки, лапти, у кого глаза плохи или лицо некрасиво – кидают маленькое зеркальце, бросают также кафтаны, сарафаны, деньги и проч. То же самое делают и язычники черемисы в своих кереметях и, следовательно, этот обычай представляет из себя пережиток языческих обрядов и подношений кереметям.*)

1) в первую пасхальную заутреню, во время встречи Христа, рыбаки отщипывают от своей свечи небольшой кусочек воску и кладут его за пазуху, а самую свечу прилепляют к дверям, приговаривая: «как сюда теперь валит народ, так бы шла летом и рыба в сети». Потом, когда придет время рыбной ловли, эти кусочки воску прилепляют к сетям,

2) некоторые верят, что в великий четверг на страстной седмице рано надобно считать деньги, чтобы их водилось больше; верят еще в четверговую соль, придавая ей какое-то особое свойство излечивать многие болезни,

3) верят в ивановскую росу, как целебное средство от глаз и т.д.

*) С другой стороны и христианские святые и праздники чтутся язычниками, которые молятся, например, Илие пророку, чтобы не быть убитым грозой, и свято чтут Ильин день.

-725-

В числе деревянных часовен, упоминаемых Спицыным, есть одна в 20 верстах от Кая среди густого леса, куда один раз в год из Кая выносят иконы, стекаются богомольцы, и во время молебна страдающие какими-либо болезнями держат больные места в воде.

Религиозные верования народа, так же как и суеверия, приметы и проч. могли бы послужить предметом для научного изучения. Но для того, чтобы организовать это изучение, необходимо собирать требуемые сведения по определенной программе. Такие программы уже существуют. Необходимо их собрать, быть может, приспособить несколько к местным условиям, переиздать. Необходимо, чтобы кто-либо, например, заведующий музеем, занялся и руководил и этим делом, потому что изучение местных религиозных обычаев, преданий, местных языческих верований в их отношении к христианству также должно составлять одну из задач всякого церковно-археологического общества. Кроме собирания сведений на местах по намеченным в программе вопросам, богатый материал для изучения религиозной жизни края мог бы дать пересмотр печатной исторической и этнографической литературы и, хотя бы поверхностный, просмотр архивных

дел консистории, где можно найти немало любопытных сведений для характеристики религиозного состояния Вятской паствы.

(Окончание следует)

Некрещенные черемисы во время болезни прибегают с молитвой к святителю Николаю (в Уфимской губ.), св. Варсонофию и Казанской иконе Божьей Матери – в Казанской губернии. Около часовенок, которые ставятся обычно на перекрестках и распутиях дорог, можно нередко видеть следы языческих жертвоприношений в виде лоскутков и обрывков бумаги, в которые завернуты были свечи, мелкие монетки и т.п. вещи.

У чуваш икона получила название углового бога. После моления своим языческим богам, они молятся и иконе, причем говорят: «нужно теперь помолиться и угловому богу».

№7.

Вятские епархиальные ведомости.

1910, №26.

Васильев М. К вопросу о сохранении памятников церковной старины.

С. 761-768.

-761-

К вопросу о сохранении памятников церковной старины.

III.

(Окончание)

Кроме времени основания храмов и их архитектурных стилей, большой интерес представляет изучение местных старинных икон. Целью такого изучения является определение местных иконописных школ. Важно определить, откуда заимствовано было местное иконописание. Заимствовано ли оно было из Новгорода по месту предполагаемого происхождения вятчан, или же откуда-либо еще: из Киева, Москвы, Устюга или из Казани? Не выработался ли, наконец, свой местный стиль, своя

- 762 -

местная иконописная, школа? По надписям на древних иконах, относящихся к XVIII столетию, видно, что в Вятском крае были свои иконописцы изографы Артемий Петров сын Кузнецов, Никифор Иванов сын Курчанин, Стефан Артемьев Кузнецов. Можно ли определить вятское происхождение некоторых древних икон и их характерные черты? При Новгородском Софийском соборе, например, была особенная школа иконописцев в XVI и XVII столетиях. В Москве были патриаршие иконописцы и царские изографы. Среди московских иконописцев в 1644 г. упоминаются казанцы: Иван Гаврилов, Фомин Кузьма и поп Парамонов Иван, подновлявшие «Успенское письмо», а в 1659 г. «писал до лиц» знаменитое Благовещение, находящееся в церкви Грузинской иконы Божьей Матери в Москве. Казанец Иван государев жалованный иконописец. Помимо Киевского, Московского и

Новгородского в древнем иконописании различают Строгановское и Устюжское письмо. Не было ли и Вятской иконописной школы? Археологическое общество еще в половине XIX в. имело известие о 600 русских иконописцах, живших до 1700 г. С тех пор, собирая сведения о старом иконописном деле и иконописцах, оно надеется со временем составить полную историю русского иконописания.

При описании древних икон нужно обращать внимание на их ширину и высоту, сохранились ли краски или от времени потемнели, по какому полю писаны изображения святых*). Поле нередко служит признаком школы иконописания. Так белое поле было принадлежностью Строгановской школы; зеленое поле (празелень) было долго в употреблении у новгородских иконописцев; поле темное орехового цвета принадлежит к старым монастырским письмам. Нужно также смотреть доска в середине выемкой или вся гладкая.

*) Золотое, белое, красное, зеленое и темно-ореховое поле.

- 763 -

Самые точные сведения о происхождении древней иконы может дать надпись на лицевой или оборотной стороне ее о времени написания, или возобновления или украшения иконы или перенесения ее из одной церкви в другую, или относительно имени мастера, писавшего ее. Такие надписи нужно точно списать.

При перестройке церкви ветхие иконы ставятся иногда в кладовые. Необходимо, следовательно, заглянуть и туда, и посмотреть, нет ли надписей и на ветхих иконах.

Из числа наиболее древних икон в Вятском крае необходимо, прежде всего, отметить чудотворный образ св. Николая Великорецкого, обретенный в 1383 г.; поновлен в 1555 г.; находится в Вятском Кафедральном соборе; в Вятском Спасском соборе—список с чудотворной иконы Нерукотворенного образа, при Алексее Михайловиче унесенного из Вятки в Москву; икона пр. Трифона, при Трифоновом колодце конца XVII в., к сожалению попорченная поправкой,*) образ св. Николая Великорецкого 1685 года в древней Вятской Богоявленской церкви и др.

В с. Вохме находится почитаемый образ св. Софии Премудрости Божией довольно редкий по изображению, весьма сходному с таковым же в Новгородском Софийском храме **) и, вероятно, оттуда заимствованный. Из Новгорода же по преданию перенесен и образ св. Бориса и Глеба в церкви с. Никулицкого.

Есть в Вятской губернии иконы, принесенные из Москвы, Казани и других мест. В Малмыже есть большая древняя икона Спасителя, по преданию присланная царем Иваном Васильевичем; в Котельниче — образ Алексея человека Божия, по преданию, дар царя Алексея Михайловича; в

Глазовском у.– образ Св. Николая Чудотворца, по преданию, присланный Имп. Елизаветой, в дар новокрещенным вотякам; в Елабужском

*) Другая более древняя находится в Котельниче.

**) Епархиальные Ведомости. 1875 г., с. 6.

- 764 -

уезде – икона Грузинской Божьей Матери, перенесенная из Казанской Раифской пустыни при царе Алексее Михайловиче и др.

При описании иконы важно определить и материал, из которого она сделана: напр., из какого дерева; не сделана ли она из воскомастики, если очень легка, или из камня, если тяжела, из цветных камней или стекол – (мозаичная)?

Иконы на камне находятся в Вятском кафедральном соборе – икона Архангела Михаила, Спаса Нерукотворного и Владимирской Божьей Матери в Котельнической Никольской церкви, Св. Николая в с. Колобов, Яранск. у. Из воскомастики – образ Спасителя около Котельнича.

Как видно из предыдущего описания, в Вятской епархии имеются иконы чудотворные или явленные. Кроме образа Св. Николая Великорецкого, чтимого всей епархией, древнейший явленный образ Преображения Господня – «Спас Колотый» находится в с. Верховском. Этот образ предание относит к началу христианства на Вятке. В 1609 г. Он был похищен из церкви черемисами, которые его раскололи, но были поражены слепотою и пойманы. *) Такие сказания или повести о святых иконах, если они сохраняются в библиотеках церквей или монастырей, в рукописном или печатном виде, также желательно иметь в музее.

На древних иконах, как, например, на иконе пр. Трифона помещаются иногда виды городов, монастырей, церквей и проч. На иконе пр. Трифона, лучший список которой находится в Котельническом соборе, помещен вид Хлынова и монастыря конца XVII в. В таком случае, нужно собрать сведения, давно ли такая икона находится в церкви и, какие о ней есть записи или предания, переписать.

На иконах могут быть ценные старинные оклады, венцы, привески и проч., которые в описании тоже следует указать.

Из других свящ. предметов, находящихся в храме,

*) Вятские Губернские Ведомости. 1859, с. 11.

-765-

могут заинтересовать археолога древние хоругви, сосуды, кресты и проч. При описании церковных сосудов необходимо обратить внимание на их вид, вес, изображения, надписи и материал.

Нет ли оловянных, деревянных или каменных сосудов? В Слободском Крестовоздвиженском монастыре, имеются, например, оловянные дискос и потир, оставленные там пр. Трифоном.

Нет ли старинных крестов? Из чего они сделаны и какую форму имеют? Из древних крестов можно указать, например, осьмиконечный крест из тяжелых сосновых брусьев в Вятской Пятницкой церкви, поставленный в 1592 г.*), в Слободском Крестовоздвиженском монастыре, устроенный около 1600 г. пр. Трифоном и др.

Подсвечники, лампы, паникадила, блюда, чаши, венцы брачные, рипиды, печати, купели, стопы, кружки и ковши могут также иметь археологическую ценность.

В Слободской Сретенской церкви, например, хранится серебряный ковш, подарок 1687 г. Царей: Иоанна, Петра и царевны Софии Вятскому таможенному голове Батенькову за прибор денежной казны.**)

Различные церковные древности хранятся в ризнице Вятского кафедрального собора, пока еще ожидающие своего изучения (иконы, портреты преосвященных, их облачения и посохи, потиры и дискосы, оклады икон и евангелий, медные шары для согревания рук и пр.).

В каждой церкви имеются свои маленькие библиотеки и архивы.

При обозрении церковных и монастырских библиотек нужно обращать внимание, прежде всего, на надписи на книгах: или о времени издания книг, или поступления ее в церковь, монастырь – покупкою, или о вкладе от кого либо книги в церковь,

*) Подробное описание а Епархиальные Ведомости. 1876, с.19.

**) Вятские Губернские Ведомости. 1857, с. 25.

-766-

или о событиях церковных или монастырских? Такие надписи следует списать.

Из старопечатных книг, хранящихся в разных местах в нашей епархии, можно отметить: 1) шестой из известных экземпляров Евангелия 1641 г. в Вятском кафедральном соборе (Епарх. Вед 1874, 4), 2) Евангелие 1617 г. в Вятской Царевской церкви, 3) книга об антихристе 1652 г., в церкви с. Кузнецовского, которой очень интересуются старообрядцы (Вят. Вед. 1880, 44), Евангелие издания 1676 г. И позднейших в губернии находится довольно много. Иногда на евангелиях и других церковных книгах можно найти любопытные надписи, например, на Типиконе 1682 г. в церкви с. Лекомского читаем: «Продал из Хлыновского Успенского Трифонова монастыря монах Илья Семакин в Монастырскую вотчину Лекомскую волость к церкви Знамения Пресвятой Богородицы старосте Никифору Иванову сыну Агееву, взято денег 6 рублей».

Рассматривая рукописи, хранящиеся в монастырских и церковных библиотеках, прежде следует остановиться на описях, при чем важно

установить в каком году они составлены. Если есть, нужно составить им краткий каталог. Если есть рукописи с изображениями, нужно описать, в чем состоит изображение.

В старопечатных изданиях следует различать книги, печатанные за границей, с 1491 года, старо-славянскими буквами, и в России с 1564 г. до 1700 г.

Некоторые Вятские архивы рассмотрел Строев в 1829-34 г. И извлеченные в то время грамоты напечатал в «Актах Археограф. Экспедиции» т. 4 1838 г. Им были осмотрены архивы Слободского Крестовоздвиженского монастыря, Богоявленского собора в Вятке, Вятского Троицкого собора и церкви с. Шестакова.

Спицын указывает на акты, хранящиеся в Вятской По-

-767-

кровской церкви, несколько грамот в Котельническом Троицком соборе, документы при церкви в с. Верховском, акты, хранящиеся в Вятском Воскресенском соборе.*)

О грамотах Вятской Предтеченской церкви напечатано в Вятские Губернские Ведомости, 1839 г., с. 23. Грамоты Спасо-Орловского монастыря напечатаны в Вятские Губернские Ведомости. 1851, 34. Выдержки из грамот в Вятском женском монастыре и в архиве Елабужского духовного правления помещены в Казанских Университетских Известиях. 1880, IX. Грамоты и акты Успенского Трифонова монастыря в 1906 г. изданы отдельной книгой Вятской ученой архивной комиссией и т. д.

Из древних рукописей нельзя не отметить, прекрасного письма Евангелия, лежащего на раке пр. Трифона и приписываемого преданием самому преподобному, повесть о явлении чудотворного образа Св. Николая Великорецкого, хранящуюся в Вятском Кафедральном соборе и в библиотеке Великорецкой церкви**), повесть о чудесах иконы Св. Николая с 1554 по 1711 г. в Вятском кафедральном соборе и проч.

Часть актов и рукописей уже напечатана.

Напечатание других есть дело времени.

Правда, при этом возникает вопрос о собственном печатном органе, но пока его нет, почему бы не воспользоваться имеющимся в г. Вятке специальным изданием Вятской ученой архивной комиссии?

Пересмотр печатной исторической и этнографической литературы мог бы ознакомить с тем, что по интересующим нас вопросам уже обнародовано. Это облегчило бы значительно задачу дальнейших изысканий. Можно было бы наметить и распределить между интересующимися местной стариной лицами всю остальную работу.

*) Спицын Каталог древностей Вятского края.

**) Издана в Трудах Вятской Архивной Комиссии в 1905 г.

Кратко резюмируя все сказанное, я намечу следующие задачи деятельности возникающего в г. Вятке церковно-археологического музея:

1) Организация самого дела: та или иная постановка церковно-археологического музея, вопрос о заведующем и прочих должностных лицах и проч.

2) Составление хронологической таблицы церквей Вятской епархии и рассмотрение церковных описей для приведения в известность хранящихся в них древностей.

3) Рассмотрение на местах памятников церковной старины с целью изучения, описания и собирания их.

Подобный осмотр, при руководстве имеющихся уже описаний церквей Вятской епархии, мог бы значительно обогатить церковно-археологический музей в г. Вятке.

4) Наряду с обследованием вещественных памятников древности регистрация литературных памятников, имеющих значение для местной истории и археологи.

5) В частности, составление программ для собирания сведений о религиозно- нравственном состоянии Вятской паствы: выборка дел из архива консистории, составление систематического указателя статей и материалов, имеющих сюда отношение, и проч.

6) Призыв к духовенству Вятской епархии о содействии в деле собирания и охранения церковных древностей Вятского края.

7) Приобретение фотографических и других снимков с древнейших храмов, а равно с икон и предметов, которые не могут быть проданы или пожертвованы церковно-археологическому музею.

и 8) Общее наблюдение за сохранением недвижимых памятников церковной старины, которые при возобновлении могут быть испорчены неумелой реставрацией.*)

Член Вятской Ученой Архивной Комиссии *М. Васильев*.

*) См. общее распоряжение Св. Синода относительно возобновления архитектурных памятников Церковной Старины. Труды Ученой Архивной Комиссии. 1910, вып. I, стр. 13.

№8.

Вятские епархиальные ведомости.

1910, №33.

Важность прошлого.

С. 1032- 1034

Важность прошлого.

В «Псковских Епархиальных. Ведомостях», №12, автор статьи «Важность прошлого» Николай Пашков указывает на важность изучения

человеческого прошлого и на отношение к этому прошлому современного духовенства.

«Каждая переживаемая человечеством эпоха, говорит он, находится в неразрывной связи с прошлым, настоящее ваше духовное развитие имеет свои корни и основания в глубине веков, в наследии от других народов. К сожалению, среди современников приходится слышать, что заниматься изучением прошлого – значит напрасно тратить время, что археологические науки мертвы и бесполезны. Очевидно, эти люди забывают, что для творческой мысли науки нет существенной разницы между живым и мертвым, между прошлым и настоящим. По закону причинности из мертвого возникает живое, и настоящее есть

-1033-

следствие, результат прошлого. От прошлого к настоящему идет бесконечная цепь явлений, друг друга обуславливающих, друг от друга зависящих, – и нельзя вынуть звена из этой могучей, крепкой цепи, чтобы настоящее не зависело от прошлого, будущее от настоящего, действительность от истории, новое от памятников старины. Вся наша культура покоится на костях работавших для нее предков, как и будущая культура будет зиждиться на них и на костях нынешних поколений. Трудно, даже почти невозможно отыскать истинный путь к счастливому будущему, если у нас не будет света из прошлого. И общественные науки, от развития которых зависит в значительной степени и общественное устройство, черпают материал в науках исторических и археологических. Историк-археолог останавливается перед прошлым, как бы задавая вопрос: «Скажи нам, прошлое, как устроить настоящее и что ожидает нас» в будущем?»

Западный ученый мир давно сознал, какое важное значение для развития ума, современной науки и искусства имеет изучение прошедших веков. Он смотрит на дело изучения старины, не как на забаву от безделья богатых людей, но как на серьезное дело. Там при университетах открывались и открываются кафедры по археологии. Новая наука быстро завоевала себе почетное место среди прочих высших наук, так что скоро стала ощущаться потребность, для изучения старины, в целых самостоятельных учебных заведениях. И вот в западной Европе образовалась целая сеть археологических институтов. Идет оживленная работа ученых; всюду направляются геологи, археологи, историки. Изучаются памятники давно прошедших веков, производятся раскопки, исследуют пласты земли. Музеи Лондона, Рима, Берлина, Парижа заполняются ценными коллекциями с последних раскопок в Египте, Палестине, Индии. Открыты древний Иерихон, Троя и Микены и т. п. Так прилежно работают ученые запада: англичане, французы, итальянцы и германцы.

-1034-

У нас в России работают, давно только отдельные личности, труды которых уже известны ученому миру. Но сделанное ими – капля в море в сравнении с предстоящими грандиозными трудами. Много памятников седой старины в нашем отечестве не исследовано совсем. Много гибнет дорогих памятников, благодаря невежественному и даже намеренно злому отношению к ним обывателей. Особенно много гибнет старины в области христианского искусства и церковных древностей. Старые иконописные произведения уничтожаются или валяются по чердакам и сырым кладовым, а на их место ставится резная, пестрая работа современных мастеров – ремесленников. Древние иконы возобновляются и при этом иногда искажаются до неузнаваемости, так, что становится совершенно невозможным судить о времени происхождения памятников.

Поэтому большую службу может сослужить родной старине духовенство, если оно, объединившись, выяснило бы на местах, какие в их приходах имеются достопримечательности, и приняло участие в их сохранении от расхищения и разрушения.*)

№9.

Вятские епархиальные ведомости.

1915, № 16.

Осокин И.

Отчет о церковно археологической экскурсии по церквам Слободского уезда в июле 1914 года.

С. 487-497.

-487-

Отчет

о церковно археологической экскурсии по церквам Слободского уезда в июле 1914 года.¹⁾

Исполняя поручение Архивной Комиссии – обозреть архивы и церковные древности наиболее старинных церквей Слободского уезда и, с согласия настоятелей церквей, принимать древности, – я, с благословения Преосвященнейшего Никандра, выехал 2 июля и, пробыв в поездке по 9 июля, посетил 17 церквей, не считая 2-х церквей в г. Вятке (Покровской и Богоявленской), а именно: Кстининскую, Никулицкую, Волковскую, Спасо-Подчуршинскую с Городищем, Пречистую, Слободские: Преображенский и Екатерининский соборы, Сретенскую, Никольскую, Мужского монастыря, Шестаковские – Благовещенскую и Николаевскую, Вагинскую, Сырьяно-Николаевскую, Холунополомскую, Вобловицкую, Холунинские – Троицкую и Воскресенскую и Чепецко-Ильинскую Вятского уезда. Первые 10 церквей осмотрены были при участии В.И. Шабалина, а остальные 7 единолично.

Все осмотренные вещественные памятники древности в указанных церквях можно разделить на следующие шесть видов.

1) *Городища и крепостные укрепления.*

Таковыми являются: а) Никулицкое, представляющее из себя площадь, которую окаймляет земляной, довольно высокий вал с западной стороны церкви, с южной и юго-восточной – высокий крутой берег Вятки, с западной и южной – высо-

¹⁾ Доложен в заседании Вятской Ученой Архив. комиссии. 6 окт. 1914 г.

- 488 -

кий берег весьма глубокого оврага, по дну которого теперь пролегает дорога в село Чепцу; абрис городища отчетливо виден. С него открывается широкий горизонт кругом.

б) Городище у Спасо-Подчуршина. Это – огромный курган, не примыкающий ни к какому горному возвышению, по-видимому, искусственный, со всех сторон теперь отгороженный; ныне он – часть имения заводчика Лесникова; от ограды, которая окружает городище, ведут на верх несколькими маршами 88 ступеней. Вид оттуда прелестный, на 20 – 30 верст во все стороны. На кургане древняя деревянная часовня. В 1901 году построена каменная, потом обращенная в церковь с колокольнею. К востоку от церкви устроен в земле запасной водоем, – цементный бак, 50000 ведер воды, на случай пожара в лежащих под горой фабрик, заводов, и других строениях. Еще далее развалины дачного дома Оглоблина, – церковного старосты, разобранного по требованию полиции по иску Лесникова, враждующего с Оглоблиным. Городище в настоящее время оказывается во владении Лесникова; таким образом, церковь стоит на частно-владельческой земле.

в) В г. Слободском: остатки хорошо сохранившегося земляного вала на севере от Екатерининского собора, в усадьбе причта этого собора. Видимо, Преображенский и Екатерининский соборы и Сретенская церковь составляли никогда кремль, ограждаемый помимо этого вала (с юга), высоким берегом Вятки, а с северной и западной сторон – рвами (последние ныне уже почти закопаны).

г) Городище в Шестакове, – о нем свидетельствует хорошо сохранившийся вал с южной стороны, и отчасти с западной, с восточной защищал его берег реки Вятки, и с севера – овраг; огражденное место – бывший город, в нем видны признаки могил и 2-х старых церквей, престолы коих отмечены столбиками.

-489-

2) *Архитектурные постройки.*

А) Деревянные церкви:

А) известная Михаило-Архангельская в Слободском мужском монастыре, построенная при преп. Трифоне; из толстых бревен, внутри не

тесанных, с одностворчатым из одной доски дверями, на пятах, с малыми окнами, задвигающимися досками, потолок обыкновенный. Она представляет из себя одну церковь, без трапезы и паперти, только с высоким помещением под церковью; обшита тесом; с высоким помещением под церковью; алтарь в тех же стенах, отгороженный низким иконостасом.

5) в с. Холунополломском – с признаками глубокой старины (построена в 1696 г.) высокая в два света церковь; по одному окну вверху с южной и северной сторон, с 2-мя внизу – с южной и одним – с северной стороны, потолок – коробом (с севера на юг и запад). Алтарь не прирубной и не закругленный. Трапеза прирубная, несколько шире церкви. В ней по признакам и рассказам стариков (слышали от дедов и видели при приделках) было отопление по-черному; была битая печь, волоковые окна, полати, в стене между церковью и трапезой – двери. Стена и потолок были странно закоптелые. К трапезе примыкала паперть (теперь из нее устроена часовня при селе на ключе, на месте явления иконы). В паперти, помнят старики, были широкие лавки по северной и южной сторонам, узкие, но длинные окна и полки. Над входом в паперть был устроен неширокий крытый навес, кажется, только с западной стороны. Все здание из толстых старинных бревен. Ныне церковь невысокая. Длинные, узкие продухи под пол ныне лежат почти на земле, а в прежнее время, еще помнят старики они были высоко над землей, так, что старики клали туда свои посохи-палки. Церковь ныне обшита тесом. До сих пор престол не упразднен.

в) Трифоновская часовня на берегу реки Вятки, в 3-х верстах от Вагина. Лес древний. При часовне крыльцо

-490-

со старинными перилами и колоннами, на крыше, уже прогнившей, купол с крестом железным. Часовня ныне обшита, заключается как бы в футляр: галереи с западной и наполовину с южной стороны. С боку, с севера пристройка - трапеза для временного помещения причта и монахов при крестных ходах. Нужен ремонт часовни. Довольно древняя и известная уже икона препод. Трифона¹⁾ пред ней железная лампада.

Б) Все церкви в посещенных селах каменные и все (кроме Вагинской и Воскресенской Холуницкой) постройки XVIII или начала XIX стол. и некоторые конца XVII стол., наприм. – Кстининская. Холодная церковь Кстининская, как значится в клировых ведомостях 1814 года, построена по благословению преосвященного Ионы. Наружные орнаменты ее сходны с Вятской Пятницкой церковью. Надо полагать, что Кстининская церковь строилась одновременно с Вятской Пятницкой, в самом начале XVIII стол. Это – одна из первых каменных церквей. О древности этих церквей свидетельствует наружный орнамент и отчасти внутренность их, но все они переделаны и расширены, применительно к потребностям увеличивающегося населения, как малопоместительная. Бывшие предельные церкви (где с юга,

где с севера) соединены с трапезой арками, последняя также одной или тремя арками соединена с холодной; почти все они теперь холодные. Отдельные входы из паперти в приделы уничтожены (например, Покровская церковь г. Вятки), остался такой ход только в Сретенской церкви города Слободского. Некоторые окрашены снаружи масляной краской, поэтому орнамент и колонны – выделяются очень резко, обнаруживая художественную работу мастеров. Из некоторых церквей видно, что каменные стены клались с деревянными связями – брусьями (Богоявленский собор), очень толстыми, которые от известковой работы стен обратились в совершен-

¹⁾ Преп. Трифон строит на берегу реки Вятки.

-491-

ый уголь (Екатерининский собор) и места балок стали совершенно пустыми ходами. В двух церквях в сводах (Шестакове-Благовещенской, в алтаре, и Вобловицкой – в главном храме) имеются голосники, по виду, цвету, форме и звуку представляющие из себя вложенные в своды корчаги. Под церквями в г. Слободском – большие, высокие подвальные помещения, отдаваемые под склад товаров.

Колокольни везде приложены при церквях, (кроме Слободских), с обычным ходом – деревянными лестницами внутри. Но в Волкове лестница все время идет в стене не заходя в помещение колокольни, почему последнее совершенно свободно и легко могло быть использовано для кладовой (напр. Для склада и развешивания изъятых из употребления икон, облачений, утвари). В Кстинине, при надстройке на колокольню, при входе во 2-й этаж, эта боковая лестница заделана, и из внутреннего помещения, идет вверх уже деревянная лестница через прибитый каменный свод. В с. Сырьяно-Николаевском интересна, по своему наружному виду, древняя каменная ограда с высокими стильными воротами с западной стороны. В Вобловице в церковную каменную ограду ведут 4 ворота (широкие ворота и две калитки) одна пара с восточной и другая с западной стороны. Обыкновенно отперты бывают одна из западных. Под столбами одних находится жерновый камень с мельницы вотчины преп. Трифона (на Кочурихе и Язинке).

3) Иконы:

А) В некоторых церквях, сохранились еще разные изображения святых, таковы: а) Иисуса Христа в терновом венце. Изображение это представляет из себя деревянную статую, облеченную в одежду, подобную мантии, и заключенную в стеклянный футляр, такие изображения имеются: в Вятском Богоявленском соборе, Шестаковской Николаевской церкви, Троицко-Холуницкой церкви; в 1-й и

-492-

3-й они находятся в палатках, во 2-й – в храме, за правым клиросом.

б) Николая Чудотворца Можайского – резной, в ящике; в Кстинине (убран в колокольню и разбит) и Холунове – сделан в Пономаревскую часовню.

в) Изображения ангелов с иконостасов, снятые и сложенные в кладовых, из опасения подвергнуться осуждению за употребление разных икон (Никулицкое).

Б) Во всеобщем же и обычном употреблении – иконы живописные, помещенные как в иконостасах, так и развешанные по стенам (писанные на досках), а также написанные на стенах и редко очень на холсте.

Иконостасы во многих церквах, довольно старинные – XVIII в. (Покровская, Богоявленская, Кстининская, Чепецко-Ильинская), особенно в холодных церквах, но больше, кажется, уже замененные новыми или дополненные новыми частями (Вобловицкая, Сырьяно-Николаевском), на подволоке (Кстинине), подвалах (Слободской мужской монастырь – несколько иконостасов) и часовнях (Иванцовской), церковных палатках (Волкове, Спасском); особенно к древним относятся иконостасы в один ярус с иконами древнего письма: хорошей иллюстрацией их могут служить икона Благоразумного разбойника (ныне в Музее), представляющая собою пономарскую дверь иконостаса, отворявшуюся на пятах.

Во всех церквах можно встретить весьма много икон старинного письма XVII и XVI века. Иные из них в церквах в употреблении и облачены в серебряные ризы (Волково, Спасское), другие – в паперти без риз (преподобн. жен и мужей – Богоявленский собор), Человека Божия Алексия – 1695 г., Рождества Богородицы (Покровская церковь), Страшного Суда (Вобловице, Чепецко-Ильинском), Распятие исуса Христа (Волкове), третьи – в часовнях (Трифонов-

-493-

ской – Вагинской, Иванцовской, Шепелевской, Шуки (между Пречистым и Слободским), Макарьинской и в деревянных церквах: Михаило-Архангельской и Холунополумской.

Но много икон без употребления в амбарах и кладовых и многие из них совершенно испорчены (Богоявленский собор). Встречаются иногда старинные ценные иконы в числе принесенных с покойниками, обыкновенно складываемые на подволоку или в амбары (Пречистое).

В селе Пречистом иконы в старинном иконостасе холодного храма все поновлены: старые лики счищены и написаны совершенно новые; работа была произведена в Слободском женском монастыре, в очень недавнее время.

4) Утварь

Из церковной утвари, заслуживающей внимания по своей древности, в осмотренных церквах можно упомянуть об оловянных сосудах (Шестаковской Благовещенской церкви) и дарохранительнице (Пречистое),

массивном железном паникадиле до 20 пуд. весом (в Шестаковской Благовещенской церкви), с прекрасными изображениями ликов ангелов, – дар Алексия Михайловича чрез Амфилатова; об остатке паникадила, остов (центральная часть) которого весь из стекла (Никулицкое), о массивных серебрянных евангелиях и кресте напрестольном (Холуницко-Троицкая церк.), железных, не употребляющихся уже, лампадах, и паникадиле (в часовне при Холунополомской церкви), напрестольном евангелии, переплетенном в холсте и обложенном обычными металлическими, иконками 1688 г., со следующей надписью на листе 10: «Лета 7201 месяца Июля 14 день приложил сию книгу евангелие напрестольное архиеписвоплъ ризничий иеродиакон Иосиф Хлыновского Успенского Трифонова монастыря в вотчину на Вобловицу к церкви Нерукотворенного Спасова образа да Илии Пророка по своим родителям». Немало старых лампад, подсвечников и пани-

-494-

кадил можно видеть заброшенными на подволоках или сданных в часовни: многие вещи могли бы быть еще употреблены для бедных церквей (Богоявленский собор, Спасо-Подчуршино). В Шестаковской Благовещенской церкви сохранилось прекрасное живописное на холсте знамя (найденное у крестьянина), заключенное теперь с обеих сторон в стекла.

5) Из старинных облачений, сделанных из простого или набивного холста, нам не приводилось встречать, вообще все облачения новейшего заведения, старое уничтожено. В Покровской церкви гор. Вятки имеется священническая риза из дорогой парчи, украшенная по оплечью жемчугом и другими ценными камнями. Есть такая же старинная и ценная риза в с. Пречистом.

6) Из богослужебных книг встретил я Служебник Иосифовской (Шестаковская Николаевская церковь), службы на 28 и 29 июля, напечатанные гражданским шрифтом при Екатерине II, (Пречистое и Вобловица), служба (рукописная) препод. Трифону, Нотный Ирмолог рукописный и некоторые другие. Все эти книги приняты мною и переданы в Музей.

В общем, нужно сказать, что духовенство слишком малосведуще в церковных древностях, не ценит и не хранит их. Старинные иконы и утварь валяются в кладовых, амбарах, подволоках и подвергаются порче, между тем во многих местах есть весьма удобные помещения для хранения их. По этим же причинам весьма многие затрудняются, что может быть препровождено в Вятский Церковно-Археологический Музей. С другой стороны, наблюдаются уже случаи, что по церквам разъезжают любители старины, расценивают древности и делают предложения о продаже предметов древности.

В виду этого следовало бы принять какие-либо меры к большому сохранению древностей при церквях и для Музея. Нам думалось бы, что весьма полезно было бы организовать при Семинарии исторический кружок, по изучению

-495-

местной старины. Краткие сведения по архитектуре, живописи, палеографии и истории искусства, письменных памятников старины, а также истории местного края и истории его колонизации, сообщенные семинаристам преподавателем, заинтересовали бы многих и помогли бы им со временем ориентироваться в старине. Их могли бы при случае командировать за небольшую плату от Комиссии или церкви разобрать древности в известном пункте, привести в известность и ознакомить потом с ними Музей, а может быть и общество.

Следует в настоящее время обращать внимание, при разыскании древностей, на часовни, куда сданы многие из древних икон, за ненужность их в церкви. Некоторые из часовен и сами по себе заслуживают внимания, как памятники событий и происшествий (битв), бывших на месте их. Про Макарьевскую часовню, за Вяткой, при выезде из Талицкого завода по дороге в Чепцу, говорят, что она построена на могилах. Назад тому лет 30-40 при свящ. Вифанском по какому то поводу разрывали место около часовни и натолкнулись на две могилы с каменными сводами над гробами. Надо думать, что тут погребен кто-либо из людей знатных того времени. К сожалению, с крестьянами, собственниками часовен, иметь дело труднее в смысле получения древностей для Музея.

Древних *письменных памятников* в осмотренных мною церквях, несмотря на несомненную древность некоторых из них, не сохранилось. Подлинные грамоты на свитках мы нашли только в Покровской церкви г. Вятки. Они представляют 7 связок свитков XVII стол., царских грамот, и рукописную тетрадь конца XVII и начала XVIII вв., заключающую в себе копии старинных грамот по земельным владениям. Архивные же документы нигде не доходят ранее 1723 года (Слободские: мужской монастырь, Николаевская церковь), 1756 года (Спасо-Подчуршинская) и 1780 года (Холунополомская). Можно думать, что наиболее

-496-

древние документы уничтожены или пожарами, или по невежеству и нерадению, даже намеренно (Вобловица), или случайно в квартирах священников после их смерти. Оставшиеся в целости архивы не многие в порядке (Слободской мужской монастырь, Шестаковская Благовещенская церковь, Холуницкая Троицкая церковь). По последней имеется печатное описание церкви и древности, по 2-й готовится к печати.

В Спасо-Подчуршинской церкви архив богатый, видимо кто-то начинал работать, но теперь находится в полном беспорядке. Существовала, говорят, обстоятельная опись церковная, но при тяжбе церковного старосты Оглоблина и церкви с Лесниковым о Городище она куда-то утерялась. Здесь имеется большой подбор бумаг о выборе церковных старост с 1756 года. Архив прекрасно сохранился и очень ценный для истории церкви. Подобраны циркулярные указы Синода и Консистории XIX века. Кем-то в свое время подписано было по каждой бумаге и краткое содержание ее.

В селе Чепецко-Ильинском архив с 1722 года. Есть сборники указов с 1720-1867 гг., приговора с 1756 года, входящих и исходящих бумаг с 1812 года. Летопись и древние акты в копиях и подлинниках с половины XVIII века. Были два свитка древних грамот, но куда-то исчезли. По летописи видно, что на одном изображен договор о построении Введенской церкви с подрядчиком Лихачевым в 1697 году, другом – дворовая роспись и прикладные записки на разные пожни 1736-1762 года.

Весьма полезно бы взять Комиссии на себя посредство по приведению в порядок подобных архивов, так как причты по не достатку времени, а иногда и опытности – едва ли будут в состоянии сделать это; разумеется, работа это должна быть за плату от церкви. Можно бы эти архивы (в общем небольшие) прислать в Вятку, и здесь, под руководством и наблюдением кого-либо из членов Комиссии, мог бы сделать кто-нибудь по найму. – Такое

-497-

предложение и было уже сделано мне одним священником г. Слободского.

При обозрении старого кладбища в с. Ч.-Ильинском я невольно обратил внимание на надгробия, представляющие из себя деревянные сосновые подобия плит, иногда даже с надписями. Некоторые из них еще хорошо сохранились, другие же почти совсем сгнили. На новом кладбище (открыто с половины XIX в.) есть совершенно новые такие же деревянные плиты с вырезанными на них надписями, крестами, а иногда с высокими крестами, вдолбленными в плиту.

Член Вятской архивной Комиссии

Проториерей И. Осокин

27 июля 1914 г.

№10.

Пермские епархиальные ведомости.

1880 г. № 12.

Отчет

О деятельности Пермского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1879 год. (Продолжение).

С. 98-100

-98-

О деятельности Пермского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1879 год. (Продолжение)

III. Инородческая миссия.

Круг миссионерской деятельности между инородческим населением в отчетном году был слишком не обширен, по недостаточности пока средств к открытию особой миссии и по неимению в виду лица, которое бы приняло на себя эту обязанность. Делом миссии, как и в предшествовавшие годы занимались, в звании временных миссионеров, и только в пределах своих приходов священники Михаил Чемезов и Василий Корепанов; первый в Красноуфимском уезде между черемисами, а другой в Осинском – между башкирами и вотяками. Для достижения успеха они старались сближаться с инородцами и быть с ними в добрых отношениях, пользовались каждым удобным случаем к тому, чтобы, в доступных их ограниченным понятиям беседах предлагать им учение христианской веры, указывать его превосходство пред учением магометанским и языческим, знакомить их с спасительными уставами и обрядами святой церкви и разъяснять их значение. Временный миссионер священник М. Чемезов в своем миссионерском отчете доносит, что при собеседованиях с черемисами некоторые из них хотя и противопоставляли свои возражения, опираясь единственно на то, что веру свою они приняли от дедов и отцов и потому не могут переменить оную из опасения оскорбить своих предков и прогневать богов; но большею частью выслушивали беседы и разговоры о христианской вере без всякого ожесточения и даже с убеждением в действительном превосходстве христианской веры пред черемисскою. Что же касается до магометан, то, под влиянием и фанатизмом мулл, одно слово о Христе всегда встречало ожесточенное упорство и пренебрежение. И мало этого: с некоторого времени среди татарского населения священник Чемезов начал встречать особенно сильные противодействия, сопровождаемые явными застрачиваниями и угрозами, доказательством чего служит поданная на него жалоба Оренбургскому муфтию; - башкиры же каждый раз объявляли о. Чемезову, что имамы и родственник одного из них, татарин Абдул Надзид Абосаилеев, писавший на него уже не одно прошение муфтию, строго запретили им вступать с ним в разговоры о христианской вере, под страхом наказания. А в деревне Юласовой,

-99-

при проезде, татары бросали даже в него камнями. При такой неблагоприятной обстановке и при возбуждении имамами невежественного татарского населения, и при влиянии языческих властей, можно ли удивляться тому, что в деревнях населенных магометанами и черемисами успехи миссионерской деятельности весьма ограничены; семя слова Божия не приносит обильных плодов и обращение ко своей вере считается только

единицами. Так, священником Чемезовым в 1879 г. просвещено святым крещением всего 8 чел.; из них 6 из магометан и 2 из язычников – черемис. Двое из новокрещенных магометан вступили в брак с русскими вдовами, а третий с русскою девицею и один из них, по его желанию, Пермскою Казенною Палатою приписан в мещанское сословие г. Красноуфимска с трехлетнею льготою от повинностей. Священником В. Корепановым присоединено ко св. церкви Христовой 4; 2 башкира, 1 башкирка и 1 – язычник. Из них башкир и башкирка, по принятии св. крещения, вступили в законный брак.

-100-

Таким образом, по надлежащем наставлении в истинах христианской веры в отчетном году просвещено святым крещением и присоединено ко святой церкви 12 душ. Благодарение Богу и за этот малый успех евангельской проповеди! О принявших святую веру иноверцах священник М. Чемезов, в отчете своем пишет, что они в воскресные и праздничные дни с усердием посещали храм Божий, исполняли долг исповеди и св. причастия и причащали своих детей.

№11.

Пермские епархиальные ведомости.

1880. № 28.

Из путевых впечатлений*).

От Перми до Нижнего.

С. 279-281.

-279-

Из путевых впечатлений*).

От Перми до Нижнего

Из Перми отправились мы 29 июня. Пароходный путь по Каме и Волге до Казани и Нижнего более или менее известен. При хорошей погоде плавание на пароходе доставляет много удовольствия: сидишь и любишься живописными видами по ту и другую стороны Камы, а особенно Волги. То село промелькнет, то пароход встретится, то вдали опять видишь церковь, около которой ютятся деревянные домики. Встречаются не редко и города. Вот, например, Елабуга. Город довольно красивый. В нем пять церквей и мечеть. Есть несколько каменных домов. Ниже Елабуги мне показали на «Чортово городище». Это башня, начатая постройкою, но не dokonченная. Когда и кем она строилась, достоверно не известно. Будто бы черт ее начал строить, но не успел до пения петуха и, когда пропел в полночь петух, бросил. Конечно это басня, а вероятнее эту башню начал строить какой либо древний народ, например, те же татары, здесь обитавшие, – как сторожевую

башню на случай набегов от неприятелей. Как древность, она поддерживается. Ночью проехали город Чистополь. Впрочем, мы еще не спали и потому могли видеть его. Это довольно оригинальный, полутатарский город. Видна, впрочем, только одна береговая улица. Утром видели еще город Богородск. Это не лучше, если еще не хуже Оханска.

-280-

Ни одного, не только каменного, а просто порядочного деревянного дома не видно. Многие дома даже покрыты соломой.

После часовой стоянки у пристани Казанской поплыли далее к Нижнему, по Волге. Здесь движение усиливается. Постоянно встречались пароходы, то пассажирские, то буксирные. Точно трактовая дорога по воде. Правая сторона Волги гористая, покрыта красивым кустарником, а левая низменная, луговая.

1-го июля, утром, когда я проснулся, почувствовал, что пароход стоит недвижимо и услышал какой-то звон. Прислушиваясь, я понял, что это звон церковный. Взглянув в окно каюты, я увидел перед собою какой-то город и поспешил вверх. Оказалось, что это Козмодемьянск. Узнав, что еще не скоро снимутся пристани, по случаю какого-то повреждения в машине парохода, я сошел на берег и направился к той церкви, с которой слышен был звон. В церкви совершалось водосвятие по случаю престольного праздника Косме и Дамиану. Помолившись и осмотрев церковь, я пошел взглянуть и на город. Проходя мимо одной часовни, я зашел в нее и увидел тут двух старушек в белых холстяных одеждах. Это были черемиски, которые тут продают свечи и собирают подаяния на строящийся здесь женский черемисский монастырь. Сделав небольшое пожертвование, я пошел далее к одной замеченной мною на пригорке маленькой древней церкви.

-281-

Осмотрев ее кругом, так как она была заперта, я направился перейти лог, который был передо мной. Тут я увидел мужчину в белой короткой рубашке, в таких же кальсонах и лаптях, который, сидя на траве, держал в руках ребенка у груди. Что такое, думаю, мужик кормит ребенка! интересно! Я подошел поближе, – и оказалось, что это была черемиска-мать. После я встретил еще несколько черемис и черемисянок в их национальном костюме, почти одинаковом у того и другого пола. В церкви, где был праздник, пели тоже черемисянки-монахини, но пение их не может нравиться: голоса довольно грубые, почти мужские и поют не особенно стройно. Впрочем, нельзя быть и требовательным к ним: и то хорошо уже, что эти дети природы приучены к пению. Побродив по городу, в котором немало очень хороших домов и 6 церквей, я возвратился на пароход.

№12.

Пермские епархиальные ведомости.

1880. № 46.

Сибирь и Пермь. (Продолжение).

С. 463

-463-

VI.

Задачи Сибири

<...>А эти племена вносят в общую сумму житейского опыта разнообразие знаний, национальных убеждений, религиозных верований и привычек, наследственных талантов и предрассудков. К чему направлена вся эта подготовка сил, вещественных и нравственных, наподобие огромной машины оценивших необъятную Сибирь? Какие у нее проблемы и исторические задачи? Что замышляет эта страна, полная жизни и энергии, в гражданском развитии восточных племен, коснеющих в нищете, невежестве и суеверии? Она поставила две великие задачи гуманного характера: ближайшую сравнительно легкую, образование диких племен, – отдаленную и трудную, – просвещение их христианством. Все это выполняет не педантическими планами и узкими проектами канцелярий, а силою вещей, развивающейся цивилизации, неумолимою логикой жизни, исторических фактов, событий и нужд общественных.

Образование диких племен

Образование диких племен Азии составляет, сравнительно, довольно легкую задачу. Решение этой задачи облегчают, с одной стороны, видимое убожество и забитость дикарей, с другой стороны очевидные выгоды и неисчислимые преимущества образования. Здесь дело говорит само за себя осязательными фактами, не подлежащими сомнению. При всем том эта задача не может быть решена скоро, вследствие психологических законов, – медленности нравственных успехов, и в этом ее относительная трудность. <...>

№13.

Пермские епархиальные ведомости.

1880. № 52.

Сибирь и Пермь

С. 560-561.

-560-

VI. Задачи Сибири

(Продолжение)

Просвещение диких племен христианством

<...>Цивилизация предшествует религии и служит, как сказано, подготовкой к ее учению и возвышению нрава. Такова программа истории и совершенствования человека; таков непреложный закон Провидения, правящего миром. Развитие ума, приложение знаний к жизни устроят земной быт и упрочивает нравственное развитие. Таким трудным и извилистым путем выводится человечество из варварского состояния, – невежества, суеверия, пороков и нищеты. И если прогресс не пустое слово, стремление к порядку и совершенству – не пустая прихоть, если образованность есть залог счастья, если порок должен быть заменен добродетелью, а страдание – благоденствием; то это достигнется в то блаженное время, когда масса народа просветится, предрассудки исчезнут, страсти утихнут, цивилизация возвысится, и главные двигатели ее станут действовать свободно и безостановочно. Только тогда земля обновится, “и на земли – мир!”. Какие это двигатели истинной цивилизации, обещающей мир? Что за дивные пружины благоустройства и счастья? Два двигателя, в виде рычагов, побуждают цивилизацию к обновлению, вместе с развитием жизни и усложнением ее нужд. Внешним двигателем цивилизации служит раздробленность нации, соперничество талантов народных, вносящее в общую сумму знания разнообразие вкусов и взглядов. Этот двигатель,

-561-

называемый борьбою сил, подобно проволоке, обнимает все царства природы. Даже бесчувственные деревья в стремлении к свету спорят друг с другом о месте и пространстве, и следствием этого бывает их стройное развитие, прямой рост. Внутренним, надежным двигателем цивилизации служит религия христианская, а не иная. Она руководит земными стремлениями человека и направляет их к высшим целям бытия. Освящая своими правилами все открытия и свершения временной жизни, она указывает им последнюю цель в вечности, где царствуют неизменный порядок и истина. Таким образом, христианская религия завершает собою развитие цивилизации и дальнейшую усовершенствость человечества. Медленно осуществляется этот процесс умственного и нравственного развития человечества. Периоды его обозначаются веками и тысячелетиями. По своей обширности они едва вмещаются в человеческой мысли; по причине сложности – неизмеримо возвышаются над человеческими соображениями. Таков непреложный закон истинной цивилизации, граничащей с вечными целями человека. Отступления от этого закона, допускаемые в виде исключений из правила, еще более выясняют разумные требования истории. В самом деле, народы, обращенные в христианство без подготовки, умственного развития и просвещения, обыкновенно остаются двоеверными. Их убеждения грубы и суеверны; их нравы чувственны и предосудительны. Это христиане по внешности и язычники по духу <...>.

№14.

Пермские епархиальные ведомости.

1881. № 7.

Пермь и Сибирь.

С. 80-81

-81-

Пермь и Сибирь

Пермь обязана благотворить Сибири и в силу исторических требований, – старого долга Москве и Русскому государству. В исторической жизни, сказали мы, как и в торговле, промышленной деятельности, существуют долги, требующие расплаты с процентами. А Пермь особенно задолжалась русскому государству в своем 500-летнем обогащении благами просвещения и цивилизации. Она выведена из дикого состояния Москвой, просвещена трудами миссионеров, облагодетельствована гражданскими правами и льготами русских государей. Пермь особенно обязана уму и распорядительности преобразователя России, Петра Великого, обратившего внимание на минеральные богатства Урала, повелевшего Демидову в 1693 году разрабатывать железную руду. Известно, что железные заводы Демидова достигли ныне необыкновенного процветания. Кровельные железные листы Демидовского завода по своей тягучести, тонкости и прочности считаются лучшими в свете, выписываются в Европу и даже в Америку. При таких условиях и счастливых обстоятельствах Пермь воспользовалась своими горными богатствами и географическим положением, благоприятным промышленности и торговле. Она развернулась в 500 лет, разбогатела, раскинула железную дорогу до Екатеринбурга и продолжает ее до Тюмени; при этом еще пользуется паромством Камы и Тобола, простирает свое влияние на систему рек Европейской и Азиатской России. Таким образом, Пермь – древняя убогая Биармия, достигла высокого экономического и политического значения в русском государстве и стремится неудержимо к большему возвышению и обогащению. Не будь этих благодеяний Москвы, самоотверженных забот свят. Стефана и продолжателей миссионерской проповеди – русских святителей, не будь обширных льгот Пермскому краю великого преобразователя России: чтобы сталоось ныне с дикой Биармией? Чем бы она заявила теперь свое экономическое и политическое существование? Далеко ли

-82-

Пермь ушла бы от нынешней чуди, корелы, остяков и других диких племен, населяющих северо-восточные окраины России? А если истории,

справедливость и христианское учение требуют считаться долгами в благодеяниях цивилизации; то не пора ли, повторяем, подумать о благодарности нашему великому отечеству? Не пора ли уплатить старые долги православной Москве, с процентами, за хорошее воспитание и политико-экономическое значение Перми? Конечно, теперь, с насаждением цивилизации в обширной Сибири, самая пора исполнить законные обязательства страны пред судом христианской совести и русской истории <...>.

№15.

Пермские епархиальные ведомости.

1881. № 12.

Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1879 год.

Миссионерские действия в Поволжском крае и сопредельных с ним епархиях.

С. 136; 139-141; 142.

-136-

Извлечение из всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1879 год.

Миссионерские действия в Поволжском крае и сопредельных с ним епархиях

Восточная часть европейской части России – Поволжский край и прилегающие к нему епархии, где в более или менее значительном числе обитают инородцы, часть уже обращенные к истинной вере, служила, подобно Сибири, поприщем миссионерской деятельности. Но здесь эта деятельность поставлена в иные условия, поэтому должна поставлять себе несколько иные задачи. Между тем как в Сибири проповедники православного христианства имеют дело преимущественно с язычеством и притом весьма грубым, полная несостоятельность которого даже для самого неразвитого ума делается очевидною при одном сопоставлении со светлым учением христианства, – в Поволжском крае они должны вести борьбу, главным образом, с магометанством, которое представляет собой вероучительную систему, не лишенную своеобразной стройности и законченности, в течении веков успевшую глубоко проникнуть в жизнь своих исповедников и обладавшую средствами не только для противодействия влиянию христианства, но и для пропаганды между племенами, стоящими на низшем уровне в религиозном отношении, каковы местные инородцы-язычники. <...>.

-139-

<...> При таких условиях, главною задачею деятельности проповедников истинной веры в Поволжском крае должно быть, с одной стороны, приготовление в инородческой среде почвы, благоприятной для принятия евангельской истины, преимущественно путем систематического опровержения заблуждений магометанства, а с другой – усиление приносивших к местным условиям способов для дальнейшей и плодотворной проповеди. Совершаемая в таком направлении миссионерская деятельность среди Поволжских инородцев имела наибольшее развитие в Казанской епархии, где она подкрепляется и руководится местным братством св. Гурия. Согласно указаниям опыта предшествовавших лет, братство св. Гурия продолжало и в отчетном году обращать преимущественное внимание на школьное образование инородцев, поддерживая в учрежденных им школах миссионерский характер, а в учителях этих школ и самых питомцах развивая дух миссионерства. В отчетном году братство содержало на свои средства 57 школ, в том числе крещено-татарских 41, чувашских 9, черемисских 3.

-140-

Более усилены миссионерские действия в епархии Вятской, населенной в значительном числе инородцами разных племен, – черемисами, вотяками, татарами и другими. Священники инородческих приходов в этой епархии продолжали трудиться для утверждения своих паств в христианской вере, и в храмах и в домах прихожан ведя частые беседы с ними.

Священникам помогали в этом деле, по распоряжению преосвященного, и низшие члены причта, на которых возложено обучение молитвам взрослых и детей, для чего они выезжают в деревни. С особенною настойчивостью духовенство заботилось о христианском воспитании инородческих детей, стараясь распространение грамотности открыть им доступ к приобретению христианских понятий посредством чтения книг. Кроме начальных школ, содержимых земскими учреждениями, в которых местные священники преподают закон Божий, существуют в инородческих приходах епархии и церковно-приходские училища, содержимые на средства церковно-приходских попечительств; иные священники имеют и собственные домашние школы. Это усиленное служение духовенства делу образования инородцев, по свидетельству преосвященного, уже приносит заметные плоды: ныне почти в каждой деревне, даже небольшой, можно встретить грамотных инородцев и в них вообще значительно развито уже стремление к учению. Особенно это можно сказать о черемисах и вотяках. К сожалению, инородцы, сознавши пользу грамотности для мужчин, не могут понять, что грамотность не менее полезна и для женщин, почему между учащимися крайне ограниченное число детей женского пола. Между тем, грамотные женщины могли бы оказать весьма большое содействие

нравственно-религиозному развитию инородческого населения, особенно между вотяками, у которых женщина занимает господствующее положение в семействе.

-141-

В христианском просвещении инородцев продолжала разделять труды приходского духовенства особая миссия, состоявшая из семи членов. Миссионеры посещали инородческие приходы в пределах порученных им округов, руководили приходское духовенство советами и наставлениями, вели собеседования с инородцами и раздавали им азбуки и молитвенники. Вятский комитет православного миссионерского общества продолжал оказывать содействие распространению христианского просвещения между инородцами поддержанием открытых им в инородческих селениях училищ и наблюдением за правильным ведением в них учебного дела. В 1879 году на средства Комитета содержалось 11 инородческих училищ, из которых 5 было в татарских селениях – в Елабужском уезде, три в вотятских – в Глазовском и Елабужском уездах, и три в черемисских селениях – в Елабужском и Уржумском уездах. В 11 школах обучалось 308 детей, в том числе 103 татарских, 102 черемисских, 88 вотятских и 15 русских. Между учащимися было только 8 девочек (6 черемисского племени и 2 татарки).

Просвещению инородцев Пермской епархии – черемис, башкир и вотяков служила миссия, состоящая из двух священников, из коих один действовал в Красноуфимском уезде между черемисами, а другой – в Осинском между башкирами и вотяками. Для привлечения к св. православной вере инородцев магометан и язычников, миссионеры старались сблизиться с ними и пользовались каждым удобным случаем к тому, чтобы предлагать им учение христианской веры, указывать его превосходство пред учением магометанским и языческим, знакомить их с уставами и обрядами св. церкви и разъяснять их значение. Черемисы-язычники выслушивали наставления о христианской вере большею частью внимательно и даже как бы с убеждением в действительном превосходстве христианской веры пред языческою, но в то же время упорно давали миссионеру на его предложение креститься один ответ, что свою веру они приняли от дедов и отцов и не могут переменить ее из опасения оскорбить своих предков и прогневить богов. Что же касается до магометан, то, под влиянием фанатиков-мулл, одно слово о Христе всегда встречало ожесточенное упорство и даже враждебность по отношению к проповеднику.

Более благоприятные сведения сообщает преосвященный Пермский о влиянии на инородческую среду школ, открытых местным комитетом миссионерского общества в миссионерских видах, и при слабом развитии в епархии собственно миссионерского действия, остающихся главным и почти единственным путем к сближению языческого и магометанского населения русскою народностью и к ознакомлению его с христианством.

Таких школ в отчетном году состояло пять в Красноуфимском уезде для черемисов и одна в Осинском уезде для башкир и вотяков. Заботясь о материальном обеспечении школ, комитет обращал особенное внимание на то, чтобы они соответствовали своему назначению как в учебном, так и в нравственном отношении. В этих видах ближайшее наблюдение за школами и ходом всего школьного дела поручено особым попечителям, каковых в отчетном году состояло три.

-142-

Попечители, кроме наблюдения за обучением и нравственным воспитанием в школах, обращали внимание и на их материальные нужды и по возможности содействовали удовлетворению оных. Благодаря заботливости попечителей, инородческие школы, несмотря на противодействие со стороны враждебных христианству элементов, соответствовали своему образовательному и миссионерскому назначению. Число обучающихся в них простиралось в отчетном году до 162 человек (68 русских и 94 инородца). Весьма убедительно, что инородцы начинают сочувственно относиться к школам и даже заботиться об их упрочении. Так, в отчетном году сельские общества Карзинское и Нижнее-Потамское отвели усадебные места для постройки школьных домов. Притом образовательное и нравственное влияние инородческих школ не ограничивается одними только учащимися, но простирается и на местные населения. Жители тех селений, где открыты школы, охотно посещая их во время уроков законоучителей, вступают с ними в собеседования о предметах веры и нравственной жизни. Жители Нижнего Потама, черемисы, нередко собираются по вечерам в квартиру учителя школы, при чем им читаются статьи религиозного содержания и рассказы из священной и отечественной истории. <...>.

№16.

Пермские епархиальные ведомости.

1881. № 13.

II. Деятельность Комитета Пермского православного миссионерского общества.

С. 154-158; 160-161; 162.

-154-

II. Деятельность Комитета

В отчетном году в ведомстве и на содержании Комитета было 5 инородческих школ. В Красноуфимском уезде 4 черемисские: Нижне-Потамская, Ювинская, Карзинская и Больше-Тавринская и 5-я в Осинском уезде Больше-Гондырская – вотякская. 6-я же черемисская школа – Тебеняковская, открытая Комитетом в 1873 году, по малому числу

учившихся в ней черемисских детей, с января 1880 года принята Красноуфимским земством на свое содержание. В отношении школ внимание Комитета обращено было на то, чтобы они достигали своей цели, как в отношении начального обучения детей, так и в отношении влияния их на местное инородческое население. Для этого комитет постоянно заботился о том, чтобы школы, по возможности, не имели нужды ни в чем, чтобы учителя исполняли свое дело с должным усердием и нравственно влияли на окружающее их народонаселение. В наблюдении за ходом занятий в школах Комитет действовал чрез оо. наблюдателей школ священников Михаила Чемезова, Александра Словцова, Димитрия Попова и Василия Корепанова, которые вместе с сим состоят и законоучителями школ. Высшее наблюдение имел Красноуфимский о. миссионер, протоиерей Иаков

-155-

Братчиков. Кроме сего каждая школа имеет особого попечителя, которые неоднократно посещали их и следили за ними во всех отношениях. Таковыми попечителями в отчетном году состояли: в Больше-Гондырской вотякской – Осинский инспектор народных школ Иван Иванович Троицкий, в Нижне-Потамской – коллежский секретарь Александр Якимович Надеждин, в остальных трех – Иван Иванович Архангельский. Из отношения же миссионера, протоиерея И. Братчикова с приложением в копии распоряжения г. директора народных училищ Пермской губернии. 30-го марта за № 271, видно, что г. попечителем Оренбургского учебного округа предписано иметь наблюдение за инородческими школами и местными инспекторами народных школ. В составе учителей в отчетном году произошли следующие перемены: 1) В Ювинскую школу наблюдателем и законоучителем вместо уволенного священника К. Посохина, журналом Комитета 15-го мая, определен Сажинского села священник Димитрий Попов. 2) В Больше-Тавринскую школу на место уволенного учителя М. Кузмина 20-го января окончательно определен Яков Чирков, в октябре месяце сдавший экзамен в педагогическом совете Красноуфимского реального училища и получивший свидетельство на право учителя начальной школы за № 627-мь. 3) В Карзинской школе вместо учителя М. Родюкова, уволенного по его прошению для поступления в число братства в черемисский монастырь Казанской епархии, журналом Комитета 30-го ноября, допущен к учительской обязанности, впредь до усмотрения, бывший ученик 1-го класса Казанской учительской семинарии, родом из черемис, Николай Козмин Фадеев. Учитель Ювинской школы Павел Юминов, в августе месяце, выдержал экзамен в педагогическом совете Казанской учительской семинарии на право учителя начальной черемисской школы и получил свидетельство за № 630. Комитет уверен в благонадежности учителей и может свидетельствовать об их усердии. Благодаря вниманию попечителей школ и полному усердию оо. законоучителей и учителей, школы во всех отношениях оправдывали заботы

Комитета. Во всех школах велись в исправности классные журналы, описи школьного имущества и прихода-расходные книги. Учение началось с половины сентября и продолжалось, кроме воскресных и праздничных дней, до 1-го мая, а в Больше-Тавринской — до конца мая. Обучение в инородческих школах велось применительно к программе начальных народных школ. Первоначальное обучение грамоте во всех школах ведется по звуковому способу. Предметами обучения были чтение по гражданской и славянской

-156-

печати с объяснением прочитанного, чистописание и письмо под диктовку; из арифметики первые четыре действия с элементарными понятиями о дробях; при этом приучались к умственному счислению и к выкладке на счетах. По закону Божию учили как первоначальные, так и другие общеупотребительные христианские молитвы; а старшие ученики ознакомлены были с важнейшими событиями нового завета и с некоторыми историями ветхого завета. При этом нужно заметить, что черемисские дети не только слушают, но и изучают на память священную историю и многие события рассказывают обстоятельно. Во всех школах ученики приучаются петь молитвы и некоторые церковные песнопения. Желающие из черемис обучаются и черемисской грамоте. Всех учащихся в отчетном году, как видно из прилагаемой к сему отчету подробной ведомости, было 166 человек, в том числе инородцев 94, и русских 72, в этом числе 10 девочек. Число учащихся сравнительно с предшествовавшим годом увеличилось на 33 человека, в том числе некрещеных инородцев 11-ть. Но сверх этого были еще временно-обучающиеся грамоте, которые не входят в число учащихся, а между тем их более 30 человек. Так, из отчетов видно, что в Больше-Тавринской школе временно обучались грамоте 15 черемис; в Карзинской 11 чел., в Ювинской 5 человек, из них 3 черемисина. Успехи во всех 5-ти школах можно назвать весьма удовлетворительными. Так, в Больше-Гондырской школе г. попечитель школы, инспектор народных школ, на произведенном 22-го декабря экзамене ученикам, в списке сделал следующую отметку: «письмо под диктовку очень хорошо; чтение хорошо; чистописание очень хорошо. По арифметике только не многие порядочно». В Карзинской школе выпуска не было, а будет в текущем году и к сдаче экзамена готовятся 12 учеников, в том числе 6 черемисских. На содержание школ и на покупку книг в отчетном году израсходовано Комитетом 1,264 руб. 97 коп. Кроме того из Красноуфимской земской управы получено протоиереем И. Братчиковым учебных книг и разослано по школам, в число субсидии, назначенной на 1879 год земским собранием, на 70 руб. 20 коп. Священник М. Чемезов на свой счет сделал для Больше-Тавринской школы парту, стол и стул для учителя и кроме того снабжал учеников от себя учебными принадлежностями. Осинская земская управа также доставляла в

Больше-Гондырскую школу нужные книги и учебные принадлежности и кроме того выдает учителю Н. Капралову добавочного жалованья 60 рублей в год. От г. директора Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминского выслано в Комитет 100 экземпляров краткого катехизиса на восточно-черемисском-луговом наречии, каковые книги и разосланы по инородческим школам.

-157-

Инородческие школы, содействуя незаметно осуществлению задачи христианского просвещения путем начального обучения черемисских детей и сближая их с малолетства с русскими и мало-помалу знакомя их с христианским учением, которое преподается в школе их крещенным товарищам, вместе с тем имеют благотворное влияние и на все местное население, как русское, так и инородческое. Для русских и крещенных инородцев, при отдаленности от них церкви и при редком посещении оной для богослужения, школы содействуют к улучшению нравственности и к утверждению в православии: чрез школы и инородцы-язычники сближаются с русскою народностью и с христианством.

Из отчета о Нижне-Потамской школы видно, что черемисские охотно слушают закон Божий; многие из них знают изустно некоторые молитвы, символ веры и заповеди, берут на дом для чтения священную историю и краткий катехизис на черемисском наречии, высланные из Казанской переводческой комиссии. В Нижнем Потаме, где находится школа, нет ни одного мальчика (кроме малолетних), который бы не ходил в школу. Учитель И. Удюрминский пользуется большим доверием и расположением жителей. Русские везут сюда своих детей из других селений, минуя свои местные земские школы. Черемисы посещают нередко школу и квартиру учителя для бесед. В заключение отчета, наблюдатель, священник А. Словцов говорит, что враждебных отношений со стороны черемис в настоящее время к школе не замечается и школа с каждым годом приобретает сочувствие с их среде; и только со стороны матерей-черемисок встречается предубеждение против школы и опасение, что дети их чрез школу утратят веру своих отцов. Тоже самое пишет наблюдатель Карзинской и Больше-Тавринской школы, священник М. Чемезов называя отношения черемис к этим школам благоприятными. Таким образом, можно сказать с уверенностью, что инородческие миссионерские школы имеют образовательное и нравственное влияние не только на учащееся в них молодое инородческое поколение, но и на возрастное.

-158-

Через школы ослабляются грубые языческие верования, вносятся в среду народа здравые понятия, инородцы-язычники сближаются с русскими и свет

христианства мало-помалу проникает в мрачную среду их. Школы, существующие при каждой татарской мечети, поддерживают и укореняют магометанский фанатизм: также точно и миссионерские инородческие школы с надежными в них учителями могут служить лучшим и надежнейшим средством к достижению в будущем миссионерских целей даже и без самостоятельной инородческой миссии среди некрещеных черемис и башкир Красноуфимского и Осинского уездов. <...>.

-161-

<...>. III. Инородческая миссия.

В заключение этих сведений священник Поздняков слишком мрачными красками описывает религиозно-нравственное состояние и домашний быт кочующих остяков – своих прихожан. Будучи христианами, они мало чем отличаются от язычников: они не оставляют идолопоклонства, жертвоприношении и самых грубых верований; они покорные рабы шаманов и по их наущению хотя и могут, но не хотят чаще бывать в селении и чаще беседовать со своим пастырем, хотя в каждый приезд к ним принимают его у себя, по-видимому, с радостью, получают у него благословение, молятся с ним и называют: «сака эмас, (очень добрый) батька». Не по чему либо другому, а только по внушению шаманов, в юртах Тошемских остяки не соглашались на постройку часовни, на что раньше изъявляли желание. Доверенный бр. Шаньгиных стороною разузнал и передавал, что Тошемские остяки не согласились иметь при своих юртах часовню, потому, что вблизи их у них есть какое-то священное место, где стоят шайтан и друг. идолы, и ветвистая береза, признаваемая за божество. Сам Кирилл Бахтиаров, человек богатый и влиятельный, заражен шаманством и воля его – для всех закон. Браки в церкви венчают уже чрез несколько лет после супружеской жизни: а если жена по чему либо не понравится мужу, то он, попускаясь колыму, выгоняет ее из дому и берет другую, платя за нее новый колым, доходящий иногда до 300 рублей серебром.

-162-

В юртах не проходима грязь и зловоние, водою пользуются из снега, хотя вблизи их есть река и всегда можно иметь свежую и чистую воду; заражены кожными болезнями; а сифилис есть господствующая между ними болезнь. Ею заражены даже малые дети; один полуторагодовалый ребенок умер от сифилиса на глазах священника; а один остяк из юрт Тошемских до такой степени был поражен и изуродован этою болезнью, что страшно было на него взглянуть – и это отец большой семьи. В 1879 году много умерло от сей болезни возрастных и малолетних; здоровому человеку не безопасно

даже заходить в такие местности... Пора бы обратить внимание местному земству и самому правительству на это обстоятельство. А один священник, что может сделать, бывая у них раз в году, да к этому не имея средств? <...>

№17.

Пермские епархиальные ведомости.

1882. № 6,

Церковно-историческое описание и археологическое описание г. Соликамска.

С. 49-53.

-49-

Церковно-историческое описание и археологическое описание Г. Соликамска

I. Начало и распространение христианской веры.

Проповедь св. Стефана, просветителя Перми, по свидетельству монаха Епифания, простерлась до самых отдаленных концов Пермского края, – с одной стороны от устьев Вычегды до верховьев ее и далее даже до границ Перми Великой. Если таким образом проповедь евангелия при св. Стефане достигла только до северных и северо-западных границ Перми Великой, не простиралась далее этих границ внутрь самой страны, то очевидно, что вера Христова в конце XIV столетия, когда скончался просветитель края Пермского (1396 г.), еще не озаряла светом своим тех мест, которые лежат далее Великой Перми, т.е. ниже Чердыни, в том числе и того уголка, где ныне находится г. Соликамск. При преемниках св. Стефана Исаакии, Герасиме и Питириме, в первой половине XV столетия, край здешний все еще не был просвещен христианскою верою. Уже в 1463 году четвертый епископ Пермский Иона просветил св. крещением Пермь Великую, которой главным городом был Чердынь и князя ее Михаила. Хотя нет положительных свидетельств, однако вероятно, что в это же время святителем Ионой положено начало христианства и в нынешнем Соликамском крае. Впрочем, нельзя утверждать, чтобы все тогдашние жители здешних мест, державшиеся язычества, приняли в это христианскую веру; потому что еще позже сего, именно около 1550 года и даже до 1765 здесь были язычники, как увидим ниже; но очень может быть, что голос проповедников евангелия уже оглашал здешние места, и даже более, чем вероятно: они так не далеко находятся от Чердыни (в 90 верстах), что мудрено предполагать, чтобы ревностный в деле проповеди святитель Иона, который так много сделал для просвещения пермяков, заводил во многих местах школы, перевел к новопросвещенным опытных иереев из Усть-Вымской епархии, и поставил, по выражению летописи, церкви, игумены и попы, не послал сюда провозвестников спасения для обращения живших в здешнем крае язычников.

-50-

Кто же были коренные обитатели здешнего края? Названия рек здесь большею частию пермяцкия или зырянския: Обва, Иньва, Вильва, Яйва, Косьва, Уньва, Леньва, Лысва, Лытва, Язва, Кондас, а также и названия некоторых мест: Канкор (ныне Пыскор), Кергедан (ныне Орел), Касиб, Кумор, Лытва (завод), Ленва (село), Лысва (деревня), Зырянка (село). Поэтому можно бы было полагать, что коренными жителями были здесь пермяки. Таковое предположение подтверждается и тем, что центр пермяцкого народонаселения находился не далеко от здешнего места (в 70 и 90 верстах) в известных по истории городах Чердыни, Искоре и Уросе. Ныне пермяки, сохранившие свой язык, населяют село Верх-Язвинское в юго-восточном углу Чердынскаго уезда в 90 верстах от Соликамска, многие села в юго-западной части того же уезда в 120 верстах от Соликамска, в 200 верстах от Чердыни и весь юго-западный угол Соликамскаго уезда в 180 и 200 верстах отсюда. Но, как кажется, около нынешнего г. Соликамска был крайний предел пермяцкого народонаселения, если не вблизи этого места, то несколько далее кверху от Соликамска в южном края Чердынскаго уезда, потому что в 1558 году, при пожаловании земель Строгановым от Царя Ивана Васильевича, места ниже речки Лысьвы и Пызновской курьи, в 10 верстах отсюда на юг, были еще никем не заселены и в грамоте, данной Строгановым, названы пустыми. Между тем и здесь реки и некоторые места носят также названия пермяцкия. Итак, должно полагать, что пермяцкия названия рекам даны потому, что пермяки, которые вероятно

-51-

бывали в этих пустынных местах для звериных промыслов, прежде русских знали их, дали названия им на своем языке, и как более знакомые с местностью вероятно были путеводителями русских при занятии этих новых мест, а с водворением их многие эти усвоены и пришельцами. Но с другой стороны в преданиях народа есть сказания и в старинных рукописях факты, на основании которых можно утверждать, что до прибытия русских здесь жили остяки. В числе государственных крестьян, живущих вблизи Соликамска, весьма многие имеют фамилию Иртегов. Между крестьянами этими есть предание, что предок их был Иртег, язычник, принявший христианскую веру, что у этого Иртега был родственник, по имени Шутег, который креститься не захотел и сам себя убил, бросившись в яму. Слова Иртег, Шутег по своей организации, кажется, остяцкия. Это предание крестьян подтверждается и письменными актами. У одного из таковых крестьян есть несколько фамильных документов, написанных на свитках, как-то: данных, деловых, закладных, купчих и проч. восходящих с тысяча семисотых годов до 1579 года. В числе этих старинных актов есть деловая 1579 года, начинается она так: «се яз Ондрей, да яз Сидор Иевлевы дети Иртеговы, да яз Тимофей Шутегов сын, да яз Филин Левонтьев сын Зырянов

поделили есма между собою животы свои Левонтьевы стачки Савельева сына Зырянова по духовной и по купчим росчисти свои по силе, мне Ондрею да Сидору достались» и проч.; здесь первые двое названы по отцу Иевлевыми и по фамилии Иртеговыми, а второй только по отцу Шутеговым, а имя Шутег, очевидно, языческое и как должно думать, остяцкое. Из того, что один из поименованных в этой деловой прозывается Зыряновым, можно заключить, что в числе первых пришельцев из других мест, населивших здешний край, были зыряне. Но более достоверное буквальное свидетельство находится в писцовых книгах г. Соликамска 1624 года. При описи деревень и починков, находившихся в околгородном стану, сказано: «да в Усольском уезде стан околгородный, а в нем починок Неклюдов, что была деревня остяцкая на речке на Черной». Речка Черная находится в 2-х верстах от г. Соликамска. Посему с достоверностью можно сказать, что около г. Соликамска до водворения в здешнем крае русских здесь на севере к Чердыни жили пермяки, а на востоке к Уралу – остяки. Таким образом, это место было, как кажется, на рубеже пермяцкого и остяцкого народонаселения. Впрочем, остяки и пермяки, по

-52-

мнению Миллера, имеют сродство между собою, как во нравах, так особенно в языке, и сами остяки производят свою породу от пермяков. В преданиях народа первобытные жители известны под именем чуди иди чудаков. О распространении и успехах христианской веры между пермяками и остяками ничего неизвестно, по неимению письменных памятников. Просвещение их епископом Ионою в 1463 году, как мы говорили выше, есть одно предположение, основанное на вероятности. Впрочем, если верить Берху, то еще ранее сего, именно в 1430 году появилось в здешнем крае христианство с прибытием сюда русских. Берх, основываясь на одном найденном им письменном отрывке, утверждает, что посадские Калиниковы в 1430 году оставили соляные промыслы на реке Боровой и переселились на речку Усолку, где теперь город Соликамск и здесь открывать рассолы, завели солеварение (путешествие Берха). Вера Христова встретила сильное упорство в язычниках. В памяти народа сохраняется предание, что чудаки, при появлении русских, страшась подпасть под чуждое иго и не желая принять христианскую веру, выкапывали в земле пещеры, или ямы, укрепляли их подпорами, уносили туда свое имущество и сами входили туда со своими семействами, отнимали подпоры и заживо погребали себя под землю. Другие с появлением пришельцев удалялись в Сибирь за Урал, упорно отказываясь принять христианскую веру. Выражение писцовых книг 1624 года, приведенное выше: что была деревня остяцкая, подает повод думать, что эта деревня с водворением в крае русских оставлена остяками, переселившимися в другое место и оставившими здесь признаки своего поселения. Нет сомнения, что некоторые из язычников и остались в прежних

местах жительства и приняли христианскую веру, а другие, держась языческих верований и отвергая свет христианского учения, продолжали упорствовать против благотворного действия Евангелия. Вышеприведенная выписка из деловой 1579 года, в которой один из крестьян назван по языческому имени отца, подтверждает, что около 1579 года были здесь язычники и что дети некоторых из них приняли христианство. А что язычество держалось здесь долго, можно видеть из того, что еще в 1765 году были здесь люди не веровавшие во Христа. Архимандрит Пыскорского Преображенского монастыря Леонид известен ревностным обращением

-53-

иноверцев в христианство. Подробности просвещения верою Христовою язычников неизвестны; потому что пожары, бывшие в 1557, 1632, 1635, 1637, 1673, 1688, 1711 и 1712 годах, истребляли несколько раз все церкви, которые тогда были деревянные, а с тем вместе и все старинные акты. Все, что сохранилось до настоящего времени, восходить только до тысяча семисотых годов.

Достоверная история водворения здесь христианской веры начинается с первой половины XVI столетия. Христианство появилось здесь вместе с заселением здешних мест выходцами из разных мест России.

№18.

Пермские епархиальные ведомости.

1882. № 11.

Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1881 год.

С. 153-161.

-153-

II. Деятельность комитета.

A. Инородческие школы.

Цель православного миссионерского общества состоит в распространении православной веры между несведущими истинного Бога инородцами нашего обширного отечества. К этой же цели направлена деятельность и Пермского миссионерского комитета, но достигается она пока не столько путем миссии или обращением в христианство инородцев-язычников, проживающих в Пермской губернии, сколько путем школьного воспитания юного инородческого поколения, и комитет полагает, что избранный им путь надежнее может привести его к главной цели, т.е. к обращению инородцев в христианство в более или менее близком будущем. Постоянное соприкосновение детей некрещеных инородцев с детьми русских, пример и научение в детском возрасте, особенно впечатлительном и

восприимчивом, скорее всего поселить в инородческих детях здравые понятия, познакомить и расположить их к христианству. Беседы местных священников и платы за нынешнюю квартиру, устраивается, на счет комитета и добровольных пожертвований, свой собственный дом, с помещением для учителя, на отведенной обществом усадебной земле, и по журналу комитета 23-го октября на постройку сего дома выдано уже 300 р. сер.; вся же стоимость этого дома будет простираться до 600 р. В отчетном году пожертвования на школы были книгами и учебными пособиями от Красноуфимской и Осинской земских управ. Из Синодальных складов и из Казанской духовной академии в отчетном году получено до 200 экз. книг на татарском и восточно-черемиском наречии. Законоучитель священник М. Чемезов от себя лично доставлял классные учебные принадлежности в Карзинскую и Больше-Тавринскую школы, на что по смете было назначено 20 рублей. Кроме того о. миссионер, протоиерей Иаков Братчиков, от 24 января сего года за № 9, донес комитету, что по его ходатайству Красноуфимска XII-е очередное уездное земское собрание назначило в пособие 4 миссионерским школам 100 рублей и сверх того 50 рублей собственно Ювинскому училищу, как истребленному пожаром. За все эти пожертвования комитет приносит полную свою благодарность жертвователям.

-154-

На содержание школ, наем помещений и на покупку книг в отчетном году израсходовано 1,473 р. 43 коп. в этом числе заключаются и 300 рублей, выданные комитетом для постройки Нижнее-Потамской школы и непредвиденные расходы на обзаведение сгоревшей Ювинской школы со всем ее имуществом.

Из отчетов о состоянии школ за 1881 год видно, что все местное народонаселение относится к инородческим школам благоприятно. Это подтверждается и фактами, свидетельствующими о том, что местное инородческое население действительно сочувственно относится к грамотности и, следовательно, ценит пользу и необходимость просвещения. Так, Ювинское волостное общество, как сказано выше, вместо сгоревшей школы выстроило на свой счет особое помещением для школы при волостном правлении. Нижне-Потамское инородческое население, желая упрочить у себя школу, отвело для постройки ее усадебное место. Священник А. Словцов в отчете о Нижнее-Потамской школе пишет: "русское население изъявляет желание лучше поддерживать своими средствами Нижнее-Потамскую миссионерскую школу, как ближайшую к их местности, чем свою местную, находящуюся в селе Ухтинском, за ее отдаленностью. Черемисы школу посещают охотно, особенно в дни не рабочие. В приезде законоучителя в школу, не случалось ему давать ни одного урока, чтобы при этом не было черемис, особенно черемис-стариков; в дни же не рабочие не

мало бывает и женщин. По пятницам черемисы приходят в школу иногда в таком большом числе, что учитель находит нужным прекращать свои школьные занятия для нравственно-религиозных бесед с посетителями”. Подобный же отзыв делает и священник Михаил Чемезов.

-155-

При этом не можем не обратить внимания и на то, что в школах миссионерских дело начального обучения по всем предметам идет не хуже, чем в местных земских школах, не смотря на то, что учителя инородческих школ получают за свой труд гораздо меньше учителей земства; так как бюджет на содержание инородческих школ составляется из добровольных взносов и пожертвований местных членов общества и жалование учителей не превышает 200 рублей. Таким образом, можно сказать, что местное отделение православного миссионерского общества с содержимыми им школами служит не только интересам веры, но является передовым цивилизатором в среде невежественного инородческого народонаселения, и можно быть уверенным в том, что инородческие школы оказывают величайшую услугу православию. Здесь дети не одни только поучаются истинной вере, но разносят семена учения и по своим семействам и таким образом не заметно содействуют миссионерской цели общества. Родители-инородцы расспрашивают своих детей – чему их учат в школах и дети рассказывают, что слышат

-156-

от своих учителей и о чем читают в книгах. Итак, инородческие миссионерские школы имеют не только образовательное и нравственное влияние как на учащихся в них детей, так и на местное инородческое население, но вместе с этим имеют и миссионерское значение, внося свет христианства в мрачную среду инородцев-язычников и ослабляя их грубые языческие верования.

В заключение отчета о школах, комитет свидетельствуя об усердии оо. Законоучителей и учителей инородческих миссионерских школ, долгомставляет для себя довести об этом до сведения настоящего собрания. Ваше благовольтельное внимание послужит для этих тружеников утешением и поощрением к дальнейшим еще более усердным и полезным для общества трудам.

Б. Инородческая миссия.

Хотя комитет с своей стороны признает весьма благовременным – открыть инородческую миссию среди черемисского населения в Красноуфимском уезде и для этого пригласить лицо специально приготовленное к делу проповеди с назначением ему достаточного вознаграждения: но не имея

для этого средств, осуществление своего желания оставляет до будущего времени. По этому же самому в отношении инородческой миссии, комитет в отчетном году не мог принять никаких мер к ее усилению и вся деятельность в отношении к инородческой миссии ограничивалась трудами временных миссионеров, священников: В. Корепанова, М. Чемезова и А. Словцова, которые в пределах своих приходов старались об утверждении новообращенных в христианской вере и доброй нравственности; но вместе с этим при всяком удобном случае обращались со словом христианской проповеди к черемисам и магометанам. Священник А. Словцов и в отчетном году по обязанности пастыря, заботясь об утверждении новокрещенных черемис, проживающих среди своих сородичей-язычников, и требуя от них исполнения христианских обязанностей в истинах св. веры и в христианской нравственности, посещал деревни с инородческим населением собственно для бесед с некрещеными черемисами и для сеяния в сердцах их слова Божия, при чем знакомил их с учением христианской веры, доказывая ее превосходство пред черемисским и магометанским верованием, указывая несообразность его с здравым разумом. Местом для бесед избирались дома новокрещенных черемис, а где таковых не было, то у черемис знакомых и влиятельных; в деревне же Н. Потаме беседы велись преимущественно в школе; равно и в деревне Агафоновской.

В этой последней в числе слушателей бывали и татары, приходящие сюда для своей надобности в волостное правление, или для посещения своих сородичей, обучающихся в здешней земской школе русской грамоте. По отзыву священника Словцова, черемисы на беседы собираются охотно и без всяких побуждений со стороны их начальства. Большая часть слушателей бывают мужчины и притом более или менее преклонных лет. Предметы собеседований, смотря по обстоятельствам, месту, времени и слушателям были различны. Заимствуем из отчета главное содержание собеседований. Так как черемисы считают свою веру Аврамовой, то беседа большею частью начиналась о чтимых ими ветхозаветных патриархов: Авраам, Исаак, Иаков и затем переходили к значению приносимых сими праведниками ветхозаветных жертв, преобразовавших смерть ожидаемого ими Спасителя Господа нашего Иисуса Христа и отсюда только заимствовавших свою силу. В настоящее же время жертвы эти не только не нужны, но и противны Богу. Не менее этого противно Богу и безрассудно поступают черемисы, принося жертвы злым силам (Керемети), берегу, воде, горе, лесу и другим предметам; а потому черемисы должны оставить такое богопротивное почитание тварей

и обратиться от своего грубого заблуждения к истинной христианской вере. В беседах сообщены были черемисам также

-159-

рассказы о жизни тех христианских святых, которых они чтут за богов как-то: о святителе Николае чудотворце, Василии Великом, Илии пророке. В этих рассказах разъяснялось черемисам, что это не боги христианские, а угодники и друзья Божии, наши ходатаи и молитвенники пред Богом, удостоившиеся особенной любви Божией и дара великих чудотворений за свою веру и любовь к Иисусу Христу, и за святую жизнь, согласную с Его учением. А потому, если черемисы чтут этих христианских святых, желают получить от них милость и помощь, то должны подражать им – должны веровать в Иисуса Христа, как веровали они, креститься, и жить по-христиански. Затем внимание пастыря обращено было также на обычаи черемис 1) праздновать христианскую пасху, называемую ими: Христов день или Духов день. Празднование пасхи черемисы начинают с великого четверга безобразным пьянством. После многократного разъяснения значения для всего рода человеческого страданий, крестной смерти и воскресения Иисуса Христа слушатели нередко сами осуждали свой безобразный обычай празднования пасхи, и даже давали обещание, особенно старики, оставить его. И

-160-

2) на суеверия черемис при погребении усопших и поминовении, основанные на нелепых верованиях и сказках о состоянии душ умерших, при чем предлагалось христианское учение о загробной жизни и о средствах к облегчению участи умерших, заключающихся в христианской кончине и в молитвах св. церкви. Беседы всегда сопровождались чтением Евангелия на русском языке. Это чтение “книги Христовой” – так черемисы называют св. Евангелие – по словам священника Словцова, черемисам весьма нравится и вызывает их на разного рода суждения о лице Иисуса Христа и Его учения, как хорошем и спасительном, которому, по их собственному сознанию, нужно следовать. Беседы каждый раз оканчивались евангельским рассказом о имеющем быть страшном суде Христовом и о безответности черемис на этом суде.

Можно думать, что пастырские беседы с некрещеными черемисами не бесследно проходят для их религиозного мирозерцания. Сообщая им истинное понятие о Боге, как Творце, Промыслителе и Искупителе, все эти собеседования не могут не подрывать их языческих заблуждений и предрассудков и, как видно, развивают в них даже любознательность относительно христианского вероучения. В числе черемис, по словам священника Словцова, есть такие, которые веру христианскую считают

верою Божиею, верою спасительною, которые по религиозным понятиям и по своей жизни не хуже многих христиан, но, к сожалению, и они не решаются сделать решительного шага ко св. крещению. Одни боятся оставить веру своих отцов, чтобы не оскорбить их, другие из опасения притеснения со стороны своих начальников и влиятельных между ними лиц, а еще более из-за семейных связей. Черемисская женщина – одно из главных препятствий к успеху христианской проповеди среди черемис. Будучи до крайности не развита и невежественна, живя замкнутою жизнью, вращаясь только около своего домашнего очага, женщина-черемиска имеет свой религиозный кругозор, свои верования, предрассудки, вся ее

-161-

жизнь основана на колдовстве и суеверии; поэтому истина Христова почти недоступна ее сердцу. Она не только не любопытствует узнать ее, но избегает всякого случая к этому и не может, подобно мужчине, хладнокровно поговорить о вере христианской. Да и после крещения черемиска не может отказаться от своих прежних языческих верований. К числу препятствий нужно отнести также и раскол, среди которого живут и вращаются ныне черемисы. Они прямо говорят, что раскольники не велят не только слушать священников, но даже и пускать их в деревню, и злобно понося христианскую церковь и священство, внушают, что “лучше и приятнее Богу быть черемисином, чем крещенным от никонаискаго священника”. Ко всему этому нужно присоединить и те печальные явления среди крещенных, как-то: пьянство, распутство и другие пороки, унижающие христианство даже в глазах самих язычников-черемис. Неусыпная пастырская заботливость и разумная грамотность признается лучшим средством к улучшению нравственности между крещеными инородцами и русскими, равно и к успеху христианской проповеди между черемисами-язычниками.

Деятельность священника М. Чемезова состояла также главным образом в обращении особенного внимания на религиозное состояние крещенных черемис, живущих

-162-

в его приходе в среде некрещенных, в охранении их от увлечения прежними языческими обычаями и привычками и для этого при посещении их домов для исправления разных христианских треб, им были делаемы пастырские внушения – как вести себя по-христиански, а также об исполнении ежегодно христианского долга исповеди и св. причастия, о необходимости чаще посещать храм Божий, приучать к этому и детей от малолетства. Затем священник Чемезов обращался с словом Евангелия и к некрещеным черемисам и даже магометанам, не смотря на уклонение последних от всяких бесед о вере. Последователи лжепророка, по обыкновению, слишком

ожесточенно относились к возвещаемому им слову Христову. Плодом миссионерской проповеди священника М. Чемезова было обращение ко св. вере 2 мужчин и 1 женщины.

Священником В. Корепановым в отчетном году присоединены к св. церкви две дочери новокрещенного из башкиров Матвея Кучумова, рожденные в магометанстве, и 1 башкир.

Миссионерской деятельности между кочующими остяками Верхотурского уезда в отчетном году не было, за перемещением бывшего временным миссионером Никито-Ивдельского священника Афанасия Позднякова в Красноуфимский уезд и за назначением на его место преемника.

Как ни скуден успех инородческой миссии, но комитет, как сказано уже выше, в настоящее время и не задается мыслию об обращении в христианство инородцев-язычников. Цель деятельности комитета состоит только в приготовлении почвы будущего сеяния семени слова Божия в среде несведущих истинного Бога.

№19.

Пермские епархиальные ведомости.

1882. № 23.

Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска.

(Продолжение).

С. 262-264.

-262-

**Церковно-историческое и археологическое описание г.
Соликамска. (Продолжение).**

<...> При заселении здешнего края пришельцами с Руси и до прибытия Строгановых в здешние места, и после того, как они, по занятии здешних мест, построили укрепленные городки Канкор (ныне Пыскор), Кергедан (ныне Орел), и острожки Чусовские, Яйвинский и Сылвенский, в 1558 – 1581 годах враждебные русским Сибирские народы вогуличи, остяки, нагайские татары, также башкиры и черемисы делали частые набеги на этот край, грабили и жгли городки, посады, погосты и деревни, убивали жителей и уводили в плен). И народонаселение Усожья Камского, как тогда назывался Соликамск, неоднократно терпело разорение от этих вторжений. В летописцах сохранились сказания о трех набегах на г. Соликамск в 1505, 1572, 1581 годах, но если судить по тому, что жители, убитые во время вторжений вражеских, похоронены в пяти разных местах, на которых построены часовни в дальнем друг от друга разстоянии, то должно положить, что Соликамск терпел разорение более трех раз, особенно если вспомнить, что первые пришельцы, поселившиеся в соседстве диких орд вогульских и

остяцких, до построения Строгановыми в 1558 и 1564 годах городков, при своем малолюдстве были совершенно беззащитны, не имея ни рати, в которой отказал им в 1552 году Царь Иоанн Грозный, оставив их на покровительство святителя Николая, ни укрепленных мест. Первый известный по летописям набег на Усолье Камское был в 1505 году.

-263-

Великая Пермь, главным городом которой был Чердынь, с 1472 года была подвластна Великому Князю Московскому. Князь Пермский Михаил, просвещенный св. крещением Ионою, и после него сын его Матфий Михайлович были данниками Руси и присяжниками Иоанна III. Но в 1505 году князь Пермский Матфий Михайлович сведен с отчины и управлять Великою Пермью послан от Великого Князя наместником в Чердынь князь Василий Андреевич Ковер. Этот первый наместник Государя Московского прибыл в Чердынь в неделю цветную. На другой день его прибытия или в понедельник на страстной неделе Кулук-салтан, сын Ивака-царя, тайно пришел из Тюмени чрез Уральские горы и неожиданно напал на Чердынь. Жители Перми Великой отразили Кулука от Чердыни, и он не мог завладеть городом, а устремился со своею ордою вниз по Каме, выжег и истребил селения, убивал жителей и брал в плен. От нападения его потерпело и Усолье Камское; какие именно опустошения произведены Тюменскою ратью в Соликамске, сколько взято в плен и побито людей, и где эти последние похоронены, неизвестно. Наместник Великой Перми по вскрытии рек устремился в погоню за грабителями на судах, догнал их на реке Сылве, отнял добычу и побил рать Тюменскую. Второй, известный по летописям, набег на здешние места, уже после построения Строгановыми крепостей на Каме, был в 1572 г. В 15 число июля сего года черемисы с толпами подвластных нам остяков (вероятно Сылвенских и Чусовских) башкирцев и буинцев, которых увлекли на свою сторону, устремились на Каму и около Канкора и Кергедана, ограбили купцов на Каме и побили 87 человек. Хотя в летописи и не упоминается, что черемисы делали нападение на Строгановские городки и на Камское Усолье, однако, тем не менее, вторжение это, бывшее так близко от Соликамска, касалось, как должно предполагать, интересов и жизни граждан Соликамска в лице торговых людей, ограбленных и избитых черемисами; из них некоторые может быть и принадлежали к торгующему сословию г. Соликамска, который при развивающейся тогда солепромышленности представлял первый после Чердыни важный торговый пункт. Грабители жестоко были наказаны. Яков и Григорий Строгановы, по указу Государеву, послали из своих городков ратную дружину за изменниками; некоторые из грабителей были побиты, другие взяты в плен, прочие приведены к присяге, обложены данью и дали аманатов. Кроме того, чтобы совершенно обуздать черемис от нападений на Пермские пределы,

Царь Иоанн Васильевич в 1576 году составил судовую рать. В этой рати под предводительством К.И. Тюфякина и головы Нарышкина были, между прочим, с Пермичами, Устюжанами, Белозерцами и Вычегжанами в сторожевом посту и Усолицы. Дальнейшие последствия этого похода против черемис неизвестны. Третий набег на г. Соликамск и другие места был в 1581 году. В то самое время, когда Ермак отправился со своею дружиною воевать Сибирское царство, Пелымский князь Кихек с мурзами Сибирской земли, с 700 воинов и с шайками Сылвенских, Косвинских, Иренских, Инвенских и Обвинских татар, остяков, вогулич, вотяков и башкирцов напал на Чердынь, в которой воеводою тогда был Василий Пеленицин и на Кай-город, хотя г. Чердыни взять не мог, но окрестные селения опустошил и пожег, оттуда устремился на Соликамск, где взял и сжег посад, укрепленный башнями и деревянным острогом, окрестные села разорил и умертвил многих жителей, защищавших город. Убитые во время этого вторжения похоронены на горе за городом на правой стороне большой дороги из Перми. И теперь видна их могила на песчаном холме, возвышающемся над городом; на могиле этой первоначально поставлен был крест, а ныне существует деревянная маленькая часовня, сколоченная из досок. Но разорением и опустошением вышепоказанных мест не ограничилось бедственное вторжение Пелымскаго князя. Дикие орды опустошителей их Соликамска направились вниз по Каме, напали на Строгановские городки Канкор и Кергедан, на Чусовские городки и на острожки Сылвенский и Яйвенский, опустошали все огнем и мечом и уже из-под Чусовских городков удалились в свои становища за Урал, узнав, что Ермак с казаками сделал вторжение в недра их собственной страны. Набег этот был самый сильный из всех прежде бывших, по многочисленности скопищ вражеских и самый губительный как по количеству городов и селений, опустошенных варварами на пространстве нескольких сот верст и по числу погибших от руки врагов, так и по жестокости, изуверству и кровожадности грабителей, которые нигде, никому и ничему не давали пощады, истребляя все огнем и мечом. Но, кажется, этот набег был последним и здешняя страна с этим последним опустошением избавилась от новых вторжений; в летописях нет больше известий о вторжениях Сибирских народов после этого. Да и нельзя было ожидать сего, когда Ермак в следующем 1582 году внес оружие в Сибирь и теснил тамошние народы в их собственной стране, покорил их и привел в подданство Государю Московскому.

№20.

Пермские епархиальные ведомости.

1882. № 42.

**Напоминание о распоряжении Святейшего Синода относительно церковно-исторического описания епархий.
С. 539-540.**

-539-

Напоминание о распоряжении Святейшего Синода относительно церковно-исторического описания епархий.

В 1850 году от духовно-учебного управления при Святейшем Синоде разослано было к епархиальным преосвященным циркулярное отношение, в котором изложено: «На усмотрение Святейшего Синода предложены были его сиятельством г. Обер-Прокурором Святейшего Синода (графом Протасовым) предположения духовно-учебного управления (изъясненные в особой, приложенной при отношении записке) о составлении церковно-исторического и статистического описания епархий, в виде пособия для изучения истории Российской церкви. Святейший Синод, сознавая вполне потребность систематического и основательного обработки истории нашей церкви и необходимость составить для того предварительно полное церковно-историческое и статистическое описание епархий по материалам, какие уже известны и какие могут еще найтись в местах духовного ведомства, одобрил с своей стороны предположения по сему предмету, изложенные в записке духовно-учебного управления, и в следствие того определением 19 мая – 6 октября сего года постановил: препроводить сию записку ко всем епархиальным преосвященным, поручив им озаботиться собранием всех нужных для сего дела сведений и затем составлением по ним церковно-исторического и статистического описания каждой епархии в порядке, предположенном в означенной записке; при чем предоставить преосвященным труды по собранию и составлению означенных сведений по епархиям возложить на кого либо из наставников местных академий и семинарий, или из лиц епархиального ведомства, известных им по своим способностям и особенно по любви к историческим исследованиям, с обнадежением, что труды их не будут оставлены от высшего начальства без должного вознаграждения; об успехе же занятий сим делом доносить по окончании каждого года».

В приложенной при отношении записке «О составлении церковно-исторического и статистического описания епархий», между прочим, сказано: «Этот труд не иначе может быть совершен, как при особенном содействии епархиальных преосвященных и под личным их руководством.

-250-

Посему признается весьма полезным и даже необходимым поручить каждому из преосвященных составить полное историческое и статистическое

описание вверенных им епархий, собрав для сего нужные сведения из подлинных актов, хранящихся в архивах и библиотеках консисторских, монастырских, соборных, также при архиерейских домах и в других местах епархиального ведомства, с тем притом, чтобы трудящиеся в этом деле не ограничивались обзором некоторых только документов, но подвергали тщательному рассмотрению все, какие только могут быть открыты в каждом месте».

В состав полного описания епархии могут входить, как части, следующие предметы: 1) Начало и распространение христианской религии в пределах каждой епархии. 2) Время учреждения самой епархии. 3) Епархиальная иерархия в непрерывном порядке, с кратким жизнеописанием архиереев, преимущественно тех, которые или по своей святости, или по другим каким обстоятельствам, заслуживают особенное внимание. 4) Монастыри, находящиеся в епархии. Здесь должны быть собраны полные исторические сведения о каждом из них, содержащиеся в монастырских актах и летописцах, где таковые есть; также должно быть составлено подробное описание всех актов и рукописей, какие где будут найдены. 5) Сведения о соборах, приходских, домовых и других церквях, с особенными указаниями на замечательнейшие из них по древности или по каким либо важным обстоятельствам. 6) Сведения о св. угодниках, почивающих в монастырях или других местах, с приложением полных списков их житий, или записей о них из летописцев монастырских, церковных и других. 7) Сведения о св. иконах чудотворных, явленных, или замечательных по особенной древности, с приложением сказаний и записей о них. Наконец, 8) сведения о благочестивых обычаях и установлениях, существующих в епархии, каковы: особенные посты, крестные ходы, путешествия для поклонения св. угодникам, совершаемые в определенные времена, и проч., с историческим указанием начала и повода сих учреждений“.

Составление общего описания Пермской епархии бывшим архиепископом Пермским преосвященным Аркадием поручено было, как помнится, инспектору Пермской семинарии иеромонаху Макарию (ныне епископ Нижегородский); между тем преосвященный Аркадий сделал распоряжение, чтобы благочинные и приходские священники применительно к вышеизложенной программе составили церковно-исторические описания своих приходов и церквей и представляли ему. Иеромонах Макарий выполнил 1 пункт программы; статья его «Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии» напечатана в № 2 «Журнала министерства народного просвещения» за 1857 г. Не имеем сведений, насколько исполнено распоряжение преосвященного Аркадия о составлении частных церковно-исторических описаний приходов и церквей.

№21.

Пермские епархиальные ведомости.

1882. № 46.

От Императорской археологической комиссии.

Почти во всех наших губерниях ежегодно, при распашке полей, при устройстве дорог и производстве разных других земляных работ, при обвалах речных берегов, после сильных проливных дождей или по убыли воды разлившихся рек, открываются различные древности, относящиеся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда в пределах нынешней России.

Не смотря на существующие у нас узаконения о сохранении находимых древностей, изложенные в приложении к ст. 539, ч. 1 т. X свода гражданских законов, из всех таких случайных находок только самая незначительная доля поступает в государственные древлехранилища и делается достоянием науки; большею же частью они или совершенно пропадают или слухи о нем появляются долгое время спустя после открытия, когда уже нет никакой возможности не только отыскать найденные вещи, но и собрать надлежащие сведения о том, что найдено, и о ближайших обстоятельствах, при которых была сделана находка.

Между тем, все такие находки, как бы ничтожны они ни казались, имеют в научном отношении чрезвычайно важное значение и требуют самого тщательного сохранения и описания.

Поэтому Императорская археологическая комиссия покорнейше просит всех, кому представится случай либо самим открыт какие бы то ни было остатки древности (как-то: каменные орудия, костяные, глиняные и металлические изделия, надписи, монеты и т.д.), либо узнать о находке таких вещей другими,

тотчас же извещать комиссию о сделанных открытиях и, если не представится каких либо особых затруднений, переслать ей и самые вещи или, по крайней мере, доставить ей подробное и обстоятельное их описание, а в случае возможности и рисунки.

При этом комиссия считает долгом обратить внимание на следующие пункты:

- 1) Случайно открытые древности находчик не обязан уступать бесплатно, но если пожелает продать их, то получает за них соответственное денежное вознаграждение, а именно не только цену по действительной стоимости золота, серебра или того вещества, из которого они сделаны,

но и особую добавочную сумму, сообразную с степенью древности и редкости найденных вещей.

- 2) Древности, которые находчик пожелает оставить за собою или комиссия почему либо не признает нужным приобрести, будут возвращаемы по принадлежности, с оплатою всех расходов по сему случаю.
- 3) Найденные древности могут быть доставлены или непосредственно в археологическую комиссию, на имя председателя ее (в С.-Петербург), или через местные статистические комитеты, с которым она, по соглашению с министерством внутренних дел, находится в сношениях по этому предмету.

-653-

В заключение, археологическая комиссия имеет честь обратиться как к местным начальствам, так и к частным лицам с покорнейшею просьбою содействовать ей по возможности к распространению вышеизложенных сведений преимущественно между сельскими обывателями, которым чаще всего представляется случай находить разного рода древности.

№22.

Пермские епархиальные ведомости.

1890. № 1.

Постановление Пермской духовной консистории.

С. 15-18.

-15-

Постановление Пермской духовной консистории

<...> Прихожан пермяцкого племени во всех десяти смешанных приходах 15527 душ мужского и 16335 женского. Всего из 20 чисто пермяцких и смешанных приходах прихожан пермяцкого племени 42971 мужского, а 45680 женского, обоого пола 88660 душ. Пермяки-мужчины говорят на пермяцком языке только между собой, а с русскими говорят по-русски, хотя и своеобразно; женщины-пермячки в большинстве инородческих приходов не только понимают русскую речью более или менее и владеют ею, только в 9 чисто пермяцких приходах большинство женщин русского языка не понимают, но и в этих последних местностях пермяцкое население постепенно русеет.

-16-

<...>Священники пяти чисто пермяцких приходов Чердынского уезда понимают пермяцкий язык<...>

№23.

Пермские епархиальные ведомости.

1890. № 6.

Назревший вопрос.

С. 147-149.

-147-

Назревший вопрос

На окончившемся недавно в Москве VIII археологическом съезде было немало рефератов, относящихся к области церковной археологии. Из них заслуживает особого внимания по своему чисто практическому значению реферат заведующего древлехранилищем при Александровском братстве из г. Владимир г. Георгиевского о введении науки церковной археологии в круг самостоятельных предметов, преподаваемых в духовных семинариях, и об устройстве епархиальных археологических музеев. Сущность этого доклада заключается в следующем. Памятники древности, по словам господина референта, исчезают с каждым днем все более и более. Против этого изыскивались в разное время разные меры, из которых самую верною признано – возбуждение в обществе интереса к древностям при посредстве широкого распространения в нем археологических знаний. К числу этих средств, по мнению референта, относится и преподавание археологии в семинариях. Важное значение ее в деле богословского образования несомненно уже потому, что она должна развивать в учениках не только любовь к церковной старине, но и уважение ко всему церковному, и может дать священнику сильное оружие в борьбе с расколом, где археология составляет положительную основу. Ученым академиком Ф.И. Буслаевым указана была и другая сторона этого вопроса, – что изучение церковной археологии принесло бы большую пользу русскому православному церковному искусству иконографии, находящемуся в упадке вследствие отсутствия в духовенстве и у художников археологических знаний. Но, не смотря на то, что мысль о необходимости развития археологических знаний среди духовенства давно уже существует, к сожалению, она не осуществилась еще до сих пор. Только в духовных академиях археология входит в составе учебных предметах. Благодаря этому, памятники церковной старины, в глухих местечках и селах, все гибнут и будут гибнуть.

-148-

До тех пор, пока все духовенство не выучится отличать древнее от нового, ценное от не имеющего никакой ценности. <...>

Необходимость археологических знаний для священников в приходах, где есть раскольники, признается всеми опытными миссионерами. Но для успешности и наглядности преподавания археологии в семинарии необходимо непосредственное ознакомление учащихся с памятниками

старины, для чего он проектирует устройство епархиальных музеев древностей <...> Могут быть открыты музеи и при семинариях, только их необходимо устраивать по известном плану, соответствующему педагогическим целям. В музей должны входить, кроме российских древностей, снимки с различных русских древностей классических, архитектурных, скульптурных. При современных успехах фотографии, все это удобоисполнимо и не потребует крупных затрат. Некоторые памятники могут постепенно приобретаться в гипсовых снимках и лишь немногие из них в подлинниках, если можно достать их пожертвованиями. Деньги на устройство таких музеев можно достать путем подписки, пожертвований от любителей русской старины. При существовании таких музеев, наука археологии будет поставлена на надлежащую высоту и возбудить в учащих сильный интерес к русской старине на всю жизнь.

-149-

Любовь к церковной археологии разовьется любовь к археологии вообще, и духовенство явится действительным помощником археологических обществ. Возражение по поводу этого предложения на съезде не было, те не менее учредительный комитет съезда отложил возбуждения ходатайства перед Св. Синодом о введении археологии в виде самостоятельного предмета в семинариях до предоставления больше точных и определенных начал автором, на которых можно было бы действительно осуществить все им предложенное.

(Церковные Вести, 1890, №5)

№23.

Пермские епархиальные ведомости.

1890. № 8,

Отчет

**о деятельности Пермского епархиального комитета, Высочайше
утвержденного православного миссионерского общества за
1889-й год, XVII-й времени открытия комитета.
С. 146-148.**

-146-

Отчет

**о деятельности Пермского епархиального комитета, Высочайше
утвержденного православного миссионерского общества за
1889-й год, XVII-й времени открытия комитета.**

Инородческая миссия:

На отчет комитета за прошедшие годы всем членам Пермского отделения православного миссионерского общества известно, что комитет

давно уже заботился об открытии самостоятельной инородческой миссии для обращения инородцев не христиан, живущих в Пермской епархии, к православной вере, путем живой миссионерской проповеди. В 1888 г. эта забота увенчалась было успехом. Иеромонах Троице-Сергиевой Лавры о. Иоанникий добровольно вызвался принять на себя дело евангельской проповеди черемисам и магометанам, живущим в Красноуфимском уезде. Комитет с радостью принял такой вызов и, назначив иеромонаху Иоанникию, как миссионеру, 300 рублей жалованья, командировал его в Красноуфимский уезд с тем, чтобы, имея место жительства в Нижнем Потаме при миссионерской церкви, он повременам посещал миссионерские черемисские школы, знакомился при этих посещениях с инородческим – языческим населением и вел дело проповеди евангельской. К сожалению, иеромонах Иоанникий не выполнил своего вызова: по трудности служения и по слабости здоровья в июне месяце отчетного года он отказался от своего миссионерского служения и возвратился в Сергиеву Лавру. Таким образом, комитет, в виду несостоявшейся миссии, опять должен ограничиться пока миссионерским направлением инородческих школ, в которых черемисские дети знакомятся с христианским вероучением и тем, чтобы священники, живущие в приходах с инородческим населением, в качестве временных миссионеров, заботились о привлечении их к христианству и для этого, по долгу пастырскому, чаще обращались к ним с евангельскою проповедью. Новозлатоустовского села священник М. Чемезов, с открытия комитета состоявший временным инородческим миссионером, в отчетном году оставил это

-147-

служение, по случаю перемещения его в г. Кунгур. Священник В. Корепанов продолжал свою миссионерскую деятельность между вотяками и башкирами Осинского уезда. В отчете своем он пишет, что пользовался всяким случаем для собеседования о святой вере с вотяками, но все его убеждения оставались тщетными. Как на главную причину этого, он указывает на усиливающуюся пропаганду со стороны магометан. Под их влиянием вотяки избегают и уклоняются от бесед о христианской вере, говоря одно: «Если креститься, то креститься нужно всем, а не по одиночке, чтобы не подвергаться насмешкам со стороны своих же однодеревенцев». Учитель Ювинской школы священник Д. Аптриев вел миссионерские беседы не только в своем приходе, в помещении Ювинской школы, но и вне своего прихода, например, в деревне Корзях в помещении школы, в деревне Бугалыше, Ключиках, и, по отзыву его, черемисы весьма охотно слушали его беседы о христианском вероучении и рассказы из священной истории, особенно когда чтение и беседы ведены были на черемисском наречии. Уходя домой, они высказывали желание прийти опять, если будет у них досуг, слушать такие хорошие рассказы и многие сдерживали свое слово. Здесь не неуместно

будет привести довольно замечательный факт. 5 июня, пишет священник Д. Аптриев, приходила к нему черемисская вдова-язычница, у которой он окрестил дочь; но эта последняя вскоре после крещения померла. Признавая причину смерти перемене веры, мать-язычница раскаивалась, что окрестила свою дочь; и вот она получает вразумление и утешение в сновидении, которое она и рассказала священнику. «Вижу, говорила она, будто она возле речки какая-то незнакомая девушка ведет за ручку маленькую девочку, одетую в белое платье. Поравнявшись со мною и указывая на нее, старшая спросила меня: узнаешь ли Мамея (так зовут вдову-язычницу), ведь это твоя Катюшка, которую ты окрестила? При этом я проснулась». Рассказав это, она прибавила: «Видно и вправду ваша вера хороша, потому, что моя Катюшка стала баская (красивая) и ходит с нянькой». 8-го июля эта же вдова, опять придя к священнику рассказала ему другой такой же сон: она опять видела свою Катюшку во всем белом и с той же нянькою. На вопрос ее: «Не плачет ли она?» Нянька ответила: «али она заплачет, то это будет стоить 100 рублей». После беседы о загробной жизни верующих во Христа и младенцев, удостоившихся святого крещения, вдова-язычница ушла утешенною и, когда соседки осуждали ее и осмеивали за крещение дочери, она смело защищалась, хваля христианскую веру, и сына своего поместила ныне в миссионерскую школу.

-148-

Еще другой факт. Сельский староста Ювинского общества Тайгуль черемис-язычник, по убеждению священника Аптриева, в 29-е октября, в Воскресенье простоял утреннюю Литургию в Савиновской церкви и это богослужение, виденное и слышанное им в первый раз в жизни, так подействовало на него, что он в тот же день с восхищением говорил о нем в волостном правлении и прибавил при этом: «Я бы еще 3-4 часа простоял, если бы не кончилась служба; пожалуй надобно креститься». Приведенные факты служат доказательством проявления в черемисах сознания превосходства христианской веры пред их черемисским верованием. По имеющимся в комитете сведениям, законоучителями миссионерских школ просвещено в минувшем году св. крещением: 1 вотяк, 1 магометанин, 4 черемиса и 1 черемиска, а всего 7 человек.

Особенные меры к распространению христианства между
иностранцами не христианами.

В видах более успешного достижения миссионерских целей, в заседании комитета 29 декабря отчетного года постановлено открыть в духовных училищах 6 стипендий для иностранцев для приготовления их к пастырскому служению в иностранных приходах и к учительству в церковно-приходских школах, на каковой предмет внесено в смету расходов на текущий 1890-й год 360 рублей. В 1888 году возбужден вопрос об открытии при миссионерских школах приютов для бедных черемисских

детей, или одного Центрального приюта в г. Красноуфимске. Этот вопрос остается пока открытым и возбужден в видах привлечения черемисских детей к христианству путем воспитания и обучения в школах.

№23.

Пермские епархиальные ведомости.

1892, № 24.

О церковных летописях.

С. 522-525.

-522-

О церковных летописях

В последнее время, в виду развития особенного внимания и любви к разработке отечественной истории. Пробудился интерес к собиранию древних рукописей, восстановлению древних храмов в первоначальном их виде, к собиранию редкостей и т.п. С этою целью устраиваются съезды археологов, учреждаются губернские археологические комиссии, имеющие заняться историей своего края.

Известно, что история всякого государства, и даже отдельного учреждения, создается на двух данных: одна есть история официальная, основная на отчетах, правительственных распоряжениях, законах и пр. – это есть история, видимая для всех и имеющая источниками официальные документы – дела, хранящиеся в архивах, другая же часть истории есть история внутренней жизни народа, его духа, настроения, нравственности, развития, как в религиозном, так и в умственном и экономическом отношениях. Источниками этого второго рода истории редко могут служить официальные данные, которые составляют большею частью, по данному образцу, и кроме цифровых данных заключают в себе мало сведений из внутренней жизни. Главными же источниками для этого рода истории служат или от-

-523-

дельные записки частных лиц, или переписка, а большею частью предания, передаваемые из поколения в поколение, рассказ старожилов, да и эти сведения переходя из уст в уста, представляются, наконец, в искаженном виде. Всех ближе к народу стоят наши сельские пастыри, эти руководители жизни человека в крестьянском быту. Народ поверяет им и свои радости, и свои горести, он советуется с ними в трудных обстоятельствах своей жизни, одним словом, сельский пастырь есть лицо, которому ближе всех знакома духовная, умственная, нравственная и экономическая жизнь прихода. Сельские пастыри есть, таким образом, единственные создатели источников для истории внутренней жизни народа. Они-то и должны быть Несторами своего прихода и летописцами правдивыми. Для ведения летописей по

приходам и церквям давно уже есть распоряжения и инструкции, но эти инструкции заключают в себе требования или слишком обширные, или же требуют составления, прежде всего, составления предварительно истории храма или прихода и пр., для чего священнику приходится перебрать, на скорую руку, весь архив, и по документам и по архивным делам составить историческую записку, которая требует немало труда и времени. Да такая историческая записка, опять-таки, будут служить пособием для истории официальной. Конечно, такая официальная летопись должна существовать <...>

Главное значение для истории народа имеет история неофициальная. Эта летопись может быть начата с какого угодно дня. Она есть нечто иное, как простая безыскусственная запись всего особенно выдающегося из жизни прихода. Она не требует ежедневного записывания, не требуется для ведения ее и литературного языка (так как дело в

-524-

фактах, а не слоге). Поэтому можно записывать в особую, находящуюся при церкви тетрадь, все, что заинтересовало священника в жизни прихода. Что такого рода записи могут впоследствии для историка принести великую пользу – это видно из того, что иногда и простая переписка между частными лицами, веденная без всякой предвзятой цели, для разработки истории в будущем имеет важное значение.

<...> Кроме такого важного исторического значения, эта безыскусственная запись (летопись) полезна и самому священнику. В большом приходе, или слишком разбросанном, или где есть живущие иноверцы, или раскольники, трудно многие из этих фактов удержать в памяти, а в особенности в старости, и вот такая-то запись при случае даст возможность представить обзревающему полную картину жизни прихода в известное время, указать в каких случаях и какие меры были принимаемы для уврачевания душ пасомых, а также благодетельные или бесплодные действия этих мер.

А какое величайшее благодеяние эта летопись может оказать преемнику! Представим себе молодого священника, только что кончившего курс учения и принявшего приход под свое руководство. Полный желания принести пользу своей пастве, он не имеет твердой почвы, на которой мог бы основать свою деятельность. Ему нужны годы для того, чтобы ознакомиться с характером, нра-

-525-

вами, образ мыслей своих духовных детей, а если есть летопись, то он прямо обратиться к ней, прочтет ее и она даст ему возможность составить полное понятие о тех людях, для которых будет духовным отцом.

В такого рода без искусственную летопись священников может помещать все то, что найдет необходимым для памяти, может заносить все отрадные и печальные явления в жизни прихожан религиозно-нравственной, общественной и семейной; отношения их к церкви, причту, воспитанию детей, факты из наблюдений за развитием прихожан, урожаи, неурожаи, причины плохого заработка на заводах, явления природы, грозы, градобития, а главное взгляд народа на такие грозные явления и пр., и пр. Такого рода летопись будет иметь весьма важное значение в религиозном, историческом, нравственном, бытовом, экономическом и политическом отношениях <...>

Преподаватель Екатеринбургской Женской гимназии А. Павлов

№24.

Пермские епархиальные ведомости.

1892, № 10.

Отчет

о деятельности Пермского епархиального комитета Высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1891 год*).
С. 352-355.

-352-

Отчет

о деятельности Пермского епархиального комитета Высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1891 год*).

<...>Вместе с занятиями грамотою девочки в этой школе по-прежнему изучают, под руководством учительницы, несложные рукодельные работы, а именно: вязание варежек, перчаток, обыкновенное шитье и вышивание по канве и в тамбур разноцветными нитками и шерстями, тkanie поясков. Будучи приурочены к быту учениц, работы эти особенно им нравятся; все девочки занимаются ими с усердием, а многие из них только и идут в школу. Расходы по покупке материалов для рукодельных уроков оплачиваются заботливостью г. попечительницы школы, пожертвовавшей на этот предмет в минувшем году 20 рублей, — учащихся в школе было: 7 черемисских и 7 русских, а всего 14 девочек от 8-13 лет.

В январе месяце отчетного года в Нижнем Потаме как среди населения, так и между школьниками появилась заразительная детская болезнь скарлатина, быстро и сильно развивавшаяся и унесшая не мало жертв в могилу. У самого учителя мужской школы, священника И. Удюрминского в течение трех недель переболело пятеро детей и только один из них спасся, остальные же все один за другим померли. Вследствие такого серьезного несчастья учение в обеих местных школах зимою 1890/91 учебного года по необходимости, по распоряжению уездного начальства, было приостановлено на продолжительное время для предупреждения заболеваний

в среде учащихся, и в виду происшедшей отсюда недостаточности подготовки последних пред летними каникулами как в той, так и в другой школе выпускных экзаменов не было.

е) Больше-Гондырская школа – имела пред выпускными экзаменами: 13 вотяцких и 11 русских, а всего 24 мальчика 8-15 лет; Из этого числа 2 русских мальчика получило право на льготу по воинской повинности. С сентября месяца до января 1892 года занятий в этой школе не было, за увольнением от службы прежнего учителя Н. Капралова и за неприисканием долгое время квартиры под школу. Обстоятельство это требует некоторого пояснения. Давно уже известно, что вотяки деревни Б.-Гондыря очень склонны к магометанству и что оно свило себе прочное гнездо здесь. Понимая, какое значение должно иметь для местного населения православная миссионерская школа, магометане еще при самом возникновении ее сильно агитировали против нее

-354-

и в последующее время не раз пытались на вредить ей так или иначе. Чтобы отклонить вотяков от обучения в ней детей, они даже открыли здесь в одно время свою школу. Школа эта, конечно, тотчас же была воспрещена полицией и последователи ислама, потерпев в этом не удачу и не видя возможности изгнать миссионерскую школу, с течением времени стали, по-видимому, более спокойно относиться к ней; по крайней мере число учащихся в ней инородцев-вотяков начало постепенно увеличиваться и в конце восьмидесятых годов возросло до крупной довольно цифры (40-43). Но вот в 1889 году в Гондыр и в том же самом здании, где была школа, открыт был временный православный молитвенный дом и магометанская пропаганда снова ожила. В 1890 году магометане уполномочили даже двух своих выборных ходатайствовать пред высшим начальством о закрытии молитвенного дома. Хотя последствием такого приема и было запрещение (с отобранием от выборных подписок) местным вожакам подавать на будущее время подобные просьбы, хотя далее уездною полицейскою властью и сделано было ранее еще этого распоряжение, чтобы тамошнее волостное начальство строго следило за действиями магометан, ничуть не дозволяя муллам совершать богослужения свои в Гондыре, но, по сообщениям законоучителя школы, священника Василия Корепанова, враждебные действия магометан не только не прекращались, а даже усиливались. Так например, на пасхальной седмице 1891 года муллы не однократно приезжали в деревню В.-Гондыр и совершали моления в домах, уклонившихся в магометанство вотяков. Были случаи, что магометане осмеливались даже кидать камнями в тех, кто начинал звонить в имевшиеся при молитвенном доме колокола. Ясно само по себе, что при этом не оставлена была в покое и самая школа. Под давлением враждебной партии многие из родителей-вотяков перестали отпускать в школу своих детей, и поэтому число их в

школе постепенно стало упадать и ко времени летних каникул их было уже, как выше сказано, только 13. Не довольствуясь этим, означенная партия решила лишиться школы настоящего ее помещения и воспрепятствовать приискать другую для нее квартиру, чтобы таким путем принудить школу совершенно удалиться из деревни. С этою целью несколько единомышленников угрозами и заманчивыми предложениями склонили бывшего учителя Капралова,

-355-

в доме которого школа имела доселе квартиру, продать этот дом в их собственность. Дом, по мнению о. Корепанова, стоит приблизительно не дороже 300 рублей, а они купили его за 900 рублей. Эти цифры ясно обнаруживают расчеты и намерения покупателей, которые, став хозяевами дома, тотчас же отказались предоставить дом в дальнейшее пользование школы. Предпринятые священником Корепановым поиски новой квартиры первоначально не привели ни к чему, так как хозяева сколько-нибудь годных под школу домов не соглашались пустить школу из понятного опасения за целостность своего имущества, и школа действительно на долгое время осталась без квартиры и имущество ее было передано на хранение одному местному крестьянину.

Для устранения подобных неприятностей на будущее время весьма желательно было иметь свое помещение и свой клочок земли и для этой школы, было начато в этом дело, обещавшее, по-видимому, успех, но к прискорбию оно где-то затормозилось и комитету не известно, чем оно кончилось. Но Господь не попустил, чтобы язычество восторжествовало над его св. церковью, небольшою по количеству, но крепкою верою. Помощь этому делу явилась неожиданно. 2 сентября священник Корепанов лично вручил Его Преосвященству следующее заявление: «Сим честь имею заявить Вашему Преосвященству, что один из православных, именно крестьянин Николай Соловьев, имеющий арендованную усадьбу в деревне Большом-Гондыре, пожертвовал под школу и походный алтарь деревянные службы в 18 рядов, длиною 15 аршин и шириною 11 аршин и желает, чтобы в этом доме помещалась школа и церковь, но для окончательной постройки средств не имеется, потребуется же денег до 200 рублей, эту сумму, необходимую для полной постановки здания, я намерен употребить из собственных средств, а потому покорнейше прошу Вас, Преосвященнейший владыко, разрешить мне приступить к постройке квартиры под походный алтарь и школу». Получив немедленно разрешение на это благое дело, священник Корепанов тотчас же приступил к работам, каковые в нынешнем году уже и закончены. Таким образом, усердие одного ревнителя святой веры спасло дело миссии.

3. Состояние миссионерского дела.

В минувшем году о.о. законоучителя школ по прежнему знакомили инородцев с евангельским учением. Священник Корепанов, как уже можно было усмотреть из сообщения о Больше-Гондырской школе, мало имел возможности беседовать с местными инородцами – вотяками, встречая в этом сильное противодействие со стороны магометан. Даже христиане, проживающие в инородческих домах, вследствие их влияния, избегали, как утверждает о. Корепанов, принимать у себя в квартирах священника, так как это не дозволялось хозяевами. Священник Ювинской миссионерской церкви о. Аптриев пользовался всяким случаем к беседам о вере с окрестными язычниками, беседовал с ними в школе, куда они часто заходят слушать занятия, беседовал и при исполнении своих обязанностей в селении. Также поступал и священник Н.-Потамской миссионерской церкви о. Удюрминский.

Последняя лица действовали в среде черемис, в среде, более расположенной к восприятию св. учения. Новое слово веры здесь тем сильнее действует на умы и сердца поклонников кереметя, что слово это исходить из уст их же бывших собратий по верованиям. К ним они естественно должны относиться с большим доверием и слушать с большим расположением, чем кого-либо из чуждых им, хотя и более опытных, специальных проповедников. Семена христианства, брошенные в сердца юных питомцев миссионерских школ – этих рассадников христианских воззрений, здесь начинают уже приносить добрые плоды. Многие вышедшие из школы дети черемис не оставляют общения со своим бывшим учителем и в последующее время, берут от него книги, с уважением слушают его беседы и вообще принимают совсем не языческий образ мыслей. Сознывая тщету язычества, они в совершенном возрасте проявляют склонность к принятию православной веры, а чтобы не быть в этом единственными, являются в среде своих сородичей поборниками св. церкви и стараются привести в лоно ее не только своих сверстников, но и родителей. Родители же, как закоснелые язычники, всячески препятствуют к приведению в исполнение этих похвальных порывов молодежи. Испробовать все имеющиеся в их власти средства к возвращению своих

детей к прежним их верованиям, отцы стараются запугать их разного рода, – страшными, по их мнению, – клятвами, каковы, например: «Сын мой, если ты крестишься, нет тебе ни от меня, ни от соседей благословения, чтоб тебе захлебнуться в той кадке, в которой тебя будут крестить: чтоб тебе ослепнуть; руки, ноги твои высохли бы как лучники; кереметь бы от тебя не отступался; как лист, который остается на зиму на дереве, трясется, так бы тебе трястись всю жизнь» и проч. Когда клятвы не достигают цели, родители приносят жертвы своим богам, обращаются к деревенским колдунам и знахарям, которые наговаривают на пищу, на одежду и др., дают денег на молитвы магометанским муллам, которые со своей стороны принимают всевозможные меры к отклонению язычников от христианства. Не видя пользы ниоткуда, они наконец обращаются к св. Николаю-чудотворцу, чтобы он, святитель, не допустил их детей до св. крещения. Несмотря, однако, на все усилия язычества, раз постигшие сущность христовой веры не могут уже вне ее найти удовлетворения своему религиозному чувству.

В июне месяце отчетного года в Нижнем Потаме принял св. крещение один из лучших питомцев выпуска 1879 года местной школы, и в тоже время наиболее разумный и по сему пользующийся уважением между своими соплеменниками черемисин Тихон Еметев. С ним г.г. члены миссионерского общества уже достаточно знакомы, ибо он давно уже познал христианскую истину и сделался даже не скудным благотворителем на пользу миссионерского просвещения, он именно, как было упоминаемо в прежних отчетах комитета, с открытия женской школы в Н.-Потаме несет на себе заботы по отоплению ее помещения. Ни запрещение отца, ни просьбы жены, ни угрозы других фанатиков не могли поколебать его решения окончательно стряхнуть ныне прах язычества и присоединиться к православию. Пред самым совершением таинства отец Тихона, не имея уже сил более бороться с ним, обратился к священнику Удюрминскому, как главному виновнику духов-

-387-

ного перерождения просвещаемого, чтобы он не крестил последнего хотя в местной церкви, а где-либо в другом храме, «чтобы не видели», – говорил он, – «мои глаза позора нашей веры». Вследствие этого Тихон был крещен в г. Красноуфимске о. протоиереем Братчиковым.

Поступок Тихона не остался без подражания: в селе за ним оставили язычество еще несколько молодых черемис.

Нужно ли говорить, что эти факты торжества истинной веры крайне озлобили язычников, уже и без того враждебно настроенных против христиан. Бессильная ярость их сказалась в конце года в следующем происшествии. Вечером 31 декабря несколько черемис, бывшие в нетрезвом виде по случаю праздника и свадьбы одного из язычников, неожиданно напали на новокрещенного Тихона Коробова (Еметева) близь его дома и

начали наносить ему побои. На помощь притесняемому явились защитники их христиан, а в подкрепление нападавшим вышли другие язычники и дело приняло характер настоящего побоища, которое было прекращено благодаря только прибытию полиции и потерпевшими в котором явились едва не все принявшие христианство местные черемисы. На другой день был составлен полицейский протокол о случившемся, но преследования виновных не было учинено, так как сами потерпевшие явились ходатаями за своих притеснителей, сами просили не возбуждать дела. Вот что, между прочим, пишет по поводу этого нападения бывший вскоре в Н.-Потаме член Красноуфимской земской управы С.М. Коробов, горячее участие которого в судьбе новокрещенных заслуживает особенной похвалы и благодарности комитета: «Нападение это, говорят, было обдуманно ранее черемисами язычниками и было вызвано не житейскими какими либо соображениями, не материальными выгодами, а лишь грубым фанатизмом язычества, руководимого его главными вожаками, которым, как известно, сильно режут глаза лучи евангельского света, все более и более проникающие в поддерживаемую ими тьму. Напали и сильно избили – факт этот с внешней стороны как-будто и не замечателен, но – нет, скажу я: и самый случай этот крайне важен и обстоятельства, его сопровождавшие, в высшей степени чудны и замечательны! Я говорю это о том чистом и удивительном христианском смирении и радости, с какими приняла “биение Христа

-388-

ради” эта еще молодая, но уже крепкая духом христианской любви Потамская церковь”... «Все они (потерпевшие) просили дела не возбуждать, просят за бивших их и вместе с тем радуются. Я даже засмеялся, когда Игнатий*), рассказав мне эту историю, кончил следующими и, видимо от души исходящими, словами: «А вот я, по грехам моим, не удостоился»... Да чего, – спрашиваю его, – ты не удостоился?» «А пострадать-то за Христа не довелось мне», – отвечал он. В этих простых и от христианского сердца сказанных словах кроется для нас, а особенно для меня, великий урок к смирению; не вольно подумаешь: как я далек от Христа».

В отчетном году трудами вышеозначенных лиц просвещено св. крещением 7 черемис – язычников и 5 магометан, а всего 12 человек. Оказывается теперь необходимость в постройке особого дома для первоначального приюта вновь окрестившихся черемис: оставаясь в своей сфере язычества, они терпят притеснения и обиды со стороны семейных своих. Да пошлет Господь ревнителей св. веры и благодетелей на это доброе дело! Средства комитета слишком ограничены для этого.

№25.

Пермские епархиальные ведомости.

1895. № 8,

Отношение Императорской Археологической комиссии на имя Его Преосвященства, от 23 января 1895 г. №82.
С. 125.

-125-

Отношение Императорской Археологической комиссии на имя Его Преосвященства, от 23 января 1895 г. №82.

Императорской Археологической комиссии известно, что в некоторых церквях управляемой вашим Преосвященством епархии имеются пожертвования прихожанами древни серебряные вещи, случайно находимые при распашке полей. В виду того, что означенные вещи не имеют значения принадлежащих до богослужения и церковного обихода, а между тем представляют собою большую важность для науки и должны быть охранены от случайной утраты, что не может быть достигнуто лишь сосредоточением их в Государственной сокровищнице, Императорская Археологическая комиссия считает себя обязанною просить Ваше Преосвященство рекомендовать причтам и церковным старостам Пермской епархии все такие находки доставлять в комиссию для предоставления их на Высочайшее ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА воззрение и для передачи затем в Императорский Эрмитаж. Вместе с сим Императорская Археологическая комиссия считает долгом уведомить Ваше Преосвященство, что за таковыми находками будет назначено денежное вознаграждение значительно более стоимости металла, или же, по желанию, будут высылаемы в обмен на них церковные вещи

№26.

Пермские епархиальные ведомости
1895. № 18,

Путешествие Преосвященного Петра, Епископа Пермского и Соликамского, по Осинскому и Оханскому уездам для обозрения церквей.
С. 284.

-284-

Путешествие Преосвященного Петра, Епископа Пермского и Соликамского, по Осинскому и Оханскому уездам для обозрения церквей.

<...>8-го числа в 11 часов утра, при громадном стечении народа, Его Преосвященство, напутствуемый горячими благожеланиями и благодарностью, отбыл в деревню Большой Гондыр. Жители этой деревни в абсолютном большинстве идолопоклонники – вотяки и только незначительная часть живет в ней православных жителей, занимающихся преимущественно торговлею. Гондыр всегда был предметом особенных забот миссионерской деятельности: в ней основано миссионерское училище

и избран даже дом для совершения православного богослужения. Но дело проповеди христианской там туго идет вперед, что объясняется более всего тем, что вотяки испытывают на себе сильное влияние мусульманских учителей, к последним вотяки стоят ближе, и у них обоих есть много общего в нравах и обычаях, а по одежде и головному покрою их даже нельзя отличить. Требуется особенная забота и усилия, чтобы положить там твердое основание православной вере и расположить диких сынов Пермской земли к принятию истинных понятий о Боге и назначении человеческой жизни. <...>

№26.

Пермские епархиальные ведомости.

1895, № 23.

Торжество освящения храма в черемисской деревне Большая Карзи, Красноуфимского уезда.

С. 408.

-408-

Торжество освящения храма в черемисской деревне Большая Карзи, Красноуфимского уезда.

Черемисская деревня Большая Карзи расположена по дороге между селами: Сажинским на расстоянии от него 10 верст и Новозлатоустовским 10 верст и от большого завода Артей в 18 верстах. Карзи окружены русскими деревнями: Бараба в 1 версте, Омелькова 2 в., Бочкари 4 в. и Волокушина 5 в. Во всех этих деревнях гнездится раскол разных сект. В Карзях 200 домов, в том числе насчитывается до 25 домов давно крещеных из черемис, кои, впрочем, мало чем отличаются от язычников черемис, ибо носят одежду черемисскую, говорят черемисским языком и придерживаются черемисских обычаев и суеверий. Потребность в храме ощущалась здесь давно, даже черемисы-язычники желают иметь в своей деревне христианский храм.

11 июля 1894 года Преосвященнейший Петр, Епископ Пермский и Соликамский проезжав, после освящении храма в черемисской деревне Тавре, через Сажинское село в завод Арти, изволил побывать в миссионерской Карзинской школе. Карзинцы знали, что Владыка (набольший мулла) поедет мимо них деревни, в множестве собрались к школе, было много православных и раскольников из окрестных деревень, мужиков, баб и ребят. Владыка, милостиво разговаривая с народом, узнал, что в деревне много новокрещенных и около — раскольников; видимо, местность ему понравилась и народ простодушием произвел благоприятное впечатление на сердце Архипастыря, и он возгорел желанием помочь Карзинцам — построить церковь в Карзях; но где взять средства? Проезжая обратно домой в Пермь, Преосвященнейший должен был пробить несколько

дней в г. Кунгуре, и тут Господь Бог послал благотворителя в лице русского купца Сергия Михайловича Грибушина, который пожертвовал нужное количество денег на постройку Карзинского храма

-409-

и поручил архитектору Красноуфимского земства Г.В. Манохину составить план и смету, как человеку рачительному при постройках миссионерских церквей. Г.В. Манохин построил уже две церкви (в Тавре и Сарсахе), составляя планы и следя за работами единственно по ревности к миссионерскому делу, без всякого материального вознаграждения, за что черемисы его зовут своим благочинным. Карзинцы, по предложению и настоянию г. земского начальника Сангайло, дали десятину земли, высказав свое желание в приговоре построить церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, чтимого всеми язычниками. Г. Грибушин пожелал сделать в церкви два алтаря: во имя Сергия, Радонежского Чудотворца, и Царицы Елены, Карзинцы желают устроить храм во имя Николая Чудотворца, – как тут быть? Господь Бог помог: вдова Красноуфимского мещанина Евдокия Сибирякова, проживающая и торгующая в д. Карзях, пожертвовала сто рублей на постройку третьего алтаря во имя Николая Чудотворца. 30 апреля 1895 сего года, по благословению Преосвященнейшего Петра, Епископа Пермского и Соликамского, о. благочинным священником Иоанном Луканиным, в служении пяти священников, заложен был в Карзях храм.

16 июля сего года по освящении тем же о. благочинным Луканиным, в сослужении трех священников, подняты кресты и повешены колокола, пожертвованные почтенной матерью С.М. Грибушина, а к 10 сентября храм был готов уже к освящению.

Накануне освящения (9 сентября) прибыли о. благочинный свящ. И. Луканин, окружный миссионер свящ. Н. Распопов и священники: Д. Попов, С. Бабин, д. Аптриев, И. Чирков, местный В. Марченко, оо. диакона: Кокшаров, Фаддеев и Юмашев и четыре псаломщика. Ровно в 6 часов начал всенощное бдение свящ. Бабин с диаконом Кокшаровым. Служение было чинное, не торопливое, строгоуставное, так как в церковь пришло много раскольников. На литию и величание вышли все священнослужители. Народа было много и многие ночевали в храме, не имея квартиры и не желая ночевать в грязной черемисской избе.

В 8 часов началось освящение храма нужно заметить, что врагами православия: раскольниками и татарами был распушен слух, что когда освящают престол, заколют ребенка, кладут его под пре-

-410-

стол, а кровью моют последний; поэтому язычники все желали видеть, как освящают престол, в чем им не было отказа.

Освящение совершали 8 священников с 3 диаконами при стройном пении 4-х псаломщиков с мальчиками. За литургией о. Распоповым было сказано приличное случаю поучение на слова «освяти любящая благолепие Дому Твоего». По литургии и по молебне с провозглашением трех обычных многолетий тремя диаконами народ весь был принят к св. кресту с окроплением св. водой, подходили к кресту некоторые раскольники, подставляли и черемисы, которых было много в церкви, свои остриженные головы для окропления св. водой.

В 2 часа кончилось церковное торжество; все духовенство отправилось в дом жертвовательницы г. Сибиряковой со св. крестом и водой, а оттуда в здание училища, где был предложен чай и обед, на котором, кроме духовенства, были: г. земский начальник 2 уч., пристав 4 ст., шурин С.М. Грибушина Н. Краев, архитектор Манохин и др. почетные лица.

Итак, по воле Божией, с благословения нашего Архипастыря, Преосвященнейшего Петра, Епископа Пермского и Соликамского, на средства от Правительства, с помощью благотворителей, в течение двух лет воздвигнуты и освящены три миссионерских храма в Красноуфимском уезде: Тавринский, Сарсинский и ныне Карзинский.

Священник Ст. Бабин.

№27.

Пермские епархиальные ведомости.

1896, № 14.

Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1895 год.

С. 275-276.

-275-

**Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета
православного миссионерского общества за 1895 год**

<...> местное вотское население относится к школе сочувственно, требуя, чтобы она научила их детей говорить, читать, писать по-русски. Однако появление в их деревне священника вызывает в них глухую тревогу за свою веру; даже появление местного учителя Семенова, православного, совершенно обрусевшего по всем манерам человека, было неприятно

-276-

на первых порах жителя – вотякам. В общем все же к школе своей расположены, так что посылают учиться в школу даже подростков, не смотря на то, что они могут быть нужны в домашних работах; в числе учащихся один вотяк 17 лет, сын местного старосты<...>

№28.

Пермские епархиальные ведомости.

1898, № 1.

Посещение церквей Его Преосвященством, Преосвященнейшим епископом Пермским и Соликамским в 1897 г.

С. 5

-5-

<...> природа там суровее по сравнению с другими уездами; пермяки бедны; некоторые селения по случаю недорода хлеба, получают вспомоществование от земства. Тем усердие их ко храму, выражающееся в посильных жертвах не меньше, если даже не больше коренных русских. Заезжаешь в селение, видишь полуразвалившиеся домики, бедный народ, а заходишь в храм – душа радуется. И народ простой, набожный <...>.

№28.

Пермские епархиальные ведомости.

1898, № 2.

Обозрение церквей Его Преосвященством, Преосвященнейшим Петром, епископом Пермским и Соликамским в 1897 году

С. 9-10

-9-

Обозрение церквей Его Преосвященством, Преосвященнейшим Петром, епископом Пермским и Соликамским в 1897 году

<...> 29 числа Владыка прибыл в *Верх-Юзвинское село*. <...> Прихожане здесь пермяки Их легко можно заметить по низкорослости, угловатости; выглядят они какими-то тщедушными, болезненными и подслеповатыми; одеты они довольно бедно; одежда мужчин мало отличается от одежды русских, а женщин пермячек далеко можно было отличить по их оригинальным головным уборам. Мужчины говорят по-русски, а женщины очень мало. Пермские деревни совсем не похожи на русские. Дома без дворов; крыши на них худые, дымовых труб нет; вместо окон какие-то дыры, небольшие продолговатые отверстия, какие у нас делаются на конюшнях или погребах, входные двери маленькие, без крыльца. Для домашних животных нет никаких пристроек, они шатаются повсюду, а мелких животных на зиму берут к себе в избу. В избе темно, грязно.

-10-

Воздух невозможный. Пища их скудная. Главным и насущным для пермяка питанием служит брага; без браги, говорят, пермяк умер бы, а между тем она, по своей хмельности, составляет все зло для пермяка. Как только начался день, пермяк берет чашку-две браги и, прикусывая незатейливым куском черного хлеба, так позавтракает, что сразу охмелеет и делается совершенно

апатичным ко всему, его ничего не интересует, ничто особенно не радует и не печалит, все, говорит, ладно; в течение дня еще и еще несколько раз добрых приемов бражки, и есть ничего не хочется, и делать тоже, глядишь – и вечер настал, пора и спать, а на сон грядущий ковшичек-другой бражки. На утро встает опять с отуманенной головой и опять за бражку... Даже грудных не лишают этой бражки: нальют на рожок ребенку, попьет дитя бражки и спит, никого не тревожит; ни холод, ни стужа, ни духота, ни грязь, ничто его не смущает. Таким образом, пермяки от природы алкоголики. Правда, они скоро и стареют, и скорее всего слепнут, женщины в 35 лет кажутся старухами. Несмотря на такую неприглядную сторону пермяков, они отличаются добродушием, гостеприимством, религиозны и усердны храму Божию. И нельзя отнять у них природной способности в торгово-промышленной предприимчивости и способности поддаваться условиям культуры<...>

№28.

Пермские епархиальные ведомости.

1898, № 7.

Освящение храма в дер. Большом-Гондыре, Осинского уезда.

С. 407.

-407-

Освящение храма в дер. Большом-Гондыре, Осинского уезда

<...> Как уже известно из отчета миссионерского Комитета за 1895 год, первоначальная мысль о постройке православного храма в дер. Большом Гондыре, среди языческого вотяцкого и башкирского населения возникла назад тому более 15 лет, но вследствие неблагоприятных обстоятельств не могла осуществиться ранее 1896 года. В 1895 г., благодаря личным увещаниям Преосвященнейшего Петра, епископа Пермского и деятельному участию в сем деле местного земского начальника г. Болотова, вотяки двух деревень Большого и Малаго Гондыра отвели в дар, на вечное время, Пермскому епархиальному комитету православного миссионерского общества три десятины земли для возведения на этой земле нужных построек: церкви, школы и домов для причта. Дар этот сделан вотяками в память бракосочетания Их Императорских Величеств. Теперь миссионерскому комитету предстояло отыскать средства на постройку церкви-школы. Сделана была попытка осуществить предположение покойного священника В. Корепанова о перевозке из соседнего села Аряжа старой деревянной церкви, но бесполезно: нашлись в среде прихожан противники и отказались отдать эту церковь. Но не напрасно говорится, что “доброму делу помогает сам Бог”, и эта истина оправдалась на деле. Сарапульский купец Степан Никифорович Дедюхин, через одного из своих знакомых, узнав о затруднении пермского епархиального миссионерского

комитета в постройке храма Божия среди язычествующего населения в Большом Гондыре, обратился к Его Преосвященству с письмом, в котором изъявил свое усердное желание придти на помощь миссионерскому комитету и построить на свои средства деревянный храм, особое помещение для школы и дом для причта. Можно было представить себе, с какою благодарностью принято было Его Преосвященством такое неожиданное предложение г. Дедюхина! По архипастырскому благословению Преосвященнейшего Петра, епископа Пермского, по плану, утвержденному Пермским строительным отделением, храм был заложен в 15 числа мая 1896 г., а в ноябре того же года он был уже готов, снабжен прекрасною церковною утварью, ризницею и всем необходимым для совершения богослужения. Иконостас очень красивого рисунка и хорошей работы с резьбою, вызолоченною на полименте, на колокольне, полный звон из 5 колоколов, церковь, могущая вместить 400-500., – все это производит, как внутри, так и снаружи, приятное впечатление. Вблизи церкви построен двухэтажный деревянный дом – вверху помещение для священника, а внизу для псаломщика, и особый дом для помещения миссионерской школы с пристройкою квартиры для учителя. Стоимость всех исполненных г. Дедюхиным построек простирается свыше 15 т. рублей. <...>

№28.

Пермские епархиальные ведомости.

1904, № 34.

С. 445-452.

Струминский В.Я.

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

-445-

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном

Современные “пермяки” представляют собой южную ветвь того племени, которое было известно в древности под общим именем Перми и которое включало в себя не только предков нынешних “пермяков”, но наравне с ними и предков нынешних зырян. Вместе с зырянами пермяки представляют собой одну из отраслей финского племени и были известны в древности еще и под другим именем – Чуди. Имя “Чудь” есть более общее имя, чем Пермь и обнимало в своем понятии несколько других народностей помимо пермяков и зырян. Различают, например, – Чудь угорскую (остяки и вогулы) и Чудь финскую (вотяки, зыряне, пермяки). Все эти племена и еще другие, кроме них, обитали с неизвестного времени в пределах нынешней Пермской губернии и уже в самом непродолжительном времени после начала Русского государства становятся известными, как данники Новгорода, а с

усилением и возвышением Москвы переходят под ее власть. Усиленная колонизация русских в пределы обитания этих племен привела к тому, что в наше время многие из них или вымирают, не имея возможности бороться за свою жизнь в условиях полного превосходства русского племени и русской культуры, или же сливаются с русским населением, обезличивая, благодаря родству с ним, свой коренной инородческий тип и теряя свою особенную, племенную культуру. Пермьки составляют главный процент инородческого населения Пермской губернии и в настоящее время живут, главным образом, на правой стороне реки Камы – в северной части Оханского уезда, северо-западной Соликамского и юго-западной Чердынского; а по левую сторону Камы только в Соликамском и Чердынском уездах – по р.р. Колве, Язьве и Вишере, всего – в количестве 99 тысяч приблизительно. Близкие

-446-

и частые, благодаря колонизации, сношения с русскими отразились очень значительно и на пермяках. Если и не все из них потеряли еще свой инородческий тип, то почти все более или менее уже прикоснулись цивилизации и культуре русского народа. Почти все пермяки крещены, почти все они имеют зачатки христианских понятий, по крайней мере, в их внешней форме. Вместе с русскими пермяки почитают христианских святых, ходят в церковь и т.д. Первое соприкосновение русских с пермяками было уже началом культурного просвещения последних, оно открыло путь к изменению их языческих религиозных и нравственных понятий. Нынешнее религиозное и нравственное состояние этого наибольшего из инородческих племен Пермской губернии становится особенно интересным, если припомнить те особенные условия, в какие было поставлено историей это племя. Едва ли история какого-либо другого инородческого племени в России представила такие благоприятные внешние условия для успешного религиозного и нравственного развития, как история пермяков. Просвещение пермяков и родственных им зырян христианской верой – единственный, исключительный для древности пример в истории просвещения инородцев русской земли. Деятельность св. Стефана Пермского находит себе аналогию только в деятельности просветителей славян – Кирилла и Мефодия. Св. Стефан сделал для пермян то же, что для славян сделано этими св. апостолами и чего в столь раннее время не было сделано ни для одного инородческого племени для Руси – разумеется перевод богослужебных книг на понятный

-447-

пермякам язык. Самое крещение пермяков совершилось не так, как крещение других наших инородцев – черемис, чуваш, вотяков. Там миссионерская деятельность предпринималась по почину государства; миссионеры шли на

проповедь, снабженные для обращающихся льготами от податей и повинностей и подарками, но в то же время, опираясь на помощь государства в борьбе с формами языческой старины. Здесь миссионер выступает на свое поприще один, имея помощником и покровителем Бога и нравственную поддержку русской церкви. Успех его проповеди зависел от того обаяния, которое производила на диких пермяков его нравственная сила. И это обаяние, благодаря исключительным условиям и средствам проповеди, было очень велико, потому что св. Стефану удалось крестить почти всю Пермь по Выми и Вычегде, пользуясь для этого исключительно расположением и преданностью к себе со стороны обращенных. Преемники св. Стефана продолжали дело его проповеди в том же духе. Исаакий крестил печерцев, Питирим – вогуличей; в 1456 году проповедь проникла на Каму: Иона крестил Камских пермяков или, по выражению летописи, – “Великую Пермь и князя их в церкви постави и игумены и попы”. Просвещение совершалось на основании тех же начал, которые были заложены св. Стефаном и которые должны были как нельзя более облегчать для пермяков восприятие истины христианского вероучения. При таких условиях, казалось, христианство у пермяков могло бы подвинуться далеко вперед и принести богатые плоды не подражательной и механической, а самостоятельной и высокой религиозности.

-448-

Но только последующая история могла показать, насколько Пермское племя сумело выполнить возложенную на него его просветителем задачу, насколько оно оказалось достойным того высокого преимущества в деле просвещения верой, какого удостоились немногие. И история показала, что наделенные преимуществами в деле просвещения Христовой веры, пермяки не показали никаких высоких результатов в усвоении этой веры. Христианство в его чистом виде если и имело когда-нибудь место среди пермяков, то только, может быть под непосредственным влиянием их первых просветителей. Но когда память их заволокла туманом прошлого, пермяки возвратились к прежнему образу жизни и воззрению, сохранив только внешность христианскую. И все усилия последующих пастырей и учителей не могли направить жизнь этого народа в колею христианства. Какая то темная сила неодолимо влекла несчастное племя в сторону от того, в чем заключалось его высшее счастье, в чем был залог его духовного развития. Свет истины и нравственных понятий слишком медленно проникал в среду этого народа и если проникал, то удивительным образом смешивался с тьмой и мраком, которые всегда таятся в глубине души племени. Рождается странное чувство, когда представляешь себе удивительное счастье этого народа, доставшееся немногим на долю, когда видишь вместе с этим, как все попытки просвещения этого народа, продиктованные живой любовью к нему не привели и не приводят пока ни к чему, пропадают бесследно и

безвозвратно. Здоровые и сильные сами идут вперед, слабых нужно вести, их нужно носить на руках. Здоровье не нужно наблюдать, но болезнь нуждается во внимании, в старательном выслушивании. И кто же иной, кроме самого больного, сможет нам рассказать об его болезни духовной, как иначе, как не выслушивая его невольную, но искреннюю исповедь, знакомясь с его воззрениями, его деяниями, мы сможем понять род и степень его недуга? Не претендуя на оригинальность, настоящая статья имеет в виду не больше, как дать простой ответ на тему на основании тех сведений, которые раньше или позже уже приведены в известность, но которые тем не менее остаются не всегда доступными для лиц, наиболее в них нуждающихся.

-449-

Лечить болезнь можно только узнав, в чем она заключается. Болезнь души труднее понять, чем болезнь тела, а душевная болезнь целого народа понимается труднее, чем болезнь одного лица. Только случайно счастливые обстоятельства наводят иногда исследователей на откровенную, простодушную исповедь и из таких случайно выслушанных признаний и сообщений составляется описание целой болезни. Болезнь пермяка издревле одна и та же. – Это болезнь духа, его слабость, неспособность держаться на высоте лучшего сознания. Как будто что-то ужасающе-хаотическое, безнадежно-беспорядочное видится за всеми его представлениями и действиями.

Пермяк времен св. Стефана и пермяк нынешних дней – кажется, между ними трудно найти значительную разницу. Изменились, может быть, формы и условия жизни, но ее содержание все то же. “У нас мнози бози... говорил волхв Пам св. Стефану: те нам дают ловлю и все елико на водах и елико на воздухе и елико в блатах и дубровах и в борех и в лузех и в порослех и в чашах и в березняке и сосняге... белки или соболи или куницы и прочая ловля наша”. В этих неопределенных фразах смутно вырисовываются фигуры богов, заведующих воздухом, водами, лесом. Как представляли себе древние пермяки своих богов и в каком виде служили им, мы узнаем из летописей, где сообщается, что пермяки воздавали божеские почести солнцу, огню, воде, камням, деревьям, животным и золотой бабе. Древний пермяк преклонялся пред природой, одухотворял и обоготворял ее. В природе он чувствовал себя не царем, призванным к господству и обладанию, но рабом ее стихийных сил. Его запуганное, расслабленное воображение делило природу между различными таинственными существами, в слепой власти и воле которых пермяк чувствовал себя нераздельно.

-450-

Пермяк не мог и не умел трезвым умом взглянуть на мир – до того все его существо было запугано и расслаблено тем ужасающим языческим

страхом, о котором говорит Книга Премудрости Соломоновой. «Все были связаны одними неразрешимыми узами тьмы. Свищущий ли ветер, или среди густых ветвей сладкозвучный голос птиц, или сила быстро текущей воды, или сильный треск низвергающихся камней, или незримое беганье скачущих животных, или голос ревущих свирепейших зверей, или отдающееся из горных углублений эхо: все это ужасая их, повергало в расслабление. Ибо весь мир был освещаем ясным светом и занимался беспрепятственно делами, а над ними одними была распростерта тяжелая ночь» (Прем. Сол. 17 гл. 17-20 ст.).

Только в просвещении благодатью христианской религии пермяк мог найти средство к оздоровлению своего болезненного религиозного сознания. Христианская религия должна была внушить ему чувство уверенности по отношению к природе. На природу пермяк, просвещенный светом христианства, должен был бы смотреть, как на законосообразное целое, управляемое волей и законом одного Верховного и Благого Существа. В природе он должен был увидеть только средство для проявления царственных способностей собственного разума. – Однако мы напрасно стали бы искать подобных результатов. Ныне, как и прежде, сознание пермяка болезненно расплывается в массе природных явлений. Ныне, как и прежде, пермяк с ужасом смотрит на природу, не уразумевая скрытой за ней благой Силы и ему чудятся десятки и сотни таинственных и страшных существ. Эти таинственные, фантастические образы, давно порожденные болезненным воображением пермяка, тесно срослись с его духовным миром и составляют одно нераздельное целое. В них – душа пермяка. В минуты доверчивой близости пермяк иногда пытается поведать о том, что его волнует и мучит в обычном ходе жизни. И тогда пред слушателем раскрывается весь ужасающий мрак его языческой души. Впрочем, для пермяка он, может быть, и не чувствителен. Пермяк сроднился с лешими, домовыми, водяными и другими порождениями своего языческого воображения, он сжился с ними, приспособился к ним. Но тем грустнее его положение.

Всякий пермяк обязательно верит, что в лесу проживает леший (вэрысь

-451-

–морт). Правда, за бога его не почитают, но уверены, что все думы лешего только и направлены к тому, как бы напакостить, как бы устроить какую-либо мерзость доброму человеку. Леший не прочь попугать, кричит, хохочет, а иной раз даже и украдет у человека дорогу. В этом случае, как бы хорошо человек не знал дорогу, он пропал, если только, по оплошности своей, не примет должных мер. Спорить с лешим можно – если только снять свою верхнюю одежду и надеть ее наизнанку, и он отступится. Бабы в этих случаях должны вывернуть наизнанку свои шамшуры (особый головной убор); если же это не помогает, то надо тотчас же вывернуть наизнанку всю

одежду и не ограничиваться при этом только верхней. Между пермяками можно найти немало людей, по их уверению, не только выдавших лешего, но и гостивших у него. Леший, по словам таких очевидцев, большого роста, выше каждого высокого дерева, старик, с сухими ушами, за плечами у него всегда имеется сумка. Обыкновенно лешие живут в больших болотистых лесах, где имеют свои домики; домики эти всегда деревянные и всегда новенькие. Но между “сухоухими дядями”, как называют леших пермяки, боящиеся назвать их настоящим именем, попадаются и такие, что не прочь заняться торговлей. Такой леший, приняв на себя малый рост, отправляется в Казань за товаром, и узнать и отличить его от простого смертного можно лишь по бровям, если их у торгового нет – это не торговец, а леший. Каждому, взошедшему в избу к лешему, трудненько из нее выбраться. Но иногда, особенно колдунов, “сухоухий дядя” и сам выведет на правильную дорогу. Особенно часто бывает он любезен к тем молодым колдунам, которые приходят в лес, чтобы продать ему свою душу. После этого колдуны получают дар: наводить порчу. Вообще же говоря, встреча с лешим ничего путного не предвещает, даже и в лучших случаях: либо сам встретивший чем-либо захворает, либо кто из его семьи помрет, либо скотина падет. Словом, можно положительно сказать: “такая встреча не к добру”. Лешие живут семьями, вступают в брак и плодятся. Во время свадеб у них бывают такие же поезда, как и у людей. Путь, по которому проехал свадебный поезд леших, можно узнать по сломанным деревьям. Пермяцкий леший путешествует и совершает свои проделки над людьми – в особенности похищает женщин в виде вихря. Вот несколько кратких рассказов пермяков о леших.

1. Пошел пермяк за рябками в лес. Стреляет, рябки падают, а найти их пермяк не может. Что за диво? Тут явился ему молодец в синей шабуре и говорит: “убирайся, ты моих куриц стреляешь”!

-452-

2. Жил богатый мужик-знахарь. У него были срочные работники. Раз срочные в воскресенье плетут лапти. Вдруг в избу заходит мужик – не высокий, толстый, в русской одежде – помолился образам и спрашивает, дома ли хозяин. Говорят – спит. Велел разбудить. Хозяин проснулся, выслал работников, и остался один с гостем в избе. Спустя немного, гость вышел, хозяин его проводил, зашел к работникам и говорит: “посмотрите-ка, где гость”. А он на другой горе, верст за 8, вихрем несется.

3. Шел мужик и увидал – вихрь вертит пыль на одном месте. Мужик бросил в средину столба ножик, вихрь пропал, пропал и ножик. Прошло немного времени, пошел он в лес и забрел в избушку. В избушке сидит старуха, увидела его, посадила за стол и начала резать хлеб. Смотрит мужик на ножик в руках старухи и признает его. Что смотришь – спрашивает старуха. – “Ножик как будто мой”. – Твой, спасибо, что бросил им в сына; ты

поранил ему правый бок, теперь его не возьмут на службу. Накормила лешачиха мужика обедом, а лешак вывел его из лесу и отдал ножик.

4. Ломает вихрь у пермяка крышу. Пермяк взмолился: пощади, я лучше тебе водки привезу, подожди немного. Ждал – пождал леший, догадался, что у мужика денег нет. Выехал пермяк боронить, боронит – вдруг медный котел с серебряными деньгами. Мужик подобрал деньги и говорит – ну теперь надо дяде вина поставить. Тут показался старик и спрашивает: «Куда поставишь?» Мужик поехал, купил три ведра водки и поставил за гумном. Лешак скорехонько выпил.

В.Я. Струминский.

№29.

Пермские епархиальные ведомости.

1904, № 40.

С. 465-471.

Струминский В.Я.

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Продолжение*).

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Продолжение*).

-465-

В каждой речке, по верованию пермяков, имеется свой водяной (ваись-морт); лично он не злой, но, во всяком случае, явление его не к добру. При постройке мельниц он непременно требует себе в жертву голову; в противном случае, как только придется проезжать его свадьбе через мельницу, он ее пронесет, как крепко ее ни устраивай. Какую голову давали водяному встарь, покрыто мраком неизвестности; теперь же ограничиваются петушиной, и водяной не заявляет неудовольствия: мельницы проносятся редко. Каждый мельник знаком с водяным, как с своим непосредственным и ближайшим начальством, и по первому его требованию выпускает воду из мельничных прудов для беспрепятственного прохождения своего начальника. Ни один из пермяков, проходя чрез воду, не забудет одарить водяного, а если у такого прохожего ничего нет с собой, то он хоть нитку из гасника выдернет и бросит в реку. Водяного видали многие; он является в виде совершенно нагой женщины, которая расчесывает свои длинные волосы, засветло где-нибудь между ивовыми кустами. Стоит водяному завидеть кого-нибудь, он тотчас же бросается в воду, причем бросается в нее так ловко, что ни кругов, ни пузырьков от его падения не происходит. Изредка водяной показывается и в виде ребенка с удлинённой к затылку головой, усеянной короткими, мягкими волосами; а иногда даже принимает вид рыбы-щуки. Все водяные живут в домах; правда, самых домиков никто

не видывал, но многие пермяки вытаскивали из воды солому, которая не могла быть чем-нибудь иным, как крышей водяного. Солома эта собирается водяными, когда бросают в воду солому, на которой обмывали покойника. Водяные не прочь и утащить к себе человека; особенно часто это проделывается ими в крещенское гаданье, когда девушки приходят слушать, что делается в проруби. Всех водяных можно запираť во время крещенской заутрени вплоть до обедни. Сделать это легко; стоит только положить крест на крест палочки и повернуть их рукой сперва налево, как запирают замок. Такой замок или запор называется по пермячки «йертон», – очевидно, исковерканное слово Иордань. Вот, для примера, два рассказа о водяном.

-466-

1. Идет пермяк по плотине и видит – держится у мельничного затвора громадная щука, сажени в три длиной. Пермяк ударил ее острой, щука ушла. Ночью к пермяку пришел ваись-куль (водяной) и кричит: “Пускайте, ваш мужик засек моего сына; загублю вашу семью”. Маялись, маялись люди и придумали: пошли к месту, где был засечен ваись, развели огонь, положили около него чурбан, одетый в тряпки, и спрятались. Ваись-куль вылез и идет схватить спящего. Тут его засекли острой.

2. Попал солдат к водяному в омут, женился там на его дочери и выжил много лет. Потом как-то ему удалось уйти от водяного. Приходит он домой. Войти в избу нельзя – мешает крест. А там в это время была пирушка – жена за другого выходила замуж. Пошел солдат в погреб и стал ждать, когда пойдет жена за брагой. Вот приходит жена. Солдат здоровается с ней, жена его не видит. Солдат говорит – ступай, принеси мне венчальную одежду и кидай в меня наотмашь. Жена сделала все как он велел. Солдат оделся и стало совсем его видно. Спрашивают солдата соседи: а как же мы тебя похоронили – тебя выбросило на берег. Ступайте, говорит солдат, на могильник и посмотрите, что там зарыто. Пошли мужики, разрыли могилу, нашли там березовую чурку (чурбан).

Образы водяного и лешего наиболее отчетливо выступают в сознании пермяка, когда он обращается к созерцанию внешней окружающей его природы.

-467-

Образы многих других веществ уже успели стусеваться в его сознании, уступив место новым образам, возникшим под влиянием христианства. Но обычай и практика продолжают хранить до сих пор следы бывшего культа земли, растений, животных, огня... Мы познакомимся с ними впоследствии, а пока продолжим обозрение тех существ, образы которых наиболее живо выступают в сознании современного пермяка. За существами, которых пермяк видит в окружающей природе, следует ряд существ, которые

связаны так или иначе с жилищем человека. Главным из них является домовой, или “суседка”. Суседка представляет из себя, по верованиям пермяков, неотъемлемую принадлежность каждого жилого помещения и, хоть до некоторой степени, благоустроенного дома. Постоянная резиденция сусетки – подполье (голбец). Каждый благоразумный хозяин и хозяйка почитают и холят его. Впрочем, суседка и не взыскателен – следует только ему ни в чем не мешать. По характеру своему, суседка доброе существо; он не пугает людей, и если его и побаиваются, то все же божеских почестей ему не воздают, а просто задабривают его, кто чем может. Так, ставят в подполье непокрытую сметану, чтоб суседка мог поесть ее. По-видимому, он делает это с удовольствием, так как положенное исчезает вскоре. Одно только можно сказать про суседку с уверенностью: коли суседка не в ладах с хозяином или просто чем-нибудь не доволен, дела пойдут плохо. Скотина, как ее не корми, все худеет, у баб хлеб не удастся, пряжа не спорится и т.д. Зато, когда суседка доволен, тогда он и сам угодить старается: скотина здорова и в гривах ее он наплетает таких кос (особенно, у тех лошадей, которых больше любит), каких не сплести самой искусной

-468-

бабе. Если же суседка совсем покинет дом, тогда все домоводство прахом пойдет: все равно, старайся – не старайся, а толку не будет. Вывести суседку из себя можно, напр., теми же хитро сплетенными косами – стоит только их расчесывать, так сказать, браковать его работу. Бывает, что подобные косы появляются в голове и бороде у иных стариков. Сами старики, да и окружающие смотрят на них с полным благоговением, как на явное доказательство суседкиной любви. Людям суседка показывается весьма редко; видят его, а по большей части слышат, когда он сеет муку. Это совсем маленький и седенький старичок. Иной раз он зажигает маленький, синенький огонек, а иной раз, когда особенно расшалится старый, возьмет, да и начнет давить сонного человека. Нечего его бояться в такую минуту. Напротив, надо лишь спросить: “к худу, или к добру давишь”, и суседка скажет к чему; а так как он дух верный, то в зависимости от ответа и следует ждать добра, или худу. В заброшенных постройках и нежилых старых избах поселяется, по верованиям пермяков, “кусь-дядя” (долгий дядя). Сначала кусь-дядя поселяется один себе, а потом с подругой “кикиморой”, вскоре у них нарождаются дети. Некоторые из пермяков, проходя мимо таких мест в ночную пору, слыхивали детский плач и говор. Если хлеб долго пролежит в амбаре и запахнет, то “кусь-дядя” старается такой хлеб забрать в свою собственность. Один крестьянин рассказывает, что залежавшуюся у него в амбаре рожь он вздумал продать местному торговцу. Но, несмотря ни на какие усилия и его семейных, он не мог отворить амбарной двери, хотя замок, державший дверь, хорошо

отпирался. Кто-то посоветовал этому крестьянину купить табак и подарить его “кусь-дяде”. Купив табак, крестьянин побросал его на крыше амбара. На другой же день смотрит: табак на крыше нет, а дверь, ведущая в амбар, свободно отворяется. – К числу существ, связанных с жилыми постройками, относятся у пермяков “чуды”. Во всем Пермском крае широко распространен обычай скакать в Крещение на лошадях по улицам. Скачка эта называется у пермяков “чудэз вашетлыны”, чудов топтать, гонять. В Крещение между заутреней и обедней (“как бог засветает”) около церкви собирается народ – верхом на лошадях, с кольями, нагайками, человек до сотни, и скачут, топчут чудов и гонят до другой деревни. Чуды, по мнению пермяков, появляются на земле в то время, которое приходится ровно через полгода со времени цветения ржи, и расхаживают, указывая людям, что с ними будет. К этому времени у пермяков приурочиваются разнообразного рода гадания на счет будущего. Пермяки ходят, “слушаются”. Собирается несколько человек, выходят на речку, на лед, обводят три круга, садятся внутри с иконой и слушают. Кому умереть, – чуды строгают доски, вколачивают гвозди, у кого пожар будет – услышит шум, крик народа, у кого коровы пропадут, начнут чуды ногами комки набрасывать. Чтобы узнать, какой хлеб будет, ходят на гумно: если услышат песни, хороший урожай будет. По описаниям пермяков чуды – маленькие человечки. Один пермяк чуть отбился от них на своем гумне. В остальное время года чуды живут в пустых, заброшенных домах и поедают всякого, кто туда забредет: “не ходи в пустой дом, чуды съедят” – говорят Чердынские пермяки. Живут чуды и в банях и похищают, переменяют людей, которые парятся там не благословясь. Одного старика чуды “переменили”, и он стал страшным обжорой – съедал по пять челпанов

хлеба. Помимо сейчас перечисленных существ воображение пермяка признает еще множество других, второстепенных. Таковы, напр., “чугунная бабушка” – в рудниках и штопольнях, “икоты” – в лесах, “полудницы” – в поле и т.д. “В самое недавнее время, говорит Янович, – в полдни, т.е. в то время, когда выходит “полудница”, ни один человек не смел приняться за работу на открытом месте. Обаяние “полудницы” было велико, хотя еще и теперь редкий ребенок войдет в огород в полуденную пору. “Полудница”, по виду, здоровенная баба, всегда одетая в вывороченную навыворот шубу. Ровно в полдень она выходит из земли позавтракать и тогда ей не попадается – в припадке злости она может съесть всякого; в остальное время она существо безобидное” (Живая Старина, 1903 г. I-II, с. 56). Сейчас обрисованные образы существ, населяющих, по мнению пермяка, природу, входят необходимой составной частью в обычный, повседневный умственный обиход пермяка. Пермяк не может отрешиться от мысли об этих

таинственных существах, не может не чувствовать своей от них зависимости. Его душа срослась с этими смутными фантастическими образами, она выросла под их влиянием. После этого понятно, как трудно говорить о каких-либо христианских воззрениях пермяка, не смотря на то, что пермяки все-таки числятся христианами, крещены и ходят в христианские храмы. Можно утверждать только одно: языческие кумирни древних пермяков сменились христианскими храмами и часовнями, идола иконами, но в душе пермяка существенной перемены не произошло. На старых и новых отчасти старым, отчасти новым божествам он совершает все тоже старое языческое служение. Перемена языческой обстановки на христианскую не изменила соответственным образом души пермяка. В самом деле, пермяки почти не имеют понятия об Едином Истинном Боге. Большая часть из них уверены, что каждая часовня построена в честь особого бога. Отношение к этим богам (т.е. иконам) со стороны пермяка довольно своеобразно. Пермяк приписывает иконе, которая стоит у него на божнице, добро и зло своей домашней жизни. Он свыкается с известной иконой, если жизнь его не выдается из жизни других особенной неудачностью. Когда икона устареет – выцветет и является необходимость купить новую, пермяк старается приобрести изображение того же святого и не возьмет иконы с другим святым: новый бог может натворить зла. Если все же случается, что пермяк, хотя по ошибке, приобретает новую икону и за этой покупкой в доме следуют какие-либо неприятности, он торопится куда-нибудь – чаще всего в церковь – убрать неподходящего бога. В некоторых случаях пермяк даже пытается наказать карающего “бога”. Духовенству приходится иногда видеть на божнице пермяка икону, поставленную вниз головою. На вопросы, почему так стоит икона, пермяк отвечает, не стесняясь, что в доме случилась беда, и он наказывает допустившего ее “бога”. Особенной способностью творить зло, по мнению пермяков, отличается Николай-Чудотворец. “К одному из волостных писарей, рассказывает

-471-

Янович (Живая Сторона 1903 г. I-II, 56 стр.), – пришел с иконой святого Николая – Чудотворца почтенный старик Ошибской волости и спрашивает: “Какого бога купил”? – “Николая Чудотворца”, – отвечает писарь. “Как Чудотворца”? – всполошился старик и тотчас же побежал к священнику, которому и повторил свой вопрос. Последний успокоил: “ы купил образ святителя Николая”. – “То-то, удовлетворился старик: а то писарь сказал, “Чудотворца” купил; это чтобы он избе-то чудес натворил!? Вот как святитель, я поставлю его в уголок – пусть святит. Чудотворца, говорит, купил! Я и на базаре-то, как выбирал, видел, что бассенький (красивый, хороший приглядный) старичок!” Дело в том, что образ св. Николая странно раздвоился в сознании пермяков. Св. Николай, “Николы-бог”, без эпитета Чудотворец пользуется громадным почтением пермяков. Но тот же святой,

если в иконной подписи ему дан эпитет Чудотворец, считается особым и притом способным производить всякое зло “богом”. Корень этого недоразумения лежит в своеобразном представлении о “чуде”. Пермь понимает “чудо”, как бедствие, которое может произвести “бог”. Образ Николая Чудотворца пермяк купит только по ошибке и немедленно водворит его в церковь, лишь только ошибка раскроется.

В.Я. Струминский.

№30

Пермские епархиальные ведомости.

1904, № 40.

С. 481-488

Струминский В.Я.

**Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.
(Продолжение*).**

**Современные пермяки в отношениях религиозном и1080 и
нравственном.
(Продолжение*).**

-481-

Как мало дались пермяку даже предварительные христианские понятия, можно видеть из следующих факторов. В 1895 г. в Юсьвинской области одна из женщин, приобщившись св. Таин, спросила священника: “А когда исповедовать-то будешь”? Там же в 1899 г. пришел в церковь во время причащения (дело было великим постом) какой-то крестьянин и ждет причащаться. “Ты зачем, говорит ему священник, ведь ты не говел”? – “Нет, батюшка, меня к тебе с пакетом из волости послали, да ты все не отходишь, вот я и пошел от скуки с другими”. В Коче записана следующая молитва: “Егорий храбрый, Микова милостивый, темные леса, лесные звери, спасите и сохраните меня; матушка вода, не прогводи, а будь мивостива”! (Пермяк не выговаривает буквы “л”). Поднося детей к св. Причастию, каждая мать старается не причастить своего ребенка первым или последним: “это нездорово”. При таком взгляде пермянок на это таинство, во время причащения иной раз происходят крупные недоразумения. Если матери покажется, что ее ребенку дали мало “счастья” или, если ребенок болен, то она или сама, когда много причастников, или чрез посредство своей родни и знакомых, отправляет свое дитя за получением “счастья” во второй раз; да и сами-то взрослые великим постом, если приобщают не в одном, а в двух-трех приделах, не прочь получить причастие у каждого из священников. Во время молебнов духовенству зачастую приходится получать записки такого рода: «О здравии Ильи, Петра, пестрой коровы, Анфисы, курят» и т.п. Духовенству

иногда приходится считаться с просьбами такого рода: “Батюшка, отслужи молебен о здравии рабы Агапии”, а потом чрез два дня: “Батюшка, расслужи молебен, что я заказывала”. Духовенство особым уважением среди пермяков не пользуется. Не проявляет особенного уважения пермяк и к христианскому храму: шум, громкие разговоры в церкви составляют обычное явление. Пермяк убежден, что Бог или “боги”, по-пермяцки, т.е. святые, изображенные на иконах, стоящих в тех или других часовнях и храмах, нуждаются в кровавых жертвах и добиваются их от человека, посылая болезни на скот или на него самого. В честь этих “богов” пермяк колет коров и мелкую скотину. Так, в Петров день, а также в последнее воскресенье пред Покровом Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марию-Голиндуху пермяки приносят к местным часовням бараньи ноги и головы в первый праздник, куриц и разную другую птицу – в последний. Святые Петр и Павел считаются покровителями животных; отсюда происходит обряд принесениями в жертву животных. Около Петровок зачастую начинают теряться молодые барашки то от хвори, то от деревенских собак и от острых зубов “серого” приятеля, деткам которого тоже ведь надо кормиться. Тогда-то перепуганные хозяйки и дают торжественное обещание принести апостолам одну или две-одну или две бараньи ноги, чтобы они сохранили их скотинку. То, что случается с мелким скотом летом, тоже повторяется с молодой птицею осенью. И ястреб, и злой человек, и хворь – все преследует выводок, как же тут за сохранение их не пожертвовать Марии-Голиндухе – “куриному богу” (точнее: птичьему). Действительно, к часовням, где только празднуют эти праздники, приносятся бараньи ноги, головы и птицы в избытке. На праздник Флора и Лавра (18 августа) – “скотьяго бога” пермяки имеют обыкновение приносить в жертву быков, баранов и др. животных. Особенно развит этот обычай в деревне Коче, Чердынского уезда, где закалывались иногда буквально целые гекатомбы. Обыкновенно, когда болеет какая-либо скотина, пермяк, прося покровителя животных о выздоровлении ее, дает обет принести ее святому в жертву. Есть такие поклонники, что обещают в жертву и очень больших животных, напр. трех-четырёх летних быков. Такие жертвователи проживают нередко за много десятков верст от часовен, где празднуется память святых и поэтому отправляться к празднику

-482-

им приходится задолго. К этому же времени со всех сторон стекаются к празднику и нищие, как профессионалы, так и любители, в чаянии хорошей подачки. Особенно много народа стекалось в деревне Коче. В ночь на праздник то тут, то там зажигаются большие костры, фантастически освещающие и группы народа, и тут же стоящий скот. Шум от говора, блеяния и мычания скота, кой-где от песен и пьяной ругани стоит всю ночь. С наступлением же ночи начинается обряд жертвоприношения животных.

Всех животных колют около самой часовни, причем шкуры заколотых остаются в пользу часовни, а часть мяса идет на угощение богомольцев. Некоторые богатые люди, взамен мяса и шкуры, платят соответственную сумму денег. Самое важное, таким образом, не жертва “мяса”, а факт заклания и принесения за это заклание хотя бы денег в доход часовни. Особо приставленные лица колют приведенный скот и следят за исполнением обряда жертвования. Доходность от такого празднования весьма велика. Так, например, в Кочу приводили иногда до 50 штук быков и множество баранов. В жертву можно приносить не всякую скотину, а только “невинную” и притом мужского пола. Разнятое и пожертвованное в пользу богомольцев мясо варится в нарочно для этого устроенных котлах неподалеку же от часовни. В варево идут, главным образом, ноги и головы. Поспевшее варево и мясо из него раздаются особыми сторожами; народ рвется к котлам, чтобы получить хоть кусочек мяса, служащего верным средством против всяких скотских болезней. Давка, шум и драка, приправляемые крупной бранью, не перестают все время. С раннего утра приходят священники и начинается служение молебнов. В некоторых местах, напр. в деревне Бутылевой, Юсьвинской области, к этому времени запруживают высокой плотиной мимо протекающую речку и в образовавшемся таким образом пруде, под пение духовенства, богомольцы становятся в воду – иные по колена, иные на колени, иные заходят в воду по пояс и выше – как кто обещал святому. Все это происходит в Пермской губернии 18 августа, т.е. в то время, когда нередко уже бывают заморозки. Стояние в воде продолжается не минуту или

- 483 -

две, а все время совершения молебна с водоосвящением. Много ревматизмов, много тифа и всякой простуды уносится от этих праздников святым, признаваемых пермяками за покровителей животных. Как только оканчивается молебствие, священники идут между выстроенными в два ряда лошадьми и окропляют их святой водой. Иногда шеренга лошадей простирается в длину, по крайней мере, на полверсты. Затем, все лошадевладелец начинают гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь в пот – признак всосания воды в кровь лошади. В последнее время административная власть обратила внимание на безобразия, сопровождающие наиболее популярное из этих празднований – в Коче и запретила праздник совсем. Запрещение имело только то последствие, что праздник был перенесен в ближайшую деревеньку Соликамского уезда. – В Ильин день на общественные деньги покупается бык. Деньги собираются старостой, размер жертвования не установлен. Колют жертву за селом на берегу реки особым священным ножом, который хранится у наиболее уважаемого в деревне старика. Мясо варится в общественном котле и частью съедается, частью хранится, как талисман, частью относится на могилу к родителям или зарывается в землю на полосы, чтобы хлеб родился лучше.

Небольшие деревни для этого праздника соединяются вместе; роль жреца исполняет местный старик, который импровизирует молитву. По местам такие жертвоприношения бывают перед началом и окончанием полевых работ. Всякому христианскому празднику пермяк искренне рад, потому что его празднование дают ему лишний повод веселиться. – Первое января, как первый день нового года, почти неизвестен пермякам, а читится ими и называется Васильевым днем. Празднование этого дня начинается с утра. Как только все в доме поднялись, домохозяин приглашает семью помолиться. Вся семья, включая и работников, становится у образов и в течение времени от четверти до получаса усердно молится, причем те, кто не знает никаких молитв, только и делают, что твердят с глубокими вздохами: “Осподи Сусе,

-484-

Осподи Сусе”. По окончании молитвы хозяин направляется к печке, где заботливой рукой хозяйки еще с вечера приготовлена теплая бражка. Выпив кружку браги, хозяин наливает другую и подносит ее старейшему члену семьи, затем следующему, пока не переберет всех. То же самое проделывают вслед за хозяином, по старшинству, и другие члены семьи. Празднование начинается рано, чаще еще до свету, с таким расчетом, чтобы питье браги у себя в доме было закончено до рассвета, так как с первыми лучами солнца мужчины уже направляются в гости к соседям, где и продолжают пить брагу до тех пор, пока не слягут. В состоянии охмеления пермяки становятся крайне буйными и раздражительными. Редкий праздник, поэтому, обходится без драк. – В Крещение некоторые, несмотря на зимнюю стужу, купаются в проруби, чтобы очистить себя от греха. Рядом за толпой молящихся помещаются лошади, которым так же, как и людям, дается крещенская вода – лучшее средство от всякого рода болезней. Попоив лошадей, пермяки гоняют их, чтобы вся вода вошла в нутро лошади и, таким образом, на животное оказало бы наибольшее влияние. – После Крещения вплоть до масленицы у пермяков нет особенно чтимых дней; зато масленица “празднуется” всеми, и каждый, у кого только есть хоть какая-либо физическая возможность, не преминет возвратиться домой к этому празднику, хотя бы работал на выгодной работе и за несколько сот верст. Во все время масленицы пекутся рыбные пироги, готовятся различные постряпушки и все семейщики ходят с раннего утра и до позднего вечера полупьяными. Никаких работ в эти дни нет; все гуляют, кто только может и кто как может. Любвеобильные отцы и матери поят даже детей, не исключая и грудных, теплою бражкой. Некоторые затейщики устраивают масленичный пояс... Официально празднование масленицы кончается в воскресенье, хотя первый день великого поста у пермяков составляет продолжение масляной, но при постном столе; только со вторника, а иные и со среды кончают гульбу. – Следующим за масленицей праздником является великий четверг. Праздник этот отличается некоторыми особенностями. Всегда рано встающие пермяки

в этот день стараются встать как можно раньше. Они верят, что все нижеописанное только тогда исполнится, когда будет выполнено до восхода солнца. Проснувшийся пермяк, встав на ноги, тот час же хватается за ружье, раз он охотник, и бежит с ним в поле, стараясь вернуться не с пустыми руками, а хотя бы с застреленной вороной, или воробьем. Рыбак бежит к речке, сталкивает там на снег свою лодку, кладет в нее свои рыболовные снасти и, взяв в руки весла, делает вид, что плышет. Плотник идет в лес и вырубает там хотя бы лучинку. Разумеется, всякому приятно принести что-нибудь домой, т.е. птицу, рыбу и т.п., но иногда это не удается, тогда возвращающийся делает вид, что путешествие его было вполне удачно, что ему что-то попало и он несет добычу. Каждый пермяк, как бы он ни был беден, старается приберечь к этому дню сколько-нибудь медяков и, считая их, говорит: “Раз!. два!. три!.. у-у, как много”! Ни одна пермячка не оставит в этот знаменательный день пустою свою печь; каждая из них старается из всех сил поставить в нее как можно больше кушаний; ставят по несколько корчаг с пивом, брагой и пр. Как только женщина проснулась, она накрывает стол скатеркой и ставит на него хлеб, соль и кувшин браги. Если не накрыт стол – весь год придется жить впроголодь. Накрыв стол, женщина открывает дымное окошко и в него кличет соответственными кличками скот и другую живность до птиц включительно. Там, где устроены настоящие печи, то же самое хозяйка кричит в печную трубу. Благодаря таким мерам, пермяк уверен, что и скот и птица в течение всего года будут находиться и в целости и в сохранности. Спешно управившись по хозяйству, пермячки садятся за шитье или пряжу, причем всеми силами стараются сработать как можно больше до солнцевосхода. Мужчины, кроме всего вышесказанного, осматривают амбары и другие места складов хлеба. Вечером, накануне праздника, девушки поют песни, не имеющие, впрочем, никакого отношения, к тем особым обычаям, которые сопровождают этот день у христиан. – Не меньшим уважением и приготовлениями к встрече сопровождается семик. Ровно чрез семь недель после великого четверга, в четверг же начинается

празднование семика. В этот день, только раз за весь год, души всех умерших, по верованию пермяков, получают от Господа однодневный отпуск на землю, где и присутствуют на трапезе своих родственников, которые совершаются последними в домах и на могилах. Трапезуют веселыми и нарядными, чтобы не обеспокоить душу, а то она может еще, заметив какие-нибудь беспорядки, рассердиться, насрать какую-нибудь болезнь. Души покойников не только присутствуют при трапезе своих умерших родственников, но пьют и едят. К празднованию семика начинают готовиться заблаговременно. Так, уже за неделю ловят рыбу, колют баранов и разную

домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащат мыть как можно чище на ближайшую речку, чтобы в самый семик покойники не осудили женщин за нечистоплотность. За неделю же начинается пивоварение и изготавливается в изобилии теплая брага. В самый семик бабам не до сна: им в этот день предстоит слишком много работы, поэтому трудно встретить такую избу, где бы уже с полуночи не топилась печь. С этого раннего времени уже стряпаются пельмени, оладьи, блины, шаньги, селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся по пасхальному яйца. Только что покончив со стряпней, хозяйки все изготовленное ставят на стол, а пред иконой затепливают восковую свечку и вся семья молится Богу. Затем, хозяин приказывает отодвинуть стол от лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко от стола для того, чтобы усопшим можно было совершенно свободно поместиться у стола со всем их скарбом, иногда очень многочисленным. Скарб этот заключается у покойников в тех вещах, которые они покрали на этом свете, будучи живыми: с этими краденными вещами покойникам суждено носиться вечно. Когда все, что приказывает хозяин, сделано, хозяин и хозяйка оборачиваются к столу, низко кланяются и говорят: “вошешы” – кушайте. Простояв не менее часа у стола, дымящегося кушаньями, которые, к тому же, заранее надломлены для более свободного выхода пара, служащего единственной пищей мертвых душ, – за тот же стол садятся и все живые. Основательно

-487-

закусив обильной стряпней, вся семья отправляется в церковь, а оттуда на кладбище, захватив с собой и на кладбище разной стряпни, пива, браги и водки. Причем, чтобы кушанья можно было донести горячими, их тщательно завертывают теплыми тряпками и одеждой. Пришедшие накрывают могилку скатеркой, и, ломая пироги пополам, разбивая и расколупывая яйца, ставят все на скатерку, равно как и напитки, после чего женщины начинают свои причитания, причем жалуются умершим на те горя и обиды, что им, по их мнению, приходится переносить от свекра, мужа, мачехи, снохи или братьев. Причитания произносятся зачастую в присутствии противной стороны и, по возвращении причитавших домой, служат порой поводом к дальнейшим ссорам. – Между тем, окончившее церковную службу духовенство начинает совершать над могилами усопших, по приглашению родных, панихиды или литии. Позади священников идут люди, которым передается (чаще всего самими священниками) кое-что из расставленного на могилах: рыбный пирог, селянка, блины и т.п. По уходе духовенства начинается обряд настоящего поминания, тризна. Как мужики, так и бабы приглашают и родных, и знакомых помянуть покойных, кто чем может. Пермяк, вообще никогда не отказывающийся от угощения, в данном случае даже торопится исполнить просьбу приглашающих, чтобы те как-нибудь не могли увидеть в его промедлении желания оскорбить память усопших. Каждый пришедший

пробует понемногу всего приготовленного, откладывая хоть несколько крошек на могилу умершего и выливая на нее хоть по капельке из питья. Забыть про голод покойника никто не решается, мало-ли чего он может наделать. Если известно кушанье или питье, которым покойник отдавал особенное предпочтение, то их откладывают или выливают побольше: пусть не жалуется на жадность живых. Когда помянуты все родные и знакомые, свои и соседские, поминальщики с покрасневшими лицами, под шумный говор, а иной раз и под звуки песни, отправляются по домам, где продолжают поминать дорогих покойниках, вспоминая об их былых добрых качествах, и это продолжается до тех пор, пока ноги не откажутся служить, а язык

-488-

ворочаться. Не в редкость и такие случаи, когда чтущий покойника переусердствует еще на кладбище и, забывая свой обычный пред этим местом страх, преспокойно ложится спать на нем, причем могила почитаемого родственника становится изголовьем. — Из других праздников стоит отметить дни святочные (предрождественские); самое же Рождество Христово, как и Пасха, особенно не чтятся. Не признаются за праздники и большинство праздников православных, например, Благовещение, Вербное воскресенье и мн. др.

В.Я. Струминский.

№31

Пермские епархиальные ведомости.

1904, № 40.

С. 501- 507.

Струминский В.Я.

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Продолжение*).

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Продолжение*)

-501-

Что касается обычных будничных дней в жизни пермяка, то их однообразие нарушается такими событиями в семейной жизни, как родины, свадьба, похороны, какие-нибудь неожиданные бедствия и т.п. Но по поводу этих событий пермяки проявляют так же мало истинно-христианской настроенности, как и в дни великих христианских праздников. Особенно любопытным для характеристики мировоззрения пермяка является его отношение к покойнику. Привезенного в село покойника первоначально оставляют на улице, неподалеку от церкви; кто-нибудь из домашних идет к священнику и просит его придти и отпеть, причем вручает ему плату, сообразную с желаниями семьи, т.е. за простой отпев, или за отпев со звоном

-502-

при внесении в церковь, или же за отпев с полным звоном, т.е. со звоном, как при вносе, так и при выносе из церкви. Батюшка и члены причта в облачении выходят к покойнику. Родня снимает гроб с дровен, а если это не под силу, прямо на дровнях, по совершении краткой литии, везет покойника к церковной паперти и оттуда вносит в церковь. По отпеве покойника, под колокольный звон и в сопровождении духовенства, гроб выносят из церкви на кладбище. Могилы копают весьма неглубокие. Когда покойника выносят из церкви, причитания возобновляются и наиболее сильно раздаются при опускании его в могилу. Как только покойник закопан, слезы прекращаются и поезжане уезжают домой помянуть покойника. Торопятся пермяки с погребением из-за боязни покойника. По верованию их, душа покойника гуляет по свету гораздо дольше, чем сам он. Эта душа во всякое время по “звобе” может напугать и причинить много зла еще не покинувшим юдолю скорби обывателям. Она, т.е. душа, всегда однако же старается быть поближе к своему телу и, к тому же, она еще безглаза – придти ей от трупа назад, поэтому, гораздо труднее, чем тогда, когда труп по близости. Вот и рекомендуется, как самое лучшее средство для тех, кто желает, во чтобы то ни стало, как можно скорее избавиться от неприятностей, поскорее распрощаться с телом покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохранения заставляет пермяков проделывать разные странности. Чтобы душа, по безглазости, не приняла дровни за тело и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляют дровни на кладбище. Эти дровни или закапываются наполовину в могилу, или просто оставляются на кладбище. Однако же в последнем случае, чтобы покойник (ведь он мог быть и колдун) не вернулся обратно, а колдуны могут не только вставать из могил, но совершать довольно-таки отдаленные прогулки, вывертывают оглобли и самые дровни перевертывают вверх полозьями, причем правило или носок дровней должен быть не по направлению дома, а от дома. Тогда, если бы покойнику вздумалось вылезти из могилы, он, если даже и сможет вставить оглобли, или выкопать руками (работа – не скорая) из могилы дровни, во-

-503-

первых, по безглазости своей души, если и поедет, так не в сторону семейщиков, а в противоположную, не найдет их, и, убедившись в своем бессилии, возвратится обратно; во-вторых, на означенные работы покойник положит так много времени, что до петухов он ни в каком случае не успеет доехать. – Эта же боязнь, страх пред умершим, заставляет пермяков чтить и всячески ублажать память “миваго упокойничка”. Как убеждены пермяки, покойники могут, и не оставляя могилы, входить в соглашение с добрыми и злыми духами и, при посредстве их, устроить какую-либо неприятность или упросить кого следует напомнить о своем загробном существовании посредством какой-нибудь болезни или несчастья по домашнему обиходу.

Все это, вместе взятое, заставляет пермяков заказывать, сверх обыденных поминок, сорокоуст. Кроме того, и мужики, а уж особенно бабы, зорко следят за поминальными днями, и в эти дни ни в каком случае не забудут послать в церковь свои поминальнички. Поминая усопшего, в церковь несут – кто пирог, преимущественно рыбный, но случается и мясной, кто печеное яйцо, кто просто хлеб или паренку (пареная репа). Все принесенное кладется в церкви пред каким-либо особо чтимым образом. Но как принесение, так и положение яств является делом не так простым, как кажется. Поминальщики приезжают или приходят иной раз верст за двадцать, а то и дальше, да еще порой в трескучий мороз. Между тем, на прямой их обязанности лежит принести яства горячими. Часто можно наблюдать, как пришедшая зимой баба начинает снимать с себя сначала одну шубу, потом другую; расстегивает сарафан из за пазухи вытягивает толстейший платок, в котором в многочисленных тряпицах находится завернутая снедь. Иная две-три шали не пожалеет, чтобы донести все, как следует, т.е. горячим. Прежде чем положить принесенное на стол, помещающийся у чтимых образов, необходимо пирог или паренку разломить, а яйцо разбить и, слегка облупив, надломить его. При такого рода разламывании зимой виден, даже на глаз, пар. Этот-то пар и составляет суть всего в дела в обряде поминовения. Сама снедь во время литургии или будет взята и съедена приносящими, или

-504-

возьмется для той же надобности трапезником (церковным сторожем). Пар же, идущий от принесенного, к тому времени весь улетучится, и им-то и усладится душа умершего. Поминаемая душа, верит пермяк, всегда присутствует там, где ее поминают, она только невидима для глаз. Так как душа пермяка и всякого иного есть пар, то, исходя из этого основного начала, нельзя не прийти к заключению, что пар ничего иного, кроме пара, и есть не может. Вот где кроется весь смысл поминовения покойников горячею едой. Душа в течение 40 дней не может выбраться с этого света на тот: она все это время витает поблизости дома. Чтобы она не вошла в дом в это время, пермяки нанимают кого-нибудь из грамотной нищей братии читать псалтирь. В 40-й день устраивается общий для всех родственников поминальный обед, а по окончании его все расходятся, выпуская прежде всего в выходные двери кого-либо из ближайших родственников: после умершего мужчины – мужчину, после умершей женщины – женщину. По убеждению пермяков, с выходом этого лица, выходит из дому, если только как-нибудь успела забраться, душа покойного. Ее провожают точно так же, как и покойника, с причитаниями. Весьма любопытно поведение пермяка во время постигающих его болезней. Пермяк предпочитает лечиться домашними средствами, не обращаясь к докторам. К числу этих средств принадлежит, прежде всего, так называемый “черэшван” (чер – топор и эшван – вешание). К черэшвану прибегают при разного рода недугах, как наружных, так и

внутренних, например: при ревматизмах, коликах, головных болях, сыпях и т.п., все равно имеются ли они у людей, или у домашних животных. Собственно говоря, черэшван даже и не лекарство, а скорее заклинание, при помощи которого можно вполне достоверно узнать: какой бог, или какой покойник нашел на больного. Каждый святой, по пермяцкому верованию, представляет из себя отдельного бога, – вот его-то именно и находят при помощи заклания. Прежде всего, желая прибегнуть к лечению при посредстве черэшвана, берут челпан (коврига черного хлеба), кладут его на стол, зажигают огарок восковой

- 505-

свечки и ставят ее пред образами; к образам же кладут щепотку хмеля, завязанного в какую-нибудь тряпку. Все эти манипуляции носят название “вязать черэшван”. Помолясь пред образами, вяжущий черэшван берет с божницы узелок с хмелем и обводит им вокруг больного места или вдоль его у себя или животного. Если он занемог весь, то узелок обводится вокруг всего тела и вокруг всех отдельных членов его. В это же время больной читает известные ему молитвы. Наконец, больной вновь кладет узелок к хлебу, гасит огарок восковой свечки и кладет ее на божницу; затем туда же кладется и лежащий до сих пор на столе челпан и узелок с хмелем. Все положенное остается лежать на божнице до следующих суток. Чрезвычайно важно, чтобы все вышесказанное было произведено самим больным. Разумеется, если он уже чересчур плох, то тоже самое за него должен проделать кто-либо другой. По прошествии суток черэшван (узелок с хмелем, огарок восковой свечки и челпан) уносится к черэшванице, которая принимает все эти вещи только у себя на дому. Если черэшван принесен к черэшванице рано утром, так что она до принесения его еще не успела ничего не попить, ни поесть, то она тотчас же приступает к делу; в противном случае, черэшван оставляется у нее до следующего утра и принесший его приходит узнавать о результате на следующий день. Личное присутствие в данном случае никакой роли не играет. Самый отряд вешания черэшвана заключается в следующем. Черэшваница затапливает печь самым ранним утром натошак и закрывает ее так, чтобы в печи оставались еще горящие уголья. Затем, она берет из принесенного узелка огарок свечки и зажигает его пред иконами, к образам же кладется и челпан с хмелем, хотя чаще последние ставятся на стол под образами. Проделав все это, знахарка долго и усердно молится Богу, шепча какие-то молитвы. Перебрав их, она гасит свечку и, положив огарок вместе с хмелем, высыпает и хмель и огарок на горящие уголья. Хмель при горении начинает слегка потрескивать. Это-то потрескивание и означает, что, действительно, никто иной и ничто иное, а именно какой-то бог “нашел” на больного. Пока в печке происходит сгорание

-506-

хмеля и воска, знахарка приступает к самому важному действию – к вешанию топора, приготовленного еще до молитвы. Вешание происходит так: берется обыкновенный топор и подвешивается обыкновенно к полатам так, чтобы топориче было в положении равновесия, т.е., чтобы топор висел горизонтально по отношению к полу. Подойдя к подвешенному, таким образом, топору и дав ему время совершенно успокоиться, черэшванница начинает, все время не спуская глаз с топора, перебирать имена всех тех святых, каких только она сама знает, например: “Элексея, Божьего человека, Егвенской; Егорей – Крабвой '28храбрый, Юсьвинской, Щипицинской – Илья пророк, Кудымкорской – Микова Мивостивый” и т.д. до бесконечности, пока не истощатся все знакомые ей боги, или же до тех пор, пока висящий на подвеске топор не колыхнется. Если во время перебирания богов топор не закачается, то знахарка начинает перебирать богов сызнова; то же делает она, когда у нее закралось сомнение, при имени какого бога качнулся топор; хотя в последнем случае она повторяет только имена богов, введших ее в сомнение, а в первом случае всех. Перебирая имена во второй раз, она произносит их значительно реже, с паузами. Тот бог, при имени которого качнулся топор, и есть искомый, ему-то и надо отслужить молебен, чтобы он не только теперь, но и впредь “не находив”. После такого молебна болезнь должно как рукой снять. Иногда бывает так, что топор и не думает качаться, а боги перебраны уже по два раза. Это обстоятельство с точностью устанавливает тот факт, что болезнь происходит не от бога, а от кого-либо из покойных родственников больного. Удостоверившись таким образом в невинности богов, черэшванница начинает перебирать имена покойных родственников больного, и если топор качнулся в чьем-либо имени, то это уже ясно означает, за кого из родни надо отслужить панихиду, чтобы хоть этим путем избавиться от нежелательных последствий, происходящих от внимания покойника. Бывает иногда и так, – как ни старается черэшванница, сколько раз ни перебирает она имена святых и покойной родни, а топор все-таки не качается, тогда она начинает задабривать и богов и покойников

- 507-

усиленными просьбами и обещаниями. В этих случаях знахарка, помимо молебна или поминанья, обещает поставить “нашедшему” свечу в длину больного места (руки, ноги), или такую, которую можно было бы обернуть один или два раза вокруг больного места (головы, туловища, шеи). Когда знахарка узнает имя напавшего бога, она сообщает об этом больному. Покойник, узнавши, какой именно бог или покойник напал на него, старается, во что бы то ни стало, как можно скорее отделаться от него, т.е. исполнить обещание черэшванницы, и таким образом ублаготворив бога, выздороветь. Так как огромные свечи ставить неудобно, то таковые обыкновенно скручиваются вдвое или втрое. В церквах нередко можно

видеть такие свечи. Свечи эти делаются всегда их желтого, домашнего, не отбеленного воска и резко цветом и формой отделяются от обыкновенных церковных свечей. Принесенный от больного челпан с воткнутой в него какой-либо мелкой монетой остается в награду за труды черэшваннице. Все знахарки, занимающиеся этим делом, пользуются у пермяков полным уважением; как люди, сподобившиеся откровений, они никогда не остаются без щедрых подаяний и посильных наград от исцеленных при их содействии пациентов. По большей части делом этим занимаются или сироты, или вдовы, словом, народ бедный. Помимо черэшвана у пермяков – масса лекарств, получаемых ими от ежнивцев (колдунов). Средства, употребляемые колдунами, не всегда однако же безобидны. Одним из особо славившихся знахарей был некто Николай, крестьянин Егвинской волости, долгое время служивший в должности церковного сторожа и еще совсем недавно почивший в церковной сторожке от каждого известных последствий сельского праздника. Слава о нем прямо-таки гремела, и к нему приезжали лечиться за несколько десятков верст. Способов для излечения больных у него было весьма много, и некоторые из них нельзя не признать оригинальными. Вот один из них. Как-то позднюю осенью, в самую гололедицу, один крестьянин отправился за сеном; сделав свое дело, он залез на воз и, понукнув лошадь, заснул, а воз-то, как на грех, и угораздило опрокинуться. Грянулся мужик на землю прямо головою, свихнув себе шею. Посмотрев на него, вежновец Николай, покачал головой, крикнул раз другой и велел ему раздеться; сам же вышел из избы на двор, взял оттуда здоровое полено, принес его в избу, разыскал два трехвершковых гвоздя и ими прибил конец полена к лавке. Николай положил на лавку больного, крепко прикрутил его к ней, предварительно связав на груди руки. Надо заметить, что полено было прибито так, что приходилось как раз против шеи, но с противоположной вывиху стороны, т.е. с левой. Покончив с больным, Николай взял крепкое, новое, деревенской работы, полотенце и, сделав из него петлю, захватил этой петлей голову больного, а затем, не обращая ни малейшего внимания на крики и мольбы жертвы, притянул голову за свободный конец полотенца к полену и, обмотав конец, за свободную часть полена, оставил полежать больного часик-другой. Когда больного отвязали, то оказалось, что средство подействовало очень сильно; голова с правой стороны плеча перекечевала на левую. До сих пор никто из многочисленных пациентов Николая не может сказать, как это случилось, что он не мог потрафить. Правда, Николай предлагал больному исправить, и даже бесплатно, свою ошибку, да тот ни за что об этом и слышать не хотел. Упрямого человека, конечно, лечить трудно, за то и до сих пор ходит он с головой свернутой на левую сторону.

В.Я. Струминский.

Пермские епархиальные ведомости.

1904, № 40.

С. 515-521.

Струминский В.Я.

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Окончание*).

-515-

Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном.

(Окончание*)

При оспе – ребят по разу, а то и по два раза в день носят в жарко натопленную баню, где и подпаривают. В доме, где появился больной, с первого же дня заболевания и до конца болезни не только не моют, но и не метут полов; курить в это время в избе безусловно воспрещается, “чтобы не сердить оспицу”. Очевидно, и оспича принадлежит в категории богов или духов. Лечимый таким образом ребенок все время находится или в страшном банном жару, или в промозглой, вонючей и донельзя грязной избе, постоянно охватываемый струями холодного воздуха, врывающимися в постоянно затворяемые и отворяемые двери. Последствия такого лечения оспенных ужасны. На случай болезни у пермяков имеется множество заговоров. Вот несколько наиболее употребительных из них. Когда пермяку случится порезаться или наколоться до крови, то ему рекомендуется следующий заговор “крови”: “В роту не воды, в роту не капли, как земля крепится, небо вертится, так же крепись кровь от раба человека (имя рек). Становись, крепись, становись, крепись. Человек из булатнаго камня, а кровь будет крепче булатнаго камня. Аминь на аминь, как мать поставила, так же будь по-старому”. Если бы этот заговор паче чаяния не помог, а скорее повредил, то имеется следующий и уже самOVERнейший: “Шла баба по речке, вела быка по нитке. Нитка порвалась – кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канет. Кровь закрепися, будь моя молитва крепка и лепка. Ключ мой становися. Аминь”. При посредстве заговора можно избавиться и от такой болезни, как кила. Вот заговор против нее. “От раба человека (имя рек), от бела тела третье сердце, третья кровь. Как Илья пророк милостивый громом гремит, огнем палит – по земле очищает, также очисти нечистый дух – нечистую силу болезнь с громом огненным. От 77 жил, от 77 костей, от 77 суставов. Сторонись, крепись; становись, крепись, как мать поставила, так же

-516-

будь по-старому. По всем телам, по всем жилам, по всем внутрам, по всем ребрам, по всем суставам, отпускаем крепкие слова, крепкие заговоры, божественные слова, божественные заговоры: нечистый дух, нечистая сила – в болезнях хитрость – мудрость и как росла выросла, так же сохни высухай.

Вода мутна, вода конна, вода пробегшая, как вода проходит по реке, так же проходи нечистый дух, неприятна сила”. Все заговоры и наговоры главным образом проделываются в банях. Заболеет малютка, и бабушка живо истопит баню, куда тащит его. Там, разогрев веник, она парит дитя, приговаривая один из урочных заговоров: “Господи, благослови. Дай, Господи, здоровья всем младенцам. Баинька, матушка девяностолетинка. Кто расхитил и расщипал и сучья и вершины, тот моего младенца сохрани и избави от черного глаза, от белых глаз, от рыжего человека, от худой думы”. Не остается бабушка безмолвной и в то время, когда распаривает веник. Она наговаривает на воду: “Господи, благослови. Баинька, матушка, Соломия бабушка и теплая парушка, – парила, гладила, от грехов очистила”. Нет вещи или предмета, которых бы нельзя было испортить или исправить путем заговора. Например, в доселе исправной печке стал появляться беспорядок: она дымит. И вот надо прочесть этот маленький заговор, и печь исправится. “Как птица вылетает по воздуху, также вылетай и нечистый дух, неприятна сила, болезнь, хитрость – мудрость, по указанному месту; из 120 древ, 120 лесин и как вода – матушка по реке проходит, также проходи нечистый дух, неприятна сила, хитрость – мудрость по указанному месту”. Или заболела лошадь “ногтем”, самое лучшее прочесть над нею заговор от “ногтя”: “От скотинушки, от животинушки, от ногтя, от коня Егоровскаго, Егорий храбрый, Егорий милостивый, возьми ты железное копье; железным копьем тычь, тычь и подтыкивай из ушей, из ноздрей, из копыт, от печенной, от поченной, от жильной, от хвостовой, от мозговой, от стоячаго, от лежачаго и от внутренней – крестовой, от катучаго; вода мутна, вода конна, вода пробежная, как вода-матушка по реке проходит, также

-517-

проходи нечистый дух, нечиста сила, болезни хитрость – мудрость – ноготь”. Или, далее, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть над ней нижеследующие слова. “От скотинушки, от животинушки, от одношерстой, двоешерстой, троешерстой. От коровушки от матушки, от святоласьевской, от бела тела, от третьего сердца, третьей крови, как Илья пророк милостивый, Петр и Павел верховные апостолы, – громом гремит, огнем палит, громом очищенным, также очисти нечистую силу, нечистый дух громом огненным от 77 жил, от 77 костей, от 77 суставов. Ступись, крепись, становись, по всем телам, по всем жилам, по всем нутрам, по всем ребрам, по всем суставам отпускаем крепкие слова, крепкие заговоры, божественные слова, божественные заговоры. Нечистый дух, неприятная сила, болезнь хитрость-мудрость, как с белого лебедя вода скатывается, так же скатывайся хитрость – мудрость нечистаго духа. Неприятная сила, болезнь хитрость – мудрость от 77 жил, от 77 костей, от 77 суставов, ступись, крепись, становись, как мать поставила, так же будь по-старому. Болезнь хитрость – мудрость, нечистый дух, неприятная сила, уходи к старому

хозяину, старой хозяйке. По ветру пришла, так поди по ветру, на пустые места, за темные леса, на болотные места, на зыбучие болота, куда люди не попадают и как вода-матушка по реке проходит, также проходи нечистый дух, неприятная сила, болезнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь”. Помимо гаданий и заговоров пермяки знают многое множество всяких других средств для удовлетворения потребностей своей жизни. Так, если у кого-нибудь зуд в руках развился на столько сильно, что неодолимо влечет его к воровству, тогда остается одно – достать “резун-траву”. Эта трава обладает даром открывать все замки и двери. Обладателю ее не страшны никакие крепости. Некоторые, правда, трудности представляет умение различить среди других трав эту дотоле невиданную траву. Достать ее можно только следующим способом. Ищущий траву находит в лесу дупло, в котором у дятлов выведены дети и, спрятавшись неподалеку, ждет, когда улетит дятлиха за кормом для детей. Как только он это заметил, поскорее

-518-

лезет к дыре, ведущей в дупло, загоняет в нее деревянный гвоздь, слезает с дерева и прячется на прежнее место. Вскоре с кормом для детей прилетает самка; увидав, что вход закрыт, она поспешно улетает куда-то и затем возвращается с травкой во рту. Как только приложит она эту травку, гвоздь выпадает. Тогда дятел травку, эту как ненужную, выбросит на волю. Вот тут то и нельзя зевать: кто найдет ее – тому счастье: ни один замок не остановит его, ни одной цепи не удержат. Конечно, в лесу трав много, может быть, достанется и не та, что “резуном” прозывается, но первые же опыты должны обнаружить подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддадутся, но он бывает даже пойман, значит, у него припасен не “резун”. Пермяки знают даже средство, употребление которого может избавить от военной службы. Это – вода, разведенная мылом, которым обмывали покойника. Пермяки уверяют, что человек, выпивший такого снадобья, чернеет, сохнет и становится неспособным к военной службе. Чтобы было не слишком противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершенного опьянения. К докторам пермяки обращаются очень редко, только в случае родов или каких-нибудь серьезных операций. Здесь доктор помогает лучше, чем любая бабушка или колдун. Зато во всех других случаях своей жизни пермяки предпочитают удовлетворять свои нужды старинными средствами. Тут познания докторов, – рассуждают пермяки, – очень слабы, так что докторам, напр., даже кикиморы не выгнать, между тем как это сделает всякий колдун. Такое докторское незнание явно обличает в них незнание с нечистой силой, а не зная ее, разве можно, по мнению пермяка, браться за лечение народа? – Бывает, напр., что нечистая сила обменивает у пермяков новорожденного ребенка. Что тут сделает доктор? А у пермяков уже давно придуманы особые меры. Известен такой случай. Ребенок, родившийся здоровым, захворал, значит, бес подменил его

ребенком больным, собственно чертенком. И вот бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытом и, затем, стали рубить сечками по дну корыта. Потом они

-519-

переложили ребенка в люльку и ушли из хаты, будучи уверены, что в их отсутствии бес возьмет обратно своего бесенка и возвратит похищенного ребенка: ни один бес не позволит жить своему “рубленому ребенку”, так как такой ребенок не только не принесет бесу никакой пользы, а даже может повредить общему бесовскому делу. Бывает иногда, что бес, возвратив ребенка, потом уморит его. Чтобы не произошло последнего, надо ребенка на другой день заговорить. Когда, таким образом, ребенок спасется и выздоровеет, он может стать знаменитым колдуном, так как хорошо известен черту. — Изредка, при подмене ребенка бесом, последнего заставляют совершить размен, засаживая дитя часа на два – на три в печку. Если после этой операции ребенок умирает, значит, это было не человеческое дитя, а самый настоящий чертенок и жалеть об нем грех. Куда в этих случаях девается настоящее дитя, пермяки объяснить не могут. Можно было еще и еще продолжить справки относительно того, в каких формах выливается в настоящее время религиозное мировоззрение пермяков. Но и приведенного достаточно, чтобы оценить степень религиозного развития пермяка. Нам остается лишь немного сказать относительно нравственного его развития. Мы укажем только наиболее выдающиеся черты в нравственной жизни современного пермяка. Обыкновенно, характеризуя нравственные качества пермяка, говорят: пермяки ленивы, злы, легко приходят в ярость, долго помнят старую обиду и при случае мстят за нее; они очень упрямы, скрытны, недоверчивы и неразговорчивы. Дома пермяк смел и дерзок, но в чужом месте труслив и робок, к хмельным напиткам привыкают почти с детства как мужчины, так и женщины, оба пола весьма склонны к блуду и не заботятся о нравственности детей. В пермяцком языке нет слова, выражающего понятие о чистой любви, пермяки не имеют понятия о целомудрии. Блуду предаются особенно зимой на посиделках. Собравшиеся здесь молодые женщины и девушки снимают с своих рук по кольцу и складывают их все в одну шапку или коробицу, откуда каждый из присутствующих на игрище не глядя берет кольцо. Женщина или

-520-

девушка, которой принадлежит кольцо, переходит в его полное распоряжение. Он сажает ее к себе на колени и, играя с нею, проводит вечер или часть ночи. Нигде поэтому нельзя такого множества незаконнорожденных детей, как среди пермяков. Любопытно одно: пермяки с особым удовольствием женятся на девушках, имевших детей, или

находящихся в последнем периоде беременности, и не вполне довольны девушками еще непорочными. “Еще когда своего наживешь, говорит пермяк, а тут, глядишь, чрез год – другой и борноволок есть (ребенок, управляющий лошадыю во время боронения). Редкая девушка выйдет замуж за того парня, от которого имеет ребенка: “не видала я его, что ли”, говорит обыкновенно в этих случаях девица. Родители, по свидетельству одного из местных этнографов, Рогова, первого бытописателя пермяков, убеждены, что если сватаются за дочерей их, то, вероятно, они, по крайней мере, в мнении общества уже потеряли девство. Потому-то некоторые отцы, считая дочерей своих невинными, оскорбляются сватовством, бранят, выгоняют, нередко колотят сватовщиков, приговаривая: “Что, раз (разве) дочь моя пена (виновна), что пришел ты сватать?” Неимение детей для замужней женщины большое несчастье; ее бьют и корят все в доме, а иной раз и посылают прямо-таки пригулять дитя на стороне. К одному из земских начальников пришла как-то молодая женщина пермячка с просьбой выдать документ о выдаче ей отдельного вида на жительство в виду того, что муж беспощадно бьет ее и жить ей совместно с мужем невозможно. “За что ж он бьет тебя? Верно сама нехорошо ведешь себя? – спрашивает земский. – “Именно за то и бьет, батюшка, что сызмала себя хорошо держала”. – “Как так? – “Да уж так. Честная я за него вышла, вот он меня теперь корит: даже в девках была, никто на тебя не позарился; один только я такой дурак и нашелся”. На увещания одного из священников жить нравственно один почтенный старик ответил: “Да, ведь, мы батюшка и так по Божьи живем; ведь Бог-то плодиться велел, вот мы и плодимся, как умеем”! Не удивительно поэтому, что в семье пермяка редко бывает тишь, да гладь. Все семейные устои расшатаны,

-521-

взаимного уважения и доверия нет и в помине. Понятия же о чистой, так облагораживающей семейную жизнь, любви не существует, как сказано, даже на языке пермячком. Семейные отношения среди пермяков плохи, особенно для женщин: побои, истощение от ранней и крайне развратной жизни, полное пренебрежение к охранению организма в предродовой и послеродовой периоды, тяжелая работа – все это немало способствует измелчанию народа. Мужчины бьют женщин сильно, бьют за все, порой и от нечего делать. Жаловаться не приходится: бьют, ведь, свои домашние; пожалуешься – еще и не так избьют. Собственно сильных, по мнению бьющих, они не наносят. “Да нешто я бил; я только ее с полатей варовыми вожжами хлестнул”, говорит супруг по поводу причитаний супруги. Вообще в делах семейной расправы пермяки отличаются замечательной жестокостью, доходящей иногда до варварства. В силу того, что женщина решительно в семье никакого значения не имеет, ей приходится выносить многое. Сожительство между родственниками сильно распространено среди

пермяков. Снохачество – явление заурядное, братья часто отбивают жен у своих братьев; не редкость даже прижитие детей от родных сестер. – Как в области семейной жизни, так же и во всех других отношениях поведение пермяка не урегулировано никакими нормами. Пермяк живет и действует по первому влечению. Слишком часты случаи, когда из за малейших недоразумений отец покушается на жизнь сына и наоборот, когда один брат бросается на другого топором. Убийство, совершенное в драке, для пермяка обычное явление. За полученную обиду он грозит смертью обидчику (“брюхо распорю”, “кишки выпущу”). Пермяк изобретателен на способы удовлетворения своего мстительного чувства и бывает по временам виртуозно жесток. Вот два соседа покончили тяжбу из-за земли. Проигравший ловит в поле лошадь своего счастливого противника, заматывает ей шею прутот и пытается таким образом задушить. В другом случае лошадь пострадавшего загоняют в узкий закоулок, запирают с двух сторон и прокалывают ей острым колом грудь между лопатками и т.д. и т.д. – Из других качеств

-522-

пермяка наиболее резко выступают – пьянство и воровство. Воровство распространено среди пермяков весьма сильно и за порок не считается: У соседа есть, у меня нет, почему бы не наоборот”? Есть деревни, в которых не вору лишь те, что лежат в люльках... Так окруженный вымыслами своего дикого, запуганного воображения, не контролируемого светом истинной веры, весь в плену стихийных сил собственного существа, – влачит свою жизнь пермяк.

В.Я. Струминский